И. ТЕНЕРОМО.

ЖИВЫЯ РѢЧИ Л. Н. ТОЛСТОГО

1885—1908 гг.

Уважаемому товарищу Александру Павловичу Павлову на добрую память

И. Тенеромо

И. ТЕНЕРОМО.

ЖИВЫЯ РѢЧИ Л. Н. ТОЛСТОГО

(1885—1908 гг.).

ОДЕССА—1908.

Типографія газеты „Одесскія Новости“
Екатерининская, 8.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

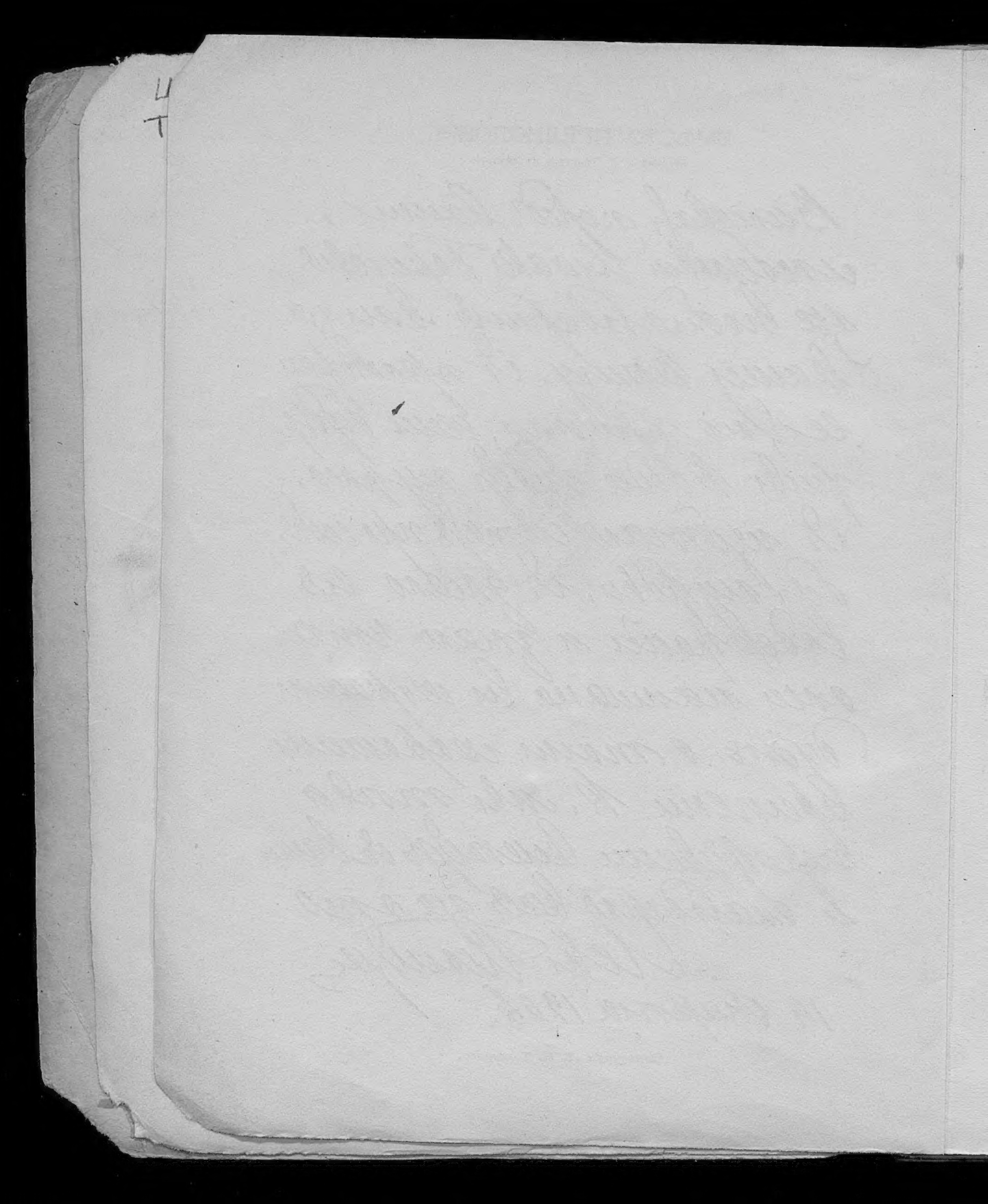
(Письмо Л. Н. Толстого къ автору).

Виноватъ передъ вами, любезный Исаакъ Борисовичъ что не поблагодарилъ васъ за вашу книгу. Я просмотрѣлъ ее, но прочту, если буду живъ когда буду здоровъ. Я немало читалъ про себя безъ шутки. Я знаю ея содержанiе и знаю что она написана въ хорошемъ духѣ о томъ хорошемъ времени к. мы тогда переживали вмѣстѣ съ вами и благодарю васъ за это

Левъ Толстой

14 марта 1906.

Автографъ Л. Н. Толстого.

РЕЛИГІЯ
ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

— Посмотрите, — сказалъ Левъ Николаевичъ,— какое письмо я сегодня получилъ. Длиннѣйшій трактатъ на 10 листахъ и съ весьма рѣзкой критикой 3
нашихъ взглядовъ. Пишетъ позитивистъ Фрей, эмигрировавшій въ Америку, а теперь снова вернувшійся въ Россію. Это одно изъ тѣхъ писемъ, на которое я непремѣнно отвѣтилъ-бы, но авторъ обѣщаетъ самъ на-дняхъ пріѣхать сюда. Интересно посмотрѣть. Онъ говоритъ въ письмѣ: «Я гораздо скромнѣе своихъ словъ». Это мнѣ нравится.

Черезъ нѣсколько дней я прихожу и застаю со Л. Н—чемъ коротенькаго, съ черной бородкой на матовомъ, блѣдномъ лицѣ, человѣка. Привѣгливый, улыбается.

— Фрей! — говоритъ. — А мы къ вамъ въ школу собираемся. Ужасно хочется посмотрѣть, — мнѣ Л. Н. успѣлъ уже о васъ такъ много разсказать. Въ Америкѣ у насъ тоже была школа, и тоже никакихъ наказаній. Долго не хотѣлъ я брать въ свои руки

школу, больно было отъ работы оторваться, но община твердо настояла на своемъ и потребовала, чтобы учителемъ былъ я. Помню, какъ жутко было на душѣ, когда я впервые приступилъ къ обученію въ этой маленькой, но великой аудиторіи. Студенты академіи, гдѣ я читалъ лекціи въ Россіи, мнѣ показались пигмеями въ сравненіи съ этими крошками, такъ просто и довѣрчиво смотрѣвшими мнѣ въ глаза. Я видѣлъ, я чувствовалъ, что они ждутъ отъ меня откровеній новаго, разсказовъ о тайнахъ этого свѣжаго для нихъ міра, а мнѣ, глядя на ихъ свѣтлыя, ангельскія лица, хотѣлось самому проникнуть къ нимъ и вывѣдать тайну того невѣдомаго, откуда они такъ недавно пришли, и чарами котораго еще дышутъ ихъ розовыя, маленькія уста. Я горячо молился Великому Человѣчеству, нашему
4 l'homme humanité, чтобы оно наставило и вразумило меня на радостный путь служенія этимъ чистымъ частицамъ Его-же.

Левъ Николаевичъ очень заинтересовался.

— Скажите, вы прибѣгаете и къ молитвамъ?

— Какъ-же! Для насъ, религіозныхъ позитивистовъ, это одно изъ непремѣнныхъ условій бодраго служенія Человѣчеству. И мы молимся по нѣсколько разъ въ день, передъ пищей, передъ сномъ. Я васъ потомъ познакомлю съ содержаніемъ этихъ молитвъ. Это, коенчно, не подражаніе клерикальнымъ молитвамъ, но онѣ проникнуты полной религіозной близостью къ тому Существу, которое составляетъ основу нашего вѣрованія. Основатель религіознаго позитивизма, великій Контъ, училъ насъ, что наиболѣе живая, дѣятельная, подвигающая на жизнь и работу сторона всякой религіи, — это такъ назы-

ваемый симпатическій элементъ ея, т. е. та кровная, близкая, душевная и постоянная связь съ предметомъ вѣры, которая одна только и живитъ вѣрующую душу. Есть этотъ симпатическій, интимный, личный элементъ, — и вѣра живая, сильная, могучая, создающая народы и эпохи въ исторіи; нѣтъ этого элемента, — и вы получаете сухую, мертвую догму, никого не грѣющую и ничему не учащую схему... Простите, дорогой, но ваша система именно и есть такая сухая схема. Въ ней мысль, логика, правила, но нѣтъ личнаго, симпатическаго элемента, нѣтъ единенія, нѣтъ глубокой, душевной близости съ учителемъ нашей вѣры. Вы у Христа берете только поученія, правила, мысли, пользуетесь Его притчами, метафорами и разсказами о фактахъ изъ Его жизни, но Онъ, Онъ самъ не есть для васъ Божество. Вы Ему не молитесь, вы не вѣрите въ Него!.. 5

Фрей всталъ, подошелъ вплотную къ Л. Н—чу, который стоялъ тогда у окна и задумчиво смотрѣлъ вдаль,—и, взявъ его за обѣ руки, приникъ головой къ его груди

Левъ Николаевичъ, обнявъ его голову, быстро наклонился къ нему, и они слились въ одномъ долгомъ, братскомъ поцѣлуѣ.

Фрей судорожно рыдалъ и, отрываясь отъ губъ Л. Н—ча, съ дрожью въ голосѣ произнесъ:

— Я люблю васъ, дорогой мой, сильный мой, дивный мыслитель и поэтъ, какихъ не знали люди. Я воспитался на вашихъ произведеніяхъ, я пилъ ихъ влагу всей жадной грудью своей и у васъ же научился любить этотъ огромный міръ и чудную красоту его. Я умоляю васъ, я прошу васъ, верни-

тесь къ своимъ творческимъ работамъ, гдѣ вы титанъ могучій, несравненный властелинъ слова, освѣщающій молніей небосводъ литературы, — и оставьте ваши препирательства съ клерикальными людьми и ихъ книжными догматами. Если вы ищете вѣры, дорогой мой, и вашей душѣ нуженъ свѣтъ и теплота, обратите свои взоры къ тому, кто есть дѣйствительный хозяинъ и отецъ вашей жизни, къ огромному, великому Человѣчеству, у котораго вы — одинъ изъ прекраснѣйшихъ его сыновей. Направьте работу духа своего и дивное умѣнье постигать истину туда, гдѣ вы обрѣтете ее для себя и для милліоновъ другихъ людей, которые васъ слушаютъ, читаютъ, любятъ и которые ждутъ отъ васъ слова откровенія, — другого слова, не того, которое вы теперь произносите. Оно не истина, Левъ Николаевичъ, и вѣрой никогда не будетъ!...

Его слушалъ Л. Н. съ напряженнымъ вниманіемъ и, увлеченный искренностью тона, ловилъ каждое слово Фрея и, видимо, былъ глубоко потрясенъ.

— Я не больше, какъ растущій человѣкъ, мой добрый, искренній Владиміръ Константинычъ. И вѣрьте мнѣ, я не рисуюсь, когда скажу, что истина для меня дороже всего въ жизни. Я искалъ и съ трепетомъ ищу ее съ тѣхъ поръ, какъ только помню себя, и не знаю тѣхъ опасныхъ мѣстъ и пучинъ, куда бы я ни пошелъ ради нея. Я все для нея сдѣлалъ и сдѣлаю, — и если я теперь исповѣдую христіанство въ томъ видѣ, какъ я его понимаю, то это потому, что Христово христіанство вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что я считаю истиной. Укажите мнѣ

другое, и я увѣрую, я пойду за вами. Но то, что вы мнѣ предлагаете, это ученіе о человѣчествѣ, какъ организмѣ, и поклоненіе этому организму, — простите, это слишкомъ далеко отъ правды и такимъ крохотнымъ, маленькимъ кажется, что трудно помѣститься тамъ сколько-нибудь уже выросшей мысли.

Взято сравненіе, которое можетъ годиться въ альбомъ и не больше, — и на этомъ сравненіи воздвигается цѣлая религіозная система съ обрядами, богослуженіемъ и канонами. Создаются новые горизонты для мысли и производится инспекторскій смотръ всей работѣ человѣческихъ знаній, располагая науки въ шеренги и послѣдовательные ряды, постепенно отражающіе на себѣ свѣтъ этого альбомнаго сравненія о томъ, что человѣчество есть организмъ.

И если въ наукѣ и для науки Контъ, какъ тотъ архиваріусъ, кое-что еще сдѣлалъ, расположивъ по полкамъ старыя бумаги и наклеивъ на нихъ картонки съ надписями, чтобы легче отыскать было,— если своей классификаціей, говорю я, онъ кое-что и сдѣлалъ, именно, кое-что, далеко не столько, сколько объ этомъ говорятъ, то своей попыткой создать религію человѣчества и возвести себя въ званіе grandprêtre'а его, онъ не только ничего не сдѣлалъ для истины, но, напротивъ, сдѣлалъ все для того, чтобы всякаго свѣжаго и дорожащаго свободой своей мысли человѣка, не желающаго никому вѣрить на слово, отбросить отъ истины съ силой орудійнаго залпа и надолго отохотить его отъ попытокъ искать ее.

Что собственноо жизненнаго въ этой теоріи? Гдѣ

дѣйствительныя доказательства того, что совокупность всѣхъ людей имѣетъ видъ и форму живого существа и такъ же живетъ отдѣльной жизнью, какъ каждое отдѣльное живое существо? Гдѣ тотъ главнѣйшій признакъ живущаго существа, гдѣ центръ сознанія его? Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Чикаго, или здѣсь въ Крапивнѣ, Тулѣ, Ясенкахъ?

Мало того, эта теорія, нисколько не соотвѣтствующая дѣйствительности и не имѣющая значенія даже, какъ сравненіе, — теорія эта вмѣстѣ съ тѣмъ является апологіей, подспорьемъ существующихъ ужасовъ и обмана. Одни будутъ нервы благородные, а другіе будутъ мускулы да кости. Воскресаетъ старая басня Мененія Агриппы, которой онъ дурачилъ простыхъ людей. Одни будутъ воду носить, другіе будутъ пить.

8 Очень можетъ быть, что и теперь старѣющійся міръ, утопающій во власти и сытости, ухватится за эту новую погремушку и будетъ ею погромыхивать, какъ раньше гремѣли теоріей бѣлой и черной кости и т. п. Но можетъ-ли это стать предметомъ вѣры? Какъ можетъ рѣшиться ищущая правды душа вмѣсто Бога увѣровать въ жалкую группу существъ, безвольныхъ и слабыхъ, не знающихъ, что съ ними будетъ черезъ мигъ? Это самое человѣчество, ничтожное и малочисленное настолько, что если-бы собрать его и вогнать въ Женевское озеро, то вода поднялась бы только на нѣсколько футовъ, — это крохотное ласточкино гнѣздо на карнизѣ огромнаго дома, — эта часть-части, сама зависимая, голодная, жалкая, — эта еле-еле барахвающаяся амеба въ природѣ, какъ можетъ она замѣнить великаго Бога вселенной, создающаго міры? Какую степень низ-

меннаго идолопоклонства и темнаго фетишизма надо предположить въ человѣкѣ, который рѣшился-бы уже имѣющуюся въ его душѣ вѣру въ великое промѣнять на этотъ краешекъ, на этотъ штрихъ только тѣни великаго?

Да, это не больше, какъ рафинированное съ филиграниой отдѣлкой на интеллигентномъ, будто-бы научпомъ, жаргонѣ старое, старое чистѣйшей воды прямое идолопоклонство, отъ котораго такъ часто насъ оберегали наши старые мудрецы, когда учили пе сотвори себѣ кумира.

Я вѣрю, что я живу и чувствую живую жизнь въ себѣ не потому, что этого хочетъ или хотѣло какое-то разсыпанное по всѣмъ широтамъ болѣющее и умирающее человѣчество, само не могущее прибавить себѣ роста и на локоть, — я вѣрю, что живу потому, что этого хочетъ Богъ, повелѣвающій жить и травкѣ и мнѣ. И если Богу угодно было призвать меня въ жизнь и придать мнѣ форму человѣческаго существа и велѣть жить среди людей, работать на нихъ для него, — я съ радостью исполняю Его волю и чувствую, что живу только тогда, когда исполняю ее.

И вотъ очень можетъ быть, что Богъ сплачиваетъ людей, уничтожая между ними всѣ раздѣляющіе ихъ простѣнки, въ видѣ языка, націй и обычаевъ; очень можетъ быть, что это сплачиваніе и напоминаетъ процессъ соединенія маленькихъ живыхъ комочковъ въ организованное тѣло, но, во-первыхъ, это процессъ только начинающійся, едва-едва замѣчаемый, а во-вторыхъ, планъ соединенія не можетъ и не долженъ пойти по пути порабоще-

пія одного другимъ, какъ это имѣло и имѣетъ мѣсто въ организмѣ.

Богъ, посѣщающій душу человѣка, обѣщаетъ ей свободу, а не порабощеніе. И этотъ Богъ — есть только Богъ и никто другой!..

МОЛИТВА.

Уже двѣ недѣли Левъ Николаевичъ больной и, хотя болѣзнь начала уступать, но онъ все-таки лежитъ прикованный къ постели. Ни поворотиться, ни присѣсть нельзя и, чтобы легче было писать и читать, ему сдѣлали приспособленіе изъ доски, косо укрѣпленной надъ кроватью въ видѣ маленькой парты. На этой доскѣ Л. Н. и началъ писать свою пьесу «Власть тьмы». 13

У постели безотлучно находится восторженный другъ и поклонникъ Л. Н—ча, извѣстный художникъ, старикъ Ге.

Ге далеко не былъ похожъ на старика, но его называли такъ въ отличіе отъ сына, имя-отчество котораго было также Николай Николаевичъ. Въ шутку иногда называли его еще Николай Николаевичъ старшій.

Когда я пришелъ провѣдать Л. Н. и направился наверхъ къ нему въ комнату, на порогѣ показался Ге и, усиленно жестикулируя, давалъ знать глазами

и игрой мускуловъ на лицѣ, что теперь нельзя войти.

— Спитъ, благоговѣйно шепнулъ онъ, и мы тихо, на цыпочкахъ спустились внизъ.

— Вы знаете,—съ какимъ-то таинственнымъ трепетомъ началъ Ге, когда мы очутились внизу, въ кабинетѣ.—Я смотрю на него, какъ онъ лежитъ, вытянувшись, величественный, на постели, и не могу оторваться отъ мысли, что это лежитъ Моисей. Именно онъ, могучій пророкъ Іеговы, бесѣдующій съ нимъ наединѣ. Я и раньше чувствовалъ, что Л. Н. ближе къ пророкамъ древности, чѣмъ къ апостоламъ христіанства, но теперь, во время болѣзни его, когда я такъ часто смотрю на него и въ особенности сейчасъ, когда онъ уснулъ и медленно закрылъ глаза,—вся фигура его, борода, высокій лобъ съ игрой морщинъ глубокихъ, какъ ущелья Синая,—и весь, весь онъ такъ и рисуетъ въ мозгу ярко, сильно портретъ Моисея.

Величественный образъ!

Какъ малъ Синай, когда Моисей стоитъ на немъ!.. Какъ это глубоко сказано.

Этотъ древній, дивный міръ полонъ чарующей таинственности, и когда я начинаю думать о немъ, когда приближаюсь къ нему, я чувствую, что дѣйствительно надо обувь снять, ибо мѣсто свято.

Возьмите Исаію, напримѣръ. Какая непостижимая сила слова и необыкновенное проникновеніе духа!

Уже съ первой главы громъ гремитъ: «Ваши новомѣсячія и куренія ненавистны мнѣ!» Или эти обличенія женщинъ съ ихъ зеркальцами, запястьями, луночками и т. д. «И будетъ вмѣсто пышнаго убора

волосъ—плѣшь на головѣ, вмѣсто пояса—веревка, вмѣсто украшеній—язвы на тѣлѣ. И народъ, котораго не знали ни отцы ваши, ни вы,—отведетъ васъ въ плѣнъ и выведетъ на рынокъ для продажи!»

У насъ, въ Плискахъ, есть очень умный молодой еврей, и мы часто цѣлые вечера проводимъ вмѣстѣ, — я люблю его за какую-то особенную, нѣжную, чисто еврейскую красоту его души. И вотъ я далъ ему разъ прочесть Исаію на русскомъ языкѣ. Надо было видѣть изумленіе и восторгъ этого человѣка.

— Неужели у насъ есть такая книга? Боже мой!

И онъ заплакалъ отъ умиленія.

Вотъ и въ Львѣ Николаевичѣ мнѣ нравится это величавое древне-іудейское настроеніе. Мнѣ кажется, что у него и складъ мысли, и сила слога, и характеръ ученія, требующаго прежде всего дѣлъ и исполненія правилъ — все, удивительно іудаистично, потому что Христово христіанство не такъ уже сурово приступаетъ къ горлу человѣка и не требуетъ отъ него жертвъ и подвига, — оно не закалаетъ его, какъ Авраамъ Исаака на горѣ; оно какъ-то мягче, нѣжнѣе, прежде всего говоритъ о вѣрѣ, о спасеніи ею, о помыслахъ, о духовномъ единеніи съ Богомъ... Да, это совсѣмъ не то, тутъ дѣла и правила послѣ, они второстепенные персонажи.

Правда, и Л. Н. говоритъ о внутреннемъ перерожденіи, о служеніи Богу въ духѣ, о призрачности внѣшнихъ дѣлъ, — но это все у него блѣдно, слабо и дышитъ надуманностью. А когда онъ гремитъ громами обличенія и выдвигаетъ свои батареи на позицію этихъ самыхъ внѣшнихъ дѣлъ — обстрѣлъ его разителенъ, могучъ и непобѣдимъ. Онъ великолѣпенъ и пророкоподобенъ именно тогда, когда

онъ рисуетъ картину праведной жизни, полную дѣлъ и радостей работы и когда онъ влечетъ васъ всей силой мощнаго слова на подвигъ, на жертву, на новую жизнь.

Вотъ что свойственно Толстому, и мысль эта меня постоянно преслѣдуетъ и я съ ужасомъ и страхомъ за что-то великое думаю иногда: а что если Л. Н. не вѣритъ въ Христа? если все ученіе его есть только внѣшность, видимость Христа, а не Его сокровенная, святая сущность.

Не считаетъ ли онъ Христа, Его жизнь и проповѣдь матеріаломъ, надъ которымъ онъ оперируетъ, какъ писатель и, вдумавшись только въ духъ рѣчей Христовыхъ, онъ, какъ дивный художникъ слова, говоритъ иногда языкомъ Христа и производитъ впечатлѣніе Его ученика и послѣдователя.

Не есть-ли это, говоря по-просту, колоритная, чудная, искристая, но все-таки имитація Христа, и стоитъ только, какъ въ имитаціи алмаза, усмотрѣть хоть одну фальшивую черточку, какъ вся поддѣлочная работа вырисовывается ясно, неотразимо, и глазъ уже видитъ, что передъ нимъ не то.

«Не то» и здѣсь. И съ трепетомъ душевнымъ говорю вамъ. Мнѣ кажется, что Толстой не близокъ ко Христу, онъ не вѣритъ въ Него и не считаетъ его своимъ учителемъ.

Вотъ вы скажите, вы тоже близки къ Л. Н—чу и знаете его и умѣете вдумываться въ чужую душу, скажите, правъ-ли я.

Признаюсь, меня вопросъ этотъ озадачилъ тогда, и я медлилъ отвѣтомъ.

Когда мы послѣ пошли наверхъ и вошли въ комнату Л. Н., онъ лежалъ съ открытыми, сіяющими

глазами, подернутыми влагой кроткаго оживленія. Со свѣтлой улыбкой и весь свѣтлый, какъ бы лишенный праха въ лицѣ, онъ, видя, что мы вошли обнявшись, тихо произнесъ:

— Вы, вижу, любите другъ друга? — Онъ пожалъ мнѣ руку въ это время, и рука его такой легкой, нѣжной показалась. — Нашъ Учитель только этого и хотѣлъ.

Глаза сильно увлажнились, и вѣки быстро замигали, сгоняя свѣтлую слезу. Въ голосѣ слышна была сдавленность съ усиленной вибраціей и спазмами, что всегда бываетъ съ нимъ, когда онъ чувствуетъ приливъ вдохновенія и охваченъ нахлынувшими образами. Это чрезвычайно дѣйствуетъ на слушателя. Слово «нашъ Учитель», тихо и искренно сказанное, было произнесено такъ, что въ голосѣ ясно чувствовалось большое «У», и это мнѣ было особенно радостно.

Этотъ трогательный оттѣнокъ въ голосѣ лучше длинныхъ трактатовъ говорилъ о близости Л. Н. ко Христу.

— Я молился, — продолжалъ онъ, — и только теперь для меня ясна стала Его молитва. Меня долго останавливало въ ней одно слово, которое я всегда произносилъ съ довѣріемъ къ высокому смыслу, вложенному въ него, но постигновеніе его какъ будто все откладывалъ и откладывалъ. Обдумыванію оно не поддавалось, а внезапное разумѣніе его все не приходило. Теперь-же какъ-то тихо и незамѣтно засіялъ для меня радостный смыслъ этихъ словъ. Собственно одно слово. Въ молитвѣ говорится: «И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго». Почему здѣсь сказано «но»? Скорѣе мож-

но было-бы ожидать: «Не введи насъ во искушеніе и избави насъ отъ лукаваго». Я справлялся во всѣхъ контекстахъ и древнихъ спискахъ, вездѣ сказано «но», — по гречески «aΠa».

И вотъ, представьте, какой глубокій смыслъ лежитъ въ этомъ коротенькомъ словѣ.

Плохо, трудно приходится, когда мы терпимъ бѣдствія, лишенія, когда мы впадаемъ въ болѣзни, въ нужду, когда не любятъ насъ, гонятъ, въ тюрьму сажаютъ и т. д. Всѣ эти виды горя обозначаются въ молитвѣ красивымъ и значительнымъ по смыслу словомъ — «искушеніе». Насъ испытываютъ, какъ испытываютъ золото, поливая его кислотами и ѣдкими щелочами.

Намъ больно, трудно бываетъ это переносить, и хорошо было-бы, если бы насъ искушеніе миновало, — поэтому и сказано — не введи насъ во искушеніе.

Но горе это — горе видимое, не отъ насъ зависящее, выпадающее на нашу долю часто случайно, внезапно, изъ-за угла какъ-бы, и всегда касающееся больше тѣла нашего (нужда, узы, болѣзнь). И это еще не такъ ужасно. Ужаснѣе то, что сидитъ въ насъ, когда мы подвергаемся бѣдствіямъ, наше отношеніе къ горю гораздо важнѣе. Въ этомъ все. Это и есть лукавый, т. е. обманъ, сидящій въ насъ, и этотъ обманъ представляетъ намъ страданія наши всегда болѣе ужасными, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, — онъ навѣваетъ на насъ страхъ, рисуя безвозвратную гибель, онъ волнуетъ душу ропотомъ и осужденіемъ, онъ сѣетъ въ ней ложную жалость къ себѣ самой, и ѣдкая кислота искушенія становится дѣйствительно ужасной, — она превращается въ адъ, дымящійся

отчаяніемъ и безпросвѣтной тьмою.

Вотъ что ужасно! Вотъ почему и сказано: но избави насъ отъ лукаваго. Дѣйствительно, «но», т. е. гораздо важнѣе, гораздо необходимѣе избавиться отъ нутренняго обмана, сидящаго въ насъ, чѣмъ отъ случайнаго бѣдствія, которое внѣ насъ.

И теперь только я вижу, какой высокій, обаятельный, радостный смыслъ въ этихъ простыхъ, но сильныхъ словахъ.

Ге приникъ къ изголовью. Льва Ник. и благоговѣйно поцѣловалъ его въ лобъ.

— Я никогда этого не слыхалъ отъ него, — говорилъ онъ мнѣ послѣ. — Разумѣется, я не правъ. Онъ вѣритъ во Христа.

ПОСЛѢ ОТЛУЧЕНІЯ.

Раннимъ іюльскимъ утромъ я, послѣ многолѣтняго отсутствія, пріѣхалъ въ Ясную Поляну и, побывъ нѣсколько часовъ въ деревнѣ у своихъ старыхъ знакомыхъ, поспѣшилъ къ Льву Николаевичу.

Я видѣлъ, какъ онъ вышелъ изъ двери и, повернувъ въ большую березовую аллею, быстро пошелъ внизъ.

— Левъ Николаевичъ! Левъ Николаевичъ! — сталъ я окликать его.

Разстояніе было небольшое, Л. Н. долженъ былъ слышать мой голосъ, но онъ все ускорялъ свой шагъ и, не оглядываясь, круто повернулъ влѣво въ чащу парка.

— Левъ Николаевичъ! — уже почти въ двухъ шагахъ отъ него сказалъ я, — здравствуйте!

Онъ обернулся, постоялъ съ мгновенье блѣдный и какъ бы въ недоумѣніи, потомъ сразу просвѣтлѣлъ, и мы расцѣловались.

— Вы?!. Какъ я радъ! Измѣнился немного вашъ

голосъ, возмужали; а я думалъ, что другой и рѣшилъ не оборачиваться.

Послѣ синодской травли здѣсь стали появляться люди для расправы со мной. Вамъ домашніе мои все разскажутъ. Мнѣ тяжело объ этомъ говорить. Но я ожидаю нападеній каждый разъ и вотъ и теперь, когда вы шли за мной, я слышалъ шаги ваши и ждалъ, что вотъ-вотъ что-то вонзится въ меня.... Что-жъ? Я къ смерти готовъ. И если не отъ камней печени, которые меня уже измучили, то отъ камней убійцъ,—не все-ли равно, отъ чего умереть?..

Мы пошли паркомъ, Л. Н. нервно постукивалъ самодѣльной палочкой по корѣ попадавшихся по пути березъ и продолжалъ.

— Конечно, я знаю, что они вызвали зло только въ немногихъ, но и то, что они сдѣлали, это ужас-

но и ничѣмъ неоправдываемо. Я себя воображаю на мѣстѣ этихъ людей, приходящихъ сюда съ камнями. Живетъ старикъ и думаетъ по своему о жизни и Богѣ, а я подкрадусь или, еще хуже, встрѣчу его лицомъ къ лицу и наброшусь, чтобы истоптать и изранить его... Сколько нужно мрака, какъ должна быть затуманена душа, чтобы могла рука подняться на это? Но она поднимается, и душа дѣйствительно затуманена. Я вспоминаю себя въ то время, когда я, возвратившись къ вѣрѣ, вставалъ рано утромъ и ходилъ въ храмъ и часами стоялъ и молился среди блестѣвшихъ позолотой иконъ и украшеній; помню, какъ я гналъ отъ себя всякое сомнѣніе и съ покаяніемъ и слезами клалъ поклоны и умилялся пѣніемъ и словами молитвы и только одного желалъ для себя: глубже вѣрить, искреннѣй не сомнѣваться и любить и покоряться всему, что я слышу и буду

слышать отъ облаченныхъ въ парчу учителей, говорящихъ слова глубокой истины и съ такой непоколебимой твердостью увѣряющихъ насъ и всѣхъ, кто ихъ слышитъ, что надо вполнѣ вѣрить, вѣрить и вѣрить только имъ. Я вспоминаю себя и свою беззавѣтную преданность имъ и представляю себѣ, какой ужасъ охватилъ бы меня, какія муки страха пережилъ бы я, если бы мнѣ сказали тогда, что эти самые учители меня отринутъ отъ себя и скажутъ: ты не нашъ. Я былъ бы глубоко несчастенъ и дѣйствительно чувствовалъ бы то же, что испытываетъ сверженный со скалы и летящій въ мракъ темнаго оврага. А теперь, когда это самое совершилось, когда учители громко крикнули мнѣ: уходи! и обнародовали мое отлученіе, я далекъ отъ трепетныхъ чувствъ и совсѣмъ не испытываю, будто лечу со скалы во тьму. 25

Я никуда не лечу и не только не испытываю оторванности и одиночества, но, мнѣ кажется, чувствую то же, что чувствуетъ новорожденный, когда отрѣзываютъ пуповину.

Она ему не нужна уже, онъ дышетъ уже легкими и пульсъ у него свой. Ни боли, ни надобности не испытываетъ.

Говорю вамъ, какъ другу, и какъ старый передъ смертью человѣкъ. Я не рисуюсь и не думаю говорить то, чего нѣтъ, но увѣряю васъ, что Христосъ для меня та опора, которая держитъ меня, и близость къ Нему, Его образъ, Его духъ, Его жизнь, слова, я всѣмъ этимъ такъ проникнутъ, пропитанъ и такъ это мнѣ все близко и дорого, что дѣйствительно чувствую новую жизнь и вижу, что Онъ ве-

детъ меня по тропѣ вѣрной и указываетъ путь несомнѣнный.

Такъ, какъ Онъ и говорилъ: Я есмь Путь, Истина и Жизнь.

И я это чувствую всей душой на себѣ теперь. И можно-ли меня отъ Него отвергать? И странно, и дико.

Но наступаетъ время и настало уже, когда духъ человѣка, сдавливаемый и стѣсняемый оковами обрядности и догматизмомъ, разобьетъ оковы и разрушитъ обманъ. Молитва должна исходить отъ самого вѣрующаго, служеніе должно быть въ духѣ и истинѣ... И благо будетъ людямъ!..

Когда я увидѣлся потомъ съ Маріей Львовной, она разсказала мнѣ про тѣхъ «посѣтителей».

— Вижу я, что съ утра еще какихъ-то два непріятныхъ на видъ человѣка, одѣтыхъ по-городскому, все на бѣлую кухню заглядываютъ и съ поваромъ разговоры ведутъ и на домъ глазами и руками показываютъ.

Я подошла и хотѣла спросить ихъ, что имъ надо, но они вышли изъ воротъ и повернули въ узкую аллею на скотный дворъ. А поваръ и говоритъ мнѣ:

— Не къ добру это! Все выпытывали, гдѣ графъ гуляетъ и кто ходитъ съ нимъ; денегъ сулили мнѣ, чтобы разсказать. Изъ Тулы, говорятъ, присланы мы, дѣльце секретное есть къ самому-то.

Я разсказала это maman и всѣмъ нашимъ, а papa въ это время уже гулялъ и подходилъ ко рву, что за большимъ садомъ.

Только мы подбѣжали къ нему, чтобы предупредить его, вдругъ изъ-за валика съ той стороны рва

выскочили тѣ два человѣка, бросили два большихъ камня въ ровъ, — они въ рара цѣлились, — потомъ выхватили кинжалы изъ-за поясовъ и крикнули: «Погоди! Мы еще справимся съ тобой!»—и удрали.

Хотѣли-было наши гнаться за ними, но папа не велѣлъ. Лицо одного изъ нихъ я хорошо помню. Глаза съ зелеными, злыми огоньками, ротъ перекошенный и шрамъ на щекѣ. Что-то дикое, хищное въ этомъ лицѣ. И столько трусливой, невысказанной злобы было въ ихъ голосахъ, когда они, потрясая кинжалами, выкрикивали свои угрозы. И до сихъ поръ дрожь меня пробираетъ, когда вспомню. И эти люди шли на отца!! Боже мой! Что онъ имъ сдѣлалъ!.. Можете представить себѣ, сколько волненій мы пережили и какой ужасъ охватилъ насъ. А папа спокоенъ. Ну, — что-жъ, говоритъ, развѣ мы знаемъ, отъ чего лучше умереть? 27

Но все-таки и онъ былъ взволнованъ, злоба этихъ людей его потрясла. Большимъ утѣшеніемъ для насъ то, что мы послѣ синодскаго отлученія получаемъ цѣлыя горы писемъ и телеграммъ отъ разныхъ лицъ со всего свѣта, и всѣ письма такія теплыя, милыя. Столько хорошихъ чувствъ въ людяхъ. Если бы я была поэтомъ, я сказала бы, что въ храмѣ человѣчества теперь свѣтло стало. Вотъ и сегодня привезли съ Козловки около сотни писемъ. За каждое письмо, доставленное на Козловку, приходится доплачивать три копейки, такъ какъ это полустанокъ, а не станція, — и вотъ мѣсяца нѣтъ, а пришлось заплатить 90 руб.

Сосчитайте, сколько же это писемъ мы получили. И всѣ письма сочувственныя. Положите на одну чашку вѣсовъ синодскую бумажку объ отлученіи, а

на другую эти сугробы писемъ и депешъ всего міра, и вы получите ясное представленіе о томъ, кто отъ кого отлученъ.

Подошелъ и Левъ Николаевичъ на этотъ разговоръ.

— Тамъ все взвѣшено! — указалъ онъ на верхъ. — Богъ съ ними, я не вступаю съ ними въ споръ.

ЛЕГЕНДА
ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ I.

Когда вышла книга Вогюэ, Левъ Николаевичъ, обыкновенно равнодушный къ отзывамъ о себѣ, на этотъ разъ читалъ книгу съ большимъ интересомъ.

— Вы знаете, — сказалъ онъ мнѣ, — что меня особенно трогаетъ въ его отзывѣ? Это очень тонко подмѣченная причина моего склада мыслей. Онъ находитъ, что если бы я не былъ русскимъ, я не пришелъ бы къ той вѣрѣ, какой я теперь живу. Какъ это глубоко вѣрно! Не изъ чувства національной гордости, котораго я, слава Богу, чуждъ и которое я считаю самой опасной заразой, — не изъ этого чувства, а просто, наблюдая жизнь и людей, могу смѣло сказать, что русской душѣ христіанство въ его чистомъ и ясномъ видѣ болѣе всего сродни. И то, что оно не здѣсь началось и не здѣсь выросло, — это вовсе ничего не доказываетъ. Рѣки, начинаясь въ горахъ, тоже не остаются тамъ, а сбѣгаютъ внизъ шумными потоками. И только въ глу-

бокихъ и широкихъ долинахъ изъ этихъ потоковъ образуются рѣки, озера и моря. И вотъ я думаю, что русская душа, какъ огромная впадина на землѣ, впитала въ себя влагу христіанства, — и теперь передъ нами большое синѣющее море съ радостными отсвѣтами неба.

Помню, именно это ощущеніе я и испытывалъ, когда перестал быть нигилистомъ и меня потянуло къ вѣрѣ народной. Я шелъ, погружаясь, какъ человѣкъ входитъ въ море и чувствуетъ, что вотъ-вотъ онъ окунется и поплыветъ. И какъ хорошо стало на душѣ, когда я окунулся и ушелъ съ головой въ эту захватывающую великую стихію. Я увидѣлъ иной міръ передъ собой, огромный міръ людей, живущихъ не на словахъ только, а на дѣлѣ непосредственной чуткой близостью къ Богу, со-
 знавая себя работникомъ Его и послушно съ радостью исполняя то, что отъ нихъ требуетъ Богъ. Не то, что я хочу, а то, что хочешь Ты. Въ этомъ все цѣнное отличіе ихъ отъ другихъ народовъ. Оттого русская народная душа и чужда страсти обогащенія и захвата и льнетъ больше къ чувству отреченія и мира.

Въ этомъ отношеніи чистѣйшимъ воплощеніемъ русской души былъ Александръ I. Ахъ, какое сказаніе я о немъ знаю. Я непремѣнно обработаю когда-нибудь этотъ сюжетъ. Это дивная драма, изумительная по своей глубинѣ и по своей разящей, сильной, національной правдѣ.

Вотъ это сказаніе

Ужасъ, совершившійся уже въ юные годы жизни его, въ Инженерномъ замкѣ, легъ тяжелымъ камнемъ на душу Александра, и онъ нигдѣ не нахо-

дилъ себѣ покоя. Ни блескъ престола, ни внѣшнія радости придворнаго уклада не привлекали къ себѣ души его, и онъ все чаще и чаще замыкался въ себѣ. Религіозныя наклонности его складывались въ опредѣленное міросозерцаніе, рисовавшее Александру иную будущность и иное призваніе. Онъ твердо рѣшилъ отказаться отъ царства и заявилъ объ этомъ Николаю и его женѣ. Онъ поселился потомъ въ Таганрогѣ и жилъ совершенно частнымъ человѣкомъ.

Гуляя по загороднымъ мѣстамъ, Александръ любилъ бесѣдовать съ простыми людьми, и каждый разъ его сердце наполнялось жгучей завистью къ жизни этихъ людей, такъ ясно понимающихъ смыслъ своей жизни и такъ крѣпко вѣрующихъ въ Того, Кто имъ далъ эту жизнь.

— Когда же, когда? — бывало мучительно спрашивалъ себя Александръ, думая о томъ времени, когда и онъ такъ будетъ жить, какъ они.

Казалось, ничего не стоило взять, облачиться въ простую одежду и начать работать наравнѣ съ ними простую Божью работу.

Но Александръ чувствовалъ, что онъ еще не на томъ берегу, что надо переплыть еще большую, широкую рѣку и многое, многое пережить. И онъ ждалъ съ тревогой и моленіемъ минуты, когда это будетъ.

Вотъ разъ гуляетъ онъ за городомъ и видитъ народъ валомъ валитъ къ площади, занятой войсками. Войска выстроены въ двѣ шеренги длинной улицей и стоятъ безъ ружей, но съ короткими палками въ рукахъ.

Видитъ, вывели пожилого солдата, привязали

ему вытянутыя впередъ руки къ прикладу ружья и, сорвавъ съ него рубашку, повели его съ оголенной спиной между шеренгами солдатъ.

Началось подъ звуки барабаннаго боя ужасное наказаніе, которое называлось «сквозь строй».

Александръ смотрѣлъ въ лицо поблѣднѣвшаго предсмертной блѣдностью солдата и былъ пораженъ удивительнымъ сходствомъ съ собой. Лицо солдата — точь-въ-точь его лицо.

Изъ разспросовъ онъ узналъ, что несчастный уже дослуживалъ 25-й годъ своей службы, и, получивъ изъ деревни вѣсть, что отецъ умираетъ, онъ сталъ проситься въ отпускъ, чтобы попрощаться съ отцомъ. Но его не отпустили. Тогда онъ бѣжалъ. Его воротили и предали суду. Но онъ снова бѣжалъ и снова былъ пойманъ. И вотъ теперь его за двукратный побѣгъ присудили прогнать сквозь строй и дать ему 8 тысячъ палокъ. Это вѣрная смерть.

Александръ слушалъ эти глухіе, липнущіе удары, вначалѣ еще смѣшанные со стонами несчастнаго. Потомъ стоны эти притихли, и вмѣсто спины виднѣлось уже одно красное сплошное, сочившееся кровью и разметанное въ клочья-мясо.

Ужасъ охватилъ душу Александра. — Боже мой! — думалъ онъ. — Отца хотѣлъ увидѣть, въ послѣдній разъ прильнуть къ его губамъ и слово родное услышать, — и за это его именемъ моимъ терзаютъ и мучаютъ такъ?! А я... я... Что я сдѣлалъ?..

И та страшная сцена въ Инженерномъ замкѣ предстала во всей яркости предъ его глазами.

— Отецъ! — застоналъ онъ и тягучимъ, хриплымъ голосомъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Вдругъ слышитъ, барабанная дробь, все время

трещавшая, стихла, и удары палокъ прекратились. Несчастный уже лежалъ на землѣ и впалъ въ забытье. Его положили на носилки и понесли въ госпиталь. Александръ послѣдовалъ за нимъ. Въ дежурной комнатѣ врача сидѣлъ сѣденькій съ добрымъ лицомъ докторъ и спѣшно отдавалъ распоряженія помощнику, что нужно дѣлать принесенному солдату.

— Будетъ-ли онъ живъ, докторъ? — спросилъ Александръ, когда они остались одни, — и тутъ-же назвалъ себя.

Бѣдный докторъ испугался на смерть, вытянулся:

— Ваше... ваше величество...

Александръ ласково успокоилъ его и просилъ быть откровеннымъ.

Тогда докторъ сказалъ:

— Онъ умретъ сегодня-же. Онъ получилъ 4000 ударовъ, и въ двухъ мѣстахъ произошелъ переломъ позвоночника. Смерть неизбѣжна.

— Въ такомъ случаѣ, — заволновался Александръ, — моя строгая просьба къ вамъ, и послѣдняя просьба, докторъ. Но прежде поклянитесь мнѣ, что тайна эта умретъ вмѣстѣ съ вами.

— Клянусь! Клянусь моей любовью къ вамъ, великій Государь!..

— Вѣрю, — сказалъ Александръ — и вынулъ позолоченный ключъ изъ кармана.

— Вотъ вамъ ключъ отъ моей комнаты и велите перенести туда солдата. Я сниму съ себя одежду мою, и надо будетъ одѣть его. А самъ я буду здѣсь, на койкѣ, вмѣсто этого больного...

На завтра весь міръ узналъ о смерти Императо-

ра, и заколоченный гробъ его, никому не показывая израненное тѣло, перевезли въ Петербургъ.

А Александръ недѣли черезъ двѣ залечилъ свои «раны» и былъ проведенъ сквозь строй, чтобы добить остальные удары.

Ему дали 4.000 палокъ, но онъ чудомъ остался живъ. Солдаты, вѣроятно, щадили уже разъ наказаннаго.

Когда показались рубцы на кожѣ, его по законамъ того времени, какъ лишеннаго правъ, сослали въ Сибирь на поселеніе.

Въ далекую, затерянную среди овраговъ и долинъ сибирскую деревню привели высокаго, стройнаго солдата Михаила Силина и отдали подъ надзоръ начальства...

Левъ Николаевичъ на минуту остановился. Умиленный поэтичностью волновавшаго его образа, онъ не могъ продолжать дальше разсказа. Его давили спазмы въ горлѣ, а въ глазахъ стояли свѣтлыя, лучистыя слезы, слезы великаго сердцевѣда.

— И вотъ разсказываютъ, — продолжалъ онъ съ дрожью въ голосѣ, когда прошли спазмы, — что долго прожилъ Михаилъ въ той деревнѣ, научился хозяйству, помогалъ крестьянамъ и училъ дѣтей ихъ грамотѣ.

Славился онъ также тѣмъ, что зналъ болѣзни и людей лечилъ. Часто его люди заставали за молитвой и въ это время къ нему подводили больныхъ.

Случилось, что пригнали въ ту деревню двухъ ссыльныхъ, и изъ нихъ одинъ былъ старый придворный служитель. Вскорѣ служитель этотъ заболѣлъ тяжкой болѣзнью и былъ уже при смерти.

Положили его люди на повозку и привезли къ старцу Михаилу, когда тотъ молился.

Александръ порывисто посмотрѣлъ на больного и узналъ въ немъ своего стараго придворнаго слугу, работавшаго въ саду. Узналъ его и служитель. Отъ великой радости и неожиданнаго счастья поднялся больной на ноги и хотѣлъ припасть къ рукѣ Александра.

Но тотъ мягко отстранилъ его и велѣлъ всѣмъ выйти.

— Ты никому не разскажешь? — обратился онъ къ больному.

— Всѣмъ, всему міру разскажу, что мои глаза видѣли и что мои руки чувствовали...

И отъ сильнаго волненія онъ упалъ на землю и лишился чувствъ.

Подхватили его люди и унесли домой.

Когда онъ очнулся и повѣдалъ окружавшимъ его все, что съ нимъ было, — народъ бросился къ Александру.

Но Александра уже не было.

Съ той поры, разсказываютъ, долго бродилъ по Сибири высокій, стройный старикъ и гдѣ-то около Уральскихъ горъ, у границы Европы, встрѣтилъ свой послѣдній часъ...

Какая это была величественная минута, должно быть!.. Какое высокое освобожденіе души!..

А. С. СУВОРИНЪ.

Получаетъ разъ Левъ Николаевичъ письмо.

«Графъ! Въ засѣданіи психологическаго общества въ Москвѣ вы въ своей рѣчи выразились, что надо любить всѣхъ людей. Позвольте васъ перебить! Неужели и жида надо любить?.. Я не могу повѣрить, чтобы вы, графъ, нашъ извѣстный писатель, могли согласиться съ такимъ выводомъ. А между тѣмъ изъ вашей рѣчи неизбѣжно слѣдуетъ это положеніе. Очень радъ былъ-бы услышать отъ васъ опроверженіе. Если пожелаете отвѣтить, то отвѣчайте черезъ «Новое Время» — я подписчикъ этой газеты».

Помню, долго мы съ Л. Н. смѣялись надъ этимъ «произведеніемъ» и рѣшили, что лучше всего, вмѣсто отвѣта, опубликовать это самое письмо.

Я вложилъ письмо въ конвертъ, написалъ въ редакцію препроводительную записку о желаніи Л. Н. опубликовать это письмо и отправилъ на почту въ Ясенки.

Поздно вечеромъ, вижу, Л. Н. пришелъ усталый

и, вынувъ изъ кармана какой-то конвертъ, положилъ его на столъ.

— Ходилъ на почту, — говоритъ онъ, — и взялъ назадъ письмо. Богъ съ нимъ! — Онъ человѣкъ темный, еще совсѣмъ не родился къ жизни.

Льву Николаевичу пришлось сдѣлать 12 верстъ туда и назадъ въ осеннюю, мглистую пору.

Вскорѣ послѣ этого Левъ Николаевичъ уѣхалъ въ Москву, а я остался въ Ясной. (Это было въ 1886 году).

Въ февралѣ мѣсяцѣ слышу, затренькали у поѣзда бубенцы, и изъ наемной тульской пролетки вылѣзаютъ два «чистыхъ господина».

Одного изъ нихъ я зналъ, — моложавый, но рыхлый блондинъ Оболенскій.

А другой — старичекъ, съ сѣденькой бородкой и

слегка сутуловатый.

Подходитъ и рекомендуется:

— Суворинъ! — говоритъ.

— Очень пріятно.

Былъ ясный, солнечный день, и мы усѣлись подъ деревомъ у павильона на скамейкѣ.

— Жаль, — началъ грустно Суворинъ, что не засталъ Л. Н. А я къ нему за совѣтомъ.

— О, да, Левъ Николаевичъ — человѣкъ совѣта, — L'homme du conseil, — пояснилъ свѣтскій Оболенскій.

— Я, собственно, хотѣлъ поговорить со Львомъ Николаевичемъ на счетъ его сочиненій. Вотъ онъ отрекся отъ литературной собственности и позволяетъ всякому печатать его послѣднія произведенія. Согласитесь, что это нераціонально. Начнутъ издавать всякіе издатели со своими вставками, описками

и ошибками, — и получится то, что черезъ нѣкоторое время мы не узнаемъ сочиненій Льва Николаевича. Потомство будетъ читать ихъ въ извращенномъ видѣ, и мысли нашего писателя получатъ совершенно иную форму, а иногда и смыслъ иной. Это жаль и до этого не слѣдуетъ допустить. Вотъ я и хотѣлъ это все выяснить ему и предложить, чтобы онъ мнѣ передалъ право изданія.

Я улыбнулся.

— Что-жъ вы думаете, онъ не согласится?

— Кажется...

Послѣдовала неловкая пауза.

— А вотъ кстати, — вспомнилъ я, — получилъ Л. Н. отъ одного изъ вашихъ подписчиковъ письмо, въ которомъ онъ проситъ отвѣтить ему черезъ вашу газету. Содержаніе письма такое.

И я передалъ ему содержаніе письма.

Суворинъ слушалъ, пагнувши низко голову и чертилъ бывшимъ у него въ рукахъ зонтикомъ фигуры на снѣгу.

— Да, конечно, — началъ онъ, когда я кончилъ. — Это нѣсколько неудобная постановка вопроса. Но вы должны знать, что направленіе моей газеты...

— Какъ-же, знаю направленіе вашей газеты. Не знаю только, чѣмъ вы сами объясняете свой походъ противъ евреевъ.

Суворинъ оживился, привсталъ и нервно качая зонтикомъ въ рукѣ, быстро заговорилъ:

— Видите-ли, въ еврейскомъ вопросѣ я вовсе не придерживаюсь того взгляда, какой обыкновенно приписываютъ юдофобамъ. Я совершенно игнорирую религіозную сторону. По моему, не вопросы вѣры создали еврейскій вопросъ и не вопросы вѣры

разрѣшатъ его. Религія тутъ рѣшительно не причемъ.

Напротивъ, если-бы все затрудненіе еврейскаго вопроса заключалось въ религіи, — онъ давно былъ бы рѣшенъ, какъ онъ рѣшенъ уже по отношенію къ караимамъ.

И законодательство, и общественное мнѣніе наше нисколько не настроено враждебно по отношенію къ еврейской религіи. Въ законѣ о караимахъ сказано, что имъ даются всѣ права, какъ истиннымъ евреямъ.

Вы видите, слѣдовательно, что не принадлежность къ еврейской вѣрѣ мѣшаетъ равноправію, а, напротивъ, истинные евреи удостоились одинаковыхъ съ кореннымъ населеніемъ правъ. — Итакъ религію надо исключить въ этомъ вопросѣ. Не придержива-

юсь я также и экономическаго взгляда. Меня не пугаетъ призракъ пресловутаго эксплоататора еврея. Это тоже слишкомъ раздуто, и вовсе не такъ страшно.

Сама по себѣ взятая, эта сторона еврейскаго вопроса настолько ничтожна, что врядъ-ли о ней кто-нибудь и говорилъ бы. Не евреи, такъ другіе пользовались-бы невѣжествомъ народа.

Родной русскій кулакъ въ деревнѣ еще болѣе страшенъ и паукообразенъ, чѣмъ пришлый еврей. Съ евреемъ въ деревняхъ крестьяне особенно на югѣ, сживаются, и торговые интересы рѣдко вызываютъ крупныя недоразумѣнія; если это бываетъ, то въ этихъ случаяхъ всегда замѣшаны науськивающіе конкурренты-кулаки изъ русскихъ. Я смотрю на еврейскій вопросъ совершенно иначе. Не религіозная, не экономическая, а національная сторона вопроса должна быть выдвинута на первый планъ.

Та самая сторона, которую выдвинулъ и Петръ Великій.

Передъ нами двѣ націи. Одна старая, умная, видавшая на своемъ вѣку и счастье, и горе; нація, выработавшая прочные устои семейные, религіозные; нація, крѣпкая своей внутренней солидарностью и, если хотите, нравственной чистотой, — да, я признаю это.

А съ другой стороны нашъ народъ, чуть-чуть зарождающійся, еле выходящій изъ пеленъ исторіи; народъ, не только не пережившій ничего, но еще мало испробовавшій; народъ свѣжій, мягкій, безъ устоевъ и значительно ниже стоящій по многимъ нравственнымъ качествамъ своимъ. — Ни семейныхъ, ни религіозныхъ основъ у него прочныхъ нѣтъ еще; вмѣсто солидарности царитъ непонятная чисто-дѣтская вражда взаимная съ ненужнымъ ухарствомъ и бахвальствомъ, цѣли народныя не выяснены, міросозерцаніе не установлено.

И вотъ, не угодно-ли, — при встрѣчѣ этихъ двухъ націй, — на чьей сторонѣ можетъ быть побѣда? Не надо быть особеннымъ пророкомъ и прозорливцемъ событій, чтобы предугадать исходъ для слабой стороны.

Нашъ народъ не выдержитъ борьбы и поддастся.

Онъ утонетъ въ старомъ еврейскомъ морѣ и растворитъ въ немъ свою молодую, еще мало жившую душу.

Вотъ что опасно и вотъ чего боится всякое честное, русское сердце, содрагающееся при мысли о возможной гибели. — Я знаю, вы мнѣ скажете, что въ этомъ еще ничего страшнаго нѣтъ. что если еврейскій народъ чище и нравственнѣе, русскаго, то

кому отъ этого плохо будетъ, когда русскій народъ поддастся вліянію его и самъ сдѣлается чище и нравственнѣе. Я знаю это, но долженъ вамъ сказать, что народная жизнь еще болѣе щепетильна, чѣмъ жизнь отдѣльной личности и не всякому пріятно подражать. Русскій народъ желаетъ шествовать по своему пути и на этомъ пути хотѣлъ-бы избѣжать чьихъ-бы то ни было вліяній, а тѣмъ болѣе еврейскихъ.

Таковъ мой взглядъ.

Весной, когда Левъ Николаевичъ, по пріѣздѣ своемъ, узналъ отъ меня объ этомъ взглядѣ, онъ улыбнулся и указалъ рукой на прудъ (мы тогда что-то работали съ нимъ около пруда).

— Вы видите эту мелкую рябь на водѣ, она чуть-чуть колышетъ верхній слой и нисколько не

волнуетъ всю остальную массу воды. Такъ и мысли этихъ книжныхъ умниковъ. — Эти люди такъ-же проникаютъ въ глубь народныхъ интересовъ, какъ эти мелкія извилины ряби въ водную толщу пруда.

Тамъ, въ высокихъ казармахъ душныхъ городовъ идетъ у нихъ утонченная борьба на рапирахъ съ измученнымъ еврействомъ, и, жестокіе, они думаютъ втравить въ эту борьбу и умный добрый народъ нашъ, которому всегда были чужды злыя чувства нетерпимости къ другимъ. Эти желчные публицисты и слушающіе ихъ сухіе, тощіе, съ сухими душами чиновники думаютъ навѣять страхъ на народъ и пугаютъ людей евреями, какъ грозной силой.

Они думаютъ, что конкуррирующій съ ними еврей-адвокатъ или врачъ такъ же страшенъ для народа, какъ и для нихъ, и что-то можетъ сдѣлать

этой могучей твердынѣ, сильной и крѣпкой своимъ земельнымъ трудомъ, какъ и сама земля.

Пусть, пусть идетъ сюда это истомленное тысячелѣтнимъ гоненіемъ племя, и, земельнымъ труженникамъ, для нихъ хватитъ здѣсь и мѣста и ласки и ничего, кромѣ горячаго привѣта, они не увидятъ здѣсь отъ деревенскихъ людей. Повѣрьте, я живу въ деревнѣ съ малыхъ лѣтъ и живу въ старой, коренной русской деревнѣ и никогда не наблюдалъ и не слышалъ, чтобъ въ комъ-нибудь изъ деревенскихъ клокотала ненависть къ евреямъ за нхъ національность. Напротивъ, о вѣрѣ еврейской и преданности этой вы услышите отъ каждаго крестьянина самые лучшіе отзывы. Здѣсь, въ Ясной жива еще и до сихъ поръ память объ одномъ работавшемъ на деревнѣ евреѣ, который по правиламъ религіи своей совершалъ омовенія на разсвѣтѣ и зимой бѣгалъ для этого на прудъ и окупался въ прорубь.

Поговорите съ нашими стариками о немъ, спросите Прокофія, Степана Рѣзупова, Егора — и вы услышите, какую благоговѣйную память по себѣ оставилъ у нихъ этотъ человѣкъ.

— «Вотъ израильтянинъ!» — говорятъ всѣ. И это чувство совершенно искренно и отражаетъ въ себѣ чувства всего народа нашего.

Наши деревенскіе люди не могутъ представить себѣ душевнаго состоянія людей, удерживающихъ цѣлый народъ въ тискахъ городской жизни и не дающихъ ему возможности поселиться на землѣ и начать работать единственную, свойственную человѣку работу. Вѣдь это все равно, что не давать этому народу дышать или воду пить.

И въ самомъ дѣлѣ, кому можетъ быть отъ этого плохо, кто можетъ пострадать отъ того, что евреи поселятся въ деревняхъ и заживутъ чистой трудовой жизнью, о которой, вѣроятно, уже истосковался этотъ старый, умный и прекрасный народъ, этотъ великій непротивленецъ міра и мученикъ за вѣру.

Да, за вѣру, и только за нее. Пусть не скрываютъ этого лицемѣры нашихъ дней, вродѣ публициста, пріѣзжавшаго сюда, — пусть не заворачиваютъ они гоненія евреевъ въ цвѣтистыя тряпки разныхъ вымысловъ и дутыхъ ужасовъ. Евреевъ гонятъ только за вѣру. Ибо стоитъ еврею сложить три пальца (Л. Н. сдѣлалъ извѣстный знакъ), и ему предоставляются всѣ права въ томъ числѣ и право селиться на землѣ и заниматься работой.

И до тѣхъ поръ покуда это будетъ такъ, оста-
48 нется невытравленнымъ черное пятно религіознаго гоненія, которымъ омрачили себя люди, съ безстыдствомъ называющіе себя христіанами.

Религіозное гоненіе?!. — Было-ли когда-нибудь болѣе кощунственное чѣмъ это въ основѣ своей глубоко противорѣчивое выраженіе? Религія исключаетъ ненависть и гоненіе, потому что первое движеніе души человѣка, въ которомъ проснулось религіозное чувство, — это сознаніе власти надъ собой высокой силы, призвавшей его къ жизни и желающей блага всѣмъ, всему живому. Какъ же можетъ эта религіозная душа имѣть въ себѣ ненависть, и воздвигать гоненія изъ-за этой ненависти. т. е. дѣлать дѣло какъ разъ обратное тому, чего требуетъ отъ насъ Богъ? Очевидно, что это не можетъ быть и люди, дѣлающіе это, мертвы еще и не родились къ вѣрѣ.—Нѣтъ! Отъ всей души хотѣлось бы сказать людямъ, что

создавая еврейскій вопросъ, они совершаютъ огромный грѣхъ. Въ народныхъ спорахъ, а въ особенности по отношенію къ зависимому народу, слѣдуетъ прежде всего убрать съ дороги всякія давленія, угнетенія и всевозможныя лишенія правъ.

Это прежде всего!..

ХРИСТІАНЕ-ЛИ МЫ?

«Юбилейный день» 9 іюля *) выдался въ Ясной Полянѣ такой же дождливый, какъ и всѣ ближайшіе. Съ утра уже тучи заволокли все небо, и къ полудню пошелъ проливной дождь. 53

Левъ Николаевичъ не могъ совершить своей обычной прогулки и сидѣлъ у окна въ своемъ кабинетѣ задумчивый и грустный.

Ему подносили телеграммы, прибывавшія со всѣхъ концовъ Россіи. Онъ разворачивалъ ихъ, быстро пробѣгалъ и клалъ въ сторону.

— Опять «великій», — говорилъ онъ со сдержанной улыбкой, — Богъ знаетъ что. И далось имъ это слово! И «великій писатель», и «великій изъ великихъ», а вотъ этотъ написалъ даже «великому отъ малыхъ», — редакторъ «Юной Россіи», вы не знаете его?

И онъ подалъ мнѣ телеграмму.

---

*) 9 іюля 1907 г. предполагалось чествованіе 55-лѣтія литературной дѣятельности Л. Н.

Къ стыду моему, я этой знаменитости не зналъ и въ своемъ невѣдѣніи покаялся Льву Николаевичу.

— Эти юбилеи, — продолжалъ Л. Н., — эти грани, подѣланныя человѣческой рукой, всегда были далеки отъ жизни духа по своей надуманности и ненужности, но теперь какъ нельзя болѣе ярко выступаетъ громадная и ужасающая противорѣчивость, ясно видная всѣмъ.

Вспомните, что Христосъ говорилъ: «Горе вамъ, лицемѣры, что строите гробницы пророкамъ и украшаете памятники праведниковъ!» И тутъ-же, черезъ нѣсколько строкъ: «Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ!..» Вотъ это самое и сейчасъ есть. И памятники, и избіенія камнями; и юбилеи, и преслѣдованія. Вотъ вамъ свѣжій фактъ. Я получилъ письмо изъ Петербурга, гдѣ меня извѣщаютъ объ арестѣ одного издателя за изданіе моей брошюры «Не убій». Вы помните эту вещь, я вамъ ее показывалъ еще 6 лѣтъ тому назадъ. Въ ней не только нѣтъ ничего ужаснаго, недопустимаго, преступнаго, даже съ ихъ угла взгляда, но, напротивъ, въ ней по мѣрѣ силъ моихъ я стараюсь показать людямъ, что всякое убійство должно быть осуждено, и террористическіе акты въ томъ числѣ. И подите же, все-таки арестовываютъ и преслѣдуютъ. Тамъ я высказываюсь противъ войны и смертной казни. А этого нельзя. И это въ христіанскомъ государствѣ. И это въ дни конституціи. Я сегодня же пишу объ этомъ статью и не знаю, приведетъ-ли Богъ ее окончить, но постараюсь въ ней выпукло показать то гнетущее чувство ужаса и недоумѣнія, которое вызывается зрѣлищемъ гоненій на слово. Слово?! Что

можетъ быть священнѣе и дороже, и неупустимѣе этого свѣта отъ свѣта для людей! Оно было въ началѣ, оно было — Богъ, оно было — разумъ; оно было то, чѣмъ дышетъ и живетъ человѣкъ. И такъ оно и сейчасъ. На кого-же поднимаютъ руку тѣ, кто рѣшается давить это слово?

Вы знаете, мнѣ иной разъ кажется, что не будь у насъ христіанства, не будь ученія, муками и страданіями вошедшаго въ міръ; не будь оно общепризнано и возведено на недосягаемую высоту человѣческаго почитанія; не войди оно въ фонъ жизни и не считайся оно при звонѣ колоколовъ господствующимъ и торжествующимъ ученіемъ въ мірѣ; не будь всего этого, право, можетъ быть, было бы прямѣе и счастливѣе.

Мы не знали бы лучшей жизни, не слышали бы требованій высокой нравственности, не имѣли бы величайшей истины, открытой людямъ и запечатлѣнной смертью самого Учителя и Его многихъ учениковъ, — и жизнь наша не была бы полна того ужаснаго и потрясающаго противорѣчія, которымъ она наполнена теперь.

Мы были бы язычниками, — и больше ничего. Мы знали бы одно и не томились и не мучились бы невыразимыми муками грызущей совѣсти, постоянно обличающей ложь и фальшь нашей жизни. Снаружи лакъ и политура высокаго ученія и святѣйшей вѣры, а внутри мерзость и разложеніе язычества. Гніеніе души. Мы не видѣли бы всего этого, и душа была бы цѣльнѣе, какъ это было съ тѣми, самодовольными, бритыми и упитанными римлянами, которые знали только утѣху тѣла и покло-

нялись ему и съ гордостью говорили о себѣ: «Мы фантазіи не вѣримъ!»

Мы же устроили жизнь нашу такъ, что духовная сторона какъ бы властвуетъ и царитъ надъ всѣмъ, люди кланяются «идеѣ», цѣлуютъ ея символы и изваянія, на головахъ носятъ печатныя слова ученія; съ настойчивостью и гордостью, а иногда даже съ пушками и магазинками въ рукахъ мы заявляемъ міру, что мы христіане и вѣримъ и любимъ Его, Кроткаго и Милосерднаго, а на дѣлѣ въ семьяхъ, въ школахъ, въ государствахъ тлѣнъ мрачнаго язычества и смрадъ самыхъ отсталыхъ и залежавшихся взглядовъ. Убійства, гоненія, тюрьмы, казни, — стонъ стоитъ отъ этого въ жизни. Небо содрагается отъ воплей страдающихъ людей. А они говорятъ, что они—христіане. Они, устраивающіе весь этотъ адъ язычества, они попирающіе и топчущіе самое святое, что есть въ христіанствѣ?! Вотъ въ чемъ трагедія нашей жизни.

СБОРЪ ДЛЯ
ГОЛОДАЮЩИХЪ.

Это было въ 91 году. Какъ только раздались первые стоны огромной нужды, на борьбу съ которой выѣхалъ Левъ Николаевичъ, — наша полтавская община, гдѣ насъ жило и работало болѣе 15 человѣкъ, отрядила пятерыхъ въ помощь Льву Николаевичу, а остальные принялись за собираніе пожертвованій на мѣстѣ.

Мы разбили городъ на участки и, взваливши на плечи по большому мѣшку съ корзиной, стали обходить дома и лавки обывателей.

Въ городѣ насъ многіе знали и охотно давали и деньгами, и хлѣбомъ и просили даже записать ихъ ежемѣсячные взносы.

Но нѣкоторые, въ особенности на окраинахъ, встрѣчали сердито и вскидывались:

— На голодающихъ?! А кто вамъ далъ разрѣшеніе собирать? Знаетъ полиція?

Находились и заступники.

— Чего лаешься? Не хочешь дать — и отверни

голову, а языкомъ что попусту на божье дѣло брехать.

Надо дать, коли люди говорятъ, что нужда. Имъ виднѣе.

И давали.

Бывало и такъ, что заглянешь въ домъ, стоишь у дверей и ждешь подаянія.

— На голодающихъ пожертвуйте!.. — говоришь въ третій и четвертый разъ.

Никто не отзывается и въ темной, сырой квартирѣ никого не видно.

Наконецъ, въ дальнемъ углу раздается слабый, надломленный голосъ:

— У самихъ ѣсть нечего...

Тутъ, разумѣется, происходилъ процессъ обратный. Мы все выкладывали изъ корзинъ и кармановъ и записывали эти семейства, чтобы назначить регулярныя пособія.

Такіе случаи, ставъ невольно извѣстными окружающимъ, еще болѣе увеличивали притокъ пожертвованій къ намъ. И повсюду, гдѣ бы мы ни показывались, насъ встрѣчала широкая щедрая рука дателей, которые вѣрили, что хлѣбъ и деньги идутъ на прямое дѣло нужды. Къ вечеру мы возвращались, нагруженные, съ полными мѣшками и полными корзинами сухарей, хлѣба, булокъ. А карманы отвисали, отягченные мѣдью и серебромъ; бывали и бумажки.

Всѣ пежертвованія мы сносили въ земскую больницу (Богоугодное заведеніе, какъ оно въ Полтавѣ называется), гдѣ трудъ завѣдыванія притокомъ пожертвованій взялъ на себя популярный въ городѣ докторъ А. А. Волькенштейнъ, состоявшій между

прочимъ, и домашнимъ врачемъ у губернатора.

Потомъ все собранное отправляли Льву Николаевичу для раздачи.

Въ городѣ заволновались, пошли толки, пересуды. О нашей общинѣ заговорили, — и дѣло пожертвованій росло неимовѣрно.

Вдругъ... Сидимъ это мы разъ вечеромъ послѣ обхода въ общей комнатѣ и дѣлимся впечатлѣніями дня. На порогѣ показывается съ широкой улыбкой доброе, красивое лицо доктора Волькенштейна.

— Я къ вамъ съ новостью, господа. Только что отъ своего паціента, губернатора. Часъ тому назадъ онъ прислалъ за мной полиціймейстера, проситъ экстренно явиться.

Мнѣ немножко это не понравилось, но, думаю себѣ, можетъ быть, заболѣлъ серьезно (онъ безнадежный подагрикъ). Вхожу, здороваюсь.

— Что ваши ноги? — спрашиваю.

— Спасибо, — говоритъ, — ноги, какъ ноги. Но теперь рѣчь пойдетъ о рукахъ.

И онъ какъ-то странно сжалъ кулаки при этомъ. У него сухія, костлявыя руки и, сжатыя въ кулакъ, онѣ еще костлявѣе выглядятъ.

— Я хочу прибрать къ рукамъ вашихъ толстовцевъ.

Слово «вашихъ» онъ произнесъ съ нажимомъ въ голосѣ.

— Вы большую честь мнѣ оказываете, — улыбаюсь я, — эти толстовцы, какъ вы ихъ называете, люди самостоятельные и моими не могутъ быть. Они принадлежатъ обществу, если хотите, и пользуются вліяніемъ здѣсь.

— Вотъ то-то, — вскипѣлъ онъ, — и опасно!

Я его никогда не видѣлъ такимъ: побагровѣлъ, вскочилъ съ мѣста и трясетъ рукой локотникъ кресла.

— Имъ нельзя давать пользоваться вліяніемъ. Они импонируютъ своей жизнью. Помилуйте! Люди образованные, интеллигентные, уже съ установившимися профессіями; между ними есть и учителя; и юристы и даже одинъ магистрантъ химіи московскаго университета, лаборантъ профессора Морковникова, — и вдругъ эти люди съѣхались, поселились на Новопроложенной улицѣ и дѣлаютъ столы и табуретки на базаръ, — хотятъ жить честнымъ трудомъ. Это несомнѣнно импонируетъ, привлекаетъ въ публикѣ симпатіи и порождаетъ нежелательное теченіе мыслей. И покуда они себѣ тамъ строгаютъ за верстаками и скоблятъ желѣзками сосновыя доски, они еще прямой опасности для государства не пред-
 ставляютъ. Кто о нихъ знаетъ, кто и не знаетъ. Теперь же они своимъ сборомъ пожертвованій для голодающихъ вызвали уже совсѣмъ весьма опасное оживленіе въ городѣ. Вы знаете, какую окраску это можетъ принять? Эта взволнованность, эта неустойчивость умовъ съ распаленнымъ воображеніемъ сейчасъ припишетъ вину нагрянувшаго на Россію бѣдствія намъ, власти, — и пойдетъ броженіе. Поэтому этотъ ферментъ надо сразу обезвредить и бродильный процессъ унять. Я прошу васъ передать имъ, чтобъ они сбросили съ себя мѣшки свои и положили въ сторону корзины. Конецъ сборамъ! Пусть строгаютъ себѣ, а собирать сухари не ихъ дѣло. Если же они не послушаются и будутъ по прежнему «крохоборствовать», то уполномачиваю васъ перадать имъ, что сутки имѣютъ 24 часа, и въ теченіе этихъ 24-хъ часовъ они будутъ посажены на

повозки со всѣми своими верстаками и рубанками и будутъ увезены въ тѣ мѣста, гдѣ лѣсъ очень дешевъ и гдѣ можно пилить и строгать, сколько угодно.

— Но... ваше превосходительство... вѣдь они не революціонеры, — осторожно вставилъ я.

— Самые опасные, самые зловѣщіе революціонеры — это именно они, эти евангелики съ миной смиренія на лицахъ и со сложенными руками на груди. Эти апостолы, проповѣдующіе «благую вѣсть», всегда были самыми разрушительными новаторами. И, между нами говоря, не Христосъ-ли принесъ съ собой эти сѣмена? Говорю вамъ откровенно и даже не по секрету, потому что я готовъ это самое и громко сказать всѣмъ и при всѣхъ. Говорю вамъ, что если бы теперь въ наши дни сюда, въ Полтаву, прибылъ Христосъ и началъ свою проповѣдь о перемѣнѣ жизни, я принужденъ былъ бы отдать приказъ полиціймейстеру Иванову арестовать Христа.

И онъ былъ бы арестованъ.

Такъ вотъ, господа!... — закончилъ докторъ.

На другой же день многіе изъ насъ уѣхали въ Воронежскую губернію устраивать столовыя, а сборы въ Полтавѣ были прекращены.

Когда Л. Н. узналъ объ этомъ миломъ губернаторѣ, онъ сдвинулъ брови и сурово замѣтилъ:

— Вотъ кто договорился до конца! Вотъ какъ они должны всѣ поступать, а не играть въ эту двойную игру, напяливая на себя хитонъ Христовой мистики и цѣлуя книгу Его по праздникамъ, а въ остальные дни во всемъ обиходѣ жизни всѣми бездушными правилами своими, распиная Его безжалостно и жестоко. Но въ этихъ полныхъ невыра-

зимаго цинизма грубыхъ словахъ зазнавшагося сатрапа мнѣ слышится еще и другое — судорожный трепетъ обезпокоеннаго ума.

И этотъ трепетъ съ виду величественнаго могущества глубоко поучителенъ.

Вѣдь если подумать только, то что въ сущности значитъ маленькая горсточка людей передъ кадрами вооруженныхъ и дисциплинированныхъ рабовъ, которыми владѣетъ и воленъ приказывать что ему угодно губернаторъ! Вѣдь онъ все можетъ сдѣлать и дѣйствительно въ 24 часа, какъ ястребъ, разметаетъ это гнѣздышко ласточекъ, по широкому полю и перьевъ не найдешь.

Но это гнѣздышко, оказывается, страшно для него.

Страшно именно своей малостью и тѣмъ, куда оно можетъ проникнуть.

Мнѣ вспоминается по этому поводу одна старая легенда о Титѣ, разрушителѣ Іерусалима.

Вступивъ побѣдителемъ въ храмъ, Титъ съ дерзостью ворвался въ Святая Святыхъ, содралъ золотую завѣсу съ кивота, вынулъ свитокъ закона, швырнулъ его о земь и сталъ топтать ногами.

— Гдѣ Богъ этого народа? — кричалъ онъ въ изступленіи. — Гдѣ его могущество, о которомъ такъ много говорятъ? Вотъ я въ Его домѣ воевалъ съ Нимъ и побѣдилъ Его!

Собравъ всѣ сокровища и золотые сосуды храма, Титъ нагрузилъ ими корабль и отплылъ въ Римъ для славы тріумфатора.

Погода была хорошая и попутный вѣтеръ надувалъ паруса, весело подгоняя судно домой.

Но вотъ поднялась сильная буря и гордый съ позолотой корабль зашвыряло какъ щепку по вол-

намъ морскимъ. Его стало захлестывать водой и кораблю грозило крушеніе.

Титъ заскрежеталъ зубами и воскликнулъ:

— Видно, Богъ Израиля силенъ лишь на морѣ.

Нечестивое поколѣніе Ноя покаралъ онъ водою, Фараона съ его войскомъ тоже покаралъ водою и водою же хочетъ и меня покарать. Нѣтъ, если Онъ всемогущъ, то пусть покажетъ онъ силу на сушѣ!..

Въ тучахъ что-то заблистало и съ неба послышались звуки:

«Ничтожный червь! Ты увидишь, кто положитъ конецъ твоему земному величію».

Тучи пронеслись, вѣтеръ стихъ и волны успокоились. Корабль благополучно достигъ земли, и Титъ, довольный, радующійся, сошелъ на берегъ и всею грудью вдохнулъ свѣжій воздухъ, несшійся съ зеленѣющихъ полей Италіи.

Онъ не замѣтилъ, какъ вмѣстѣ съ воздухомъ влѣзла маленькая мушка, и работая ножками, протискивалась узенькимъ тѣльцемъ все выше и выше.

Онъ почувствовалъ ее тогда, когда она очутилась въ мозгу и стала точить его.

Это былъ комаръ.

Никакія средства искуснѣйшихъ врачей не могли извлечь его оттуда, и Титъ сталъ мучиться въ страшныхъ страданіяхъ.

Семь тяжелыхъ лѣтъ, разсказываютъ, прошло у него безъ сна, безъ отдыха, — и нигдѣ онъ не находилъ себѣ покоя.

Разъ, проходя мимо кузницы, Титъ почувствовалъ, что комаръ, какъ бы оглушенный ударами молотовъ, пересталъ точить его мозгъ. Обрадовался

Титъ и съ тѣхъ поръ заставилъ кузнеца постоянно бить молотомъ о наковальню въ его комнатѣ.

Но комаръ, оглушенный на первое время, приладился послѣ и съ большимъ рвеніемъ подъ звонъ ударовъ продолжалъ свою работу.

И Титъ не выдержалъ.

Такъ поступаютъ и Титы нашихъ дней. И ихъ желѣзные удары разносятся по всему міру, звяканье ржавыхъ засововъ наполнило жизнь нашу.

Но... «не бойся, малое стадо!»

ЯСНОПОЛЯНСКАЯ КОММУНА.

У школы на краю деревни собрались гурьбой крестьяне и въ ожиданіи начала чтенія весело гуторили.

Солнце давно уже сѣло, и, управившись съ работами, крестьяне все подходили и подходили изъ дальнихъ концовъ деревни.

— А глянь-ка, вонъ и графъ! — указалъ высокій парень въ новыхъ лаптяхъ на фигуру, подымавшуюся медленно въ гору и приближавшуюся къ намъ.

— Не говори! — перебилъ его сутулый съ узкимъ лицомъ и длинной бородой мужикъ. — Графъ не любитъ, чтобы его называли такъ, Левъ Николаевичъ, — вотъ все. По христіански такъ.

— И то правда! — подхватилъ старикъ въ бѣлой длинной, ниже колѣнъ, рубахѣ. — Всѣ Богу работники! И въ одной книгѣ всѣ записаны. Ни чиновъ, ни гербовъ тамъ не значится. Эхъ, эхъ! — вздохнулъ онъ.

— Чего-жъ вздыхаешь, дѣдъ Матвѣй? Скоро тамъ будешь и книгу ту прочитаешь, — съязвилъ парень.

— Какъ кого позовутъ, — обéрнулся къ нему старикъ. — Можетъ, тебя раньше позовутъ!..

И уставился на него глазами.

Подошелъ Левъ Николаевичъ и съ нимъ В. К. Фрей, извѣстный эмигрантъ и послѣдователь религiознаго позитивизма.

— Вотъ, дѣдъ Матвѣй, — обратился къ старику Л. Н., — человѣкъ изъ-за моря прiѣхалъ, океанъ переплылъ. Въ Америкѣ жилъ. Вещи разсказываетъ, заслушаешься.

Фрея окружили, стиснули, а онъ только ласково улыбается и нѣжно обдергиваетъ концы зажимаемаго толпою пальто. Особенно страдала длинная пелерина его или «напраслина», какъ ее тутъ же мѣтко назвали крестьяне.

Фрея придвинули къ балкончику, и онъ, ухва-
 тившись рукой за столбикъ, началъ тихимъ голосомъ.

— Мы жили тамъ недалеко отъ большого города, вотъ какъ сейчасъ вы живете здѣсь въ Ясной подъ Тулою. Лѣсъ былъ большой, больше засѣки вашей, и старинный все, дубы въ два, въ три обхвата, и тѣмъ и кормились, что свозили лѣсъ, рѣзали его и въ городъ отправляли. Жило насъ человѣкъ сто, всѣ изъ Россiи прiѣхавшiе, всѣхъ горе да печаль русская пригнала. За вѣру и за думы гоненiя терпѣли и бѣжали въ свободное мѣсто. Тамъ воля. Тамъ нѣтъ этого присмотра за душой и не дергаютъ тамъ сердца. Вѣруй и живи, какъ хочешь, и думай, говори и пиши все, что отъ Бога дано тебѣ и что людямъ на пользу можетъ пойти. Мы такъ и старались жить.

Домъ былъ у насъ одинъ, большой; для семейныхъ въ немъ были отдѣльныя помѣщенiя, а холо-

стые мужчины всѣ въ одной большой залѣ. Тутъ и койки въ два этажа, и столъ для чтенія, и верстаки для работы. Огромный залъ. Незамужнихъ женщинъ у насъ не было, а для дѣтей тоже была школа и мѣсто для забавъ.

На работу всѣ выѳодили сообща; что выработаемъ, въ общую кассу складываемъ и отъ трудовъ кормились. У насъ не было такъ, чтобы твое и мое, а все былонаше.

Вечерами сходились, молились Богу и бесѣду вели. Если кто провинился въ чемъ, тутъ же разберемъ. Всякій о виноватомъ свое слово скажетъ и всѣ старались прямую правду говорить. Виноватые часто боялись и у братьевъ прощенья просили.

Вотъ только болѣзни донимали насъ, на леченіе много денегъ уходило, и все больше женщны наши слабыя страдали. Работа тяжелая, съ непривычки имъ, а мѣсто сырое, ну и хворали...

И разгорѣлась бесѣда. Всѣ увлеклись, и въ школу мы ужъ и не входили.

— А была ли тамъ рѣчка?

— Близко ли дикари?

— Платили ли подати?

— Звѣри ли водятся?

Фрея засыпали вопросами и онъ едва успѣвалъ отвѣчать.

— Съ дикарями мы ладили,—улыбнулся онъ,—ружей у насъ не было, стрѣлять въ нихъ не стрѣляли; они и не боялись и намъ зла не дѣлали.

— Вотъ, вотъ истинная правда!—говорилъ старикъ. — Хоть и дикій, а все же душа человѣка. Чувствуетъ.

— А что ѣли у васъ, гдѣ убоину-то брали? — спросилъ кто-то.

Тутъ вступился Левъ Николаевичъ.

— То-то и есть, что убоины у нихъ не было. Они мяса не ѣдятъ. Вотъ Владиміръ Константиновичъ, — указалъ онъ на Фрея, — такое про это разсказываетъ, что я и самъ думаю перестать говядину ѣсть.

Не положено, говоритъ, это закономъ людямъ — жизнь отнимать. Не ты далъ скоту жизнь, не ты можешь и отнять. По баловству только, по жестокой похоти люди завели у себя эту повадку и льютъ кровь.

— Стало быть постники? — благоговѣйно вздохнулъ старикъ. — Что-жъ? И это зачтется.

Впечатлѣніе было огромное.

Уѣхалъ Фрей, переѣхалъ въ Москву и Левъ Николаевичъ съ семьей, и вскорѣ настала зима.

Деревню занесло снѣгомъ, всѣ работы стали и вопросы духа еще сильнѣе выступили наружу. Въ деревнѣ люди живутъ такъ, что лѣтомъ работаютъ для брюха, а зимой для духа.

И вотъ, въ одинъ изъ самыхъ зимнихъ вечеровъ вваливается ко мнѣ въ избу вмѣстѣ съ клубами сгустившагося отъ холода пара — староста, моложавый, съ добрымъ русскимъ лицомъ, Константинъ Орѣховъ, и съ нимъ еще нѣсколько мужиковъ и парней.

Взволнованы, оживлены; нервно отряхиваютъ снѣгъ съ шапокъ и сапогъ и наскоро крестятся на уголъ.

— Крѣпкое дѣло, Борисычъ, — подумавъ началъ скороговоркой Константинъ. — Вотъ мы съ Петрухой и съ Никитой и еще со многими мерекали дол-

го объ дѣлѣ и на томъ порѣшили, что надо по иному все перестроить.

Валить все разваломъ и все по иному ладить...

Я жду, Никита поправляетъ:

— Ежели безъ причтъ говорить, то надо прямо сказать. Мы порѣшили жить такъ, какъ Владиміръ Константиновичъ намъ разсказывалъ. Помните, въ школѣ тотъ, съ напраслиной? Ну, вотъ такъ и желаемъ. И мы будемъ сообща.

— Повѣрите, — опять заговорилъ староста, — щепой за сердце задвинулась эта дума. Не даетъ покою и все тянетъ на себя. Подумаешь, какая жизнь наша. У всякаго своя коробка, четыре стѣны вокругъ этой коробки, четыре ограды вокругъ этихъ стѣнъ, да изгороди, да межи, караулы, да замки. — Господи! Словно и правда, среди воровъ и грабителей живемъ. А вражды-то, а нужды изъ-за этого сколько? Разломай-ка заборъ, сними крыши, разбери лишнія стѣны, снеси все это въ одно — сколько добра-то отанется! И домина огроменный выйдетъ, два села такихъ, какъ наше, могутъ жить тамъ, а соломы и лещиннику очистимъ во сколько — горы! Опять же и работа. Миромъ да народомъ дѣло кипитъ и спорится, и все вразъ идетъ и во время, а въ разнобойку — грѣхъ одинъ и раззореніе. Такъ же и съ бабьимъ дѣломъ: что тебѣ тканье, что тебѣ шитье, — все лучше, больше и дешевле будетъ, ежели разомъ всѣмъ дѣлать, и не сидѣть и смыкать одной при лучинѣ и наматывать на веретенце скудель-то. Христіане вѣдь мы, и по закону христіанскому жить должны. Какъ прочиталъ я это въ «Дѣяніяхъ», что вѣрующіе ѣли вмѣстѣ, что у нихъ было одно сердце и одна душа и никто ничего изъ имѣ-

нія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее — какъ прочиталъ это я, повѣришь, словно кто горячей смолой меня облилъ и спичкой подпалилъ. — Загорѣлся я весь, и огонь поѣдаетъ меня. Вѣру оправдать надо! Жизнь надо начать!

— Вотъ мы и говорили уже съ деревенскими, завтра сходъ сзываемъ, обсудимъ это дѣло на чистоту. Приходи.

— На слѣдующій день изба старосты была полна народу. Шумѣли, спорили, всѣхъ волновала мысль о новомъ.

— Хорошо, — тряхнулъ кудрями извѣстный въ деревнѣ начетникъ Петръ Егоровъ, — ладно, мы это все снесемъ, развалимъ, а гдѣ же новый домъ-то строить будемъ? Деревня наша на косогорѣ, отъ пруда далеко. Вотъ ежели-бы отрѣзать заднюю половину барскаго двора, тамъ хорошо было бы, мѣсто ровное, отъ пруда близко, да и зданіе длинное сейчасъ готовое. Къ веснѣ и перебираться можно.

Опять же и на счетъ земли не все обдумано, какъ слѣдуетъ. Барскую землю-то мы вѣдь сейчасъ исполу беремъ не всю, лучшій клокъ они сами сѣютъ, и клокъ этотъ клиномъ входитъ въ нашу. Ни объѣхать, ни миновать его нельзя; 70 десятинъ всего, а поперекъ легла. Надо бы и ее прирѣзать. Пущай графъ намъ землю ту отдастъ, мы платить за нее будемъ, — и мѣсто съ длиннымъ домомъ на барскомъ дворѣ, — мы хоть сейчасъ переѣдемъ и начнемъ по новому. Вѣстимо, что намъ тогда лучше будетъ. Все при мѣстѣ, все тутъ. Выѣхалъ, паши, коси, почичикивай. Я такъ думаю!..

— Вѣрно! — раздались голоса.

— Правда, Петра! Вотъ голова-то!

Но нашлись и возражатели.

— Буде, ребята! — проговорилъ высокій, съ длинной бѣлой бородой старикъ, николаевскій служака. — Не крути завертки! Тутъ дѣло пахучее. Переберемся на барскій дворъ, влѣземъ въ домину-то, въ сараи, и землю ихнюю работать начнемъ, а они возьми да и прикрути насъ. Скажутъ, въ барщинѣ вы! Опять крѣпостные! Вотъ что! Что мы тогда? Деревню раззорили, домишекъ нѣту и убѣжать то некуда будетъ.

Петръ Егоровъ засмѣялся:

— Ужъ и придумаетъ дѣдъ!.. Голова какъ барабанъ, а языкъ какъ у колокола. Барщины испугался! Не къ тому теперь дѣло идетъ, дѣдъ. Крѣпостными насъ однихъ не сдѣлаютъ. Что мы, ясенскіе мужики, одни въ Россіи, что бы съ насъ начинать-то поворотъ въ крѣпостные? Буде толковать-то!

Сходъ разбился на группы, зажжужали кружки и подъ конецъ порѣшили основать общину.

Былъ составленъ и приговоръ:

«Мы крестьяне сельца Ясной Поляны, бывъ 5-го декабря 1885 г. на сельскомъ сходѣ въ законномъ составѣ, приговорили:

Начать жить всѣмъ сообща по слову Евангелія и ничего своимъ не называть, а снести все въ одно мѣсто и міромъ жить и работать.

Просимъ графа Л. Н. Толстого отдать площадь на старомъ барскомъ дворѣ и старое зданіе для помѣщенія людей, а также сдать въ долгосрочную аренду землю, засѣваемую нынѣ подъ хлѣбъ работниками барскаго двора, и землю, засѣваемую нами испо-

лу. Кусокъ лѣсу, называемаго «барскій осинникъ», тоже просимъ отдать намъ для пользованія».

Подписались почти всѣ домохозяева всѣхъ 70 дворовъ Ясной Поляны.

Въ деревнѣ жилъ братъ волостного старшины, Алексѣй Ермолаевъ, и, желая поддрежать честь старшины, сталъ доказывать, что, кромѣ сельскаго, нуженъ еще приговоръ волостного схода и что онъ де переговоритъ съ братомъ на этотъ счетъ. Переговоры быстро увѣнчались успѣхомъ и недѣлю спустя состоялся волостной сходъ.

Планъ обширной жизни нравился всѣмъ, всѣ говорили, что по Божьему это такъ и, какъ только ясенскіе сломаютъ избы, — всѣ то же сдѣлаютъ. Написали приговоръ, подтвердили приговоръ ясно-полянскаго схода и тоже присоединяютъ свою просьбу Л. Н. Толстому о сдачѣ земли въ долгосрочную аренду крестьянамъ своего села.

Заговорили, загудѣли во всей округѣ.

Молодежь была въ восторгѣ, старики молитвенно вздыхали и все говорили:

— Кабы привелъ Господь повидать еще своими глазами-то!.. Жизнь-то, жизнь-то!..

А мужики хозяева разрабатывали подробности будущей жизни, устанавливали уже очереди, разбивали на групы.

— Однова дыхнуть, хорошо! Выйдемъ это въ 40 косъ на Кривую поляну и къ вечеру сбрѣемъ ее въ лоскъ, или лощину около Воронки, въ-разъ!

Заведемъ новыя сохи, бороны другія. Свою кузницу, бондарню, колесню...

Стариковъ отъ работы освободимъ. Пусть, довольно наработались. Имъ отдыхъ и почетъ. Дѣ-

токъ тоже гнать не будемъ по пустому, пусть лучше учатся, а съ работами будетъ кому справляться... хорошо!

Но бабы запротестовали.

— Что? — говорили онѣ: — я буду ткать, а Надеха-плеха зубастая носить будетъ? Ни въ жизнь! Мои кружевца, мои паневы и колеры ей на плечи непутевыя, да никогда этого не будетъ! Не хотимъ мы этой казармы. Не надо въ общую! Будемъ жить, какъ жили.

— Грызутъ! — жаловался староста — Поѣдомъ ѣдятъ. Всполошились бабы. Ну, да ладно, угомонятся, бабій разумъ короткій, а сердце отходчивое.

— Вотъ бы только изъ Москвы пришло рѣшеніе. Чтой-то долго отвѣта нѣтъ.

А въ Москвѣ происходило то же, что и въ Ясной.

Молодежь радовалась и строила восторженные планы, какъ все обновится, какъ и они будутъ жить съ крестьянами и заодно работать; старикъ въ молитвенномъ умиленіи тоже ждалъ увидѣть новую жизнь въ старой и обожаемой имъ деревнѣ.

А бабы и здѣсь воспротивились.

Отъ Софьи Андреевны получился рѣзкій и рѣшительный отвѣтъ: Ни клочка земли и ни вѣтки лѣсу!..

— Женщины помѣшали! — говорилъ потомъ съ грустной улыбкой Л. Н., когда возвратился весной изъ Москвы.

Такъ коммуна и не состоялась.

ПРОРОЧЕСТВА.

Когда Л. Н. писалъ «Такъ что-жъ намъ дѣлать»
(это было въ концѣ 1885 г.), онъ былъ весь погло-
щенъ вопросами экономическими и политическими 81
и только изрѣдка въ бесѣдахъ возвращался къ лю-
бимымъ религіознымъ темамъ.

Разъ какъ-то, зашла рѣчь о пророчествахъ и о роли ихъ въ евангельскихъ событіяхъ.

— У Матѳея, напр., сказалъ Левъ Николаевичъ, эти пророчества встрѣчаются почти на каждомъ шагу.

Сіе произошло, дабы исполнилась такая-то глава и такой-то стихъ такого-то пророка, какъ въ оффиціальныхъ бумагахъ нашихъ чиновниковъ: во исполненіе такой-то статьи, такого-то тома свода законовъ.

И все и въ большихъ и въ малыхъ случаяхъ, по самому незначительному поводу.

Можно подумать, что великое дѣло міроправленія и спасенія людей свѣтомъ истины само по себѣ не

составляетъ цѣли великой работы Бога, а вся цѣль и весь смыслъ Его дѣла заключается только въ томъ, чтобы все шло по регламенту, по заранѣе составленнымъ параграфамъ и пунктамъ, о которыхъ говорили какіе-то люди!

Да и самые пункты и параграфы, оказывается, очень неудачно подобраны.

Возьмите, напр., первую ссылку на пророка.

Ангелъ уговариваетъ во снѣ Іосифа, задумавшаго тайно отпустить Марію. «Не бойся, говоритъ онъ ему принять Марію, жену твою, ибо родившееся въ ней есть отъ Духа святого, Родитъ же сына и наречешь ему имя: Іисусъ, ибо онъ спасетъ людей отъ грѣховъ ихъ».

Казалось бы, ясно и мысль вполнѣ закончена.

Но евангелистъ желаетъ примѣнить сюда пара-
82 графъ и говоритъ:

«А все сіе произошло да сбудется реченное Господомъ черезъ пророка: и дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и нарекутъ ему имя Эммануилъ, что значитъ съ нами Богъ (Исаія 7,15)».

Послѣдуемъ за авторомъ. Беремъ подлинникъ Исаіи и читаемъ всю седьмую главу сначала. При царѣ Іудеи Ахазѣ на Іерусалимъ предприняли походъ царь Сирійскій и царь Израильскій. Оба они остановились по близости въ землѣ Ефремовой и ждали удобнаго случая для нападенія.

Испугался царь Ахазъ и былъ въ большомъ уныніи.

Тогда Исаія, пророкъ того времени, вышелъ къ нему на встрѣчу съ сыномъ своимъ и сталъ утѣшать царя.

— Ты не смущайся,—сказалъ онъ ему,—не стра-

шись и да не унываетъ сердце твое отъ двухъ концовъ этихъ дымящихся головней. Господь не дастъ имъ власти надъ тобой, и эти враги скоро разъсѣятся.

И тутъ пророкъ, какъ это часто дѣлаютъ и другіе пророки и какъ это дѣлаетъ тотъ же Исаія въ другихъ случаяхъ — прибѣгаетъ къ образному указанію срока, когда царь избавится отъ нашествія своихъ враговъ.

— Вотъ, говоритъ, моя молодая жена зачнетъ и родитъ сына, которому дадутъ особое имя Съ нами Богъ (Эммануилъ) и не успѣетъ этотъ ребенокъ быть отнятымъ отъ груди, (т. е. въ общемъ не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ «земля та, которой ты страшишься (земля Ефремова), будетъ оставлена обоими царями ея», т. е. царемъ Сирійскимъ и царемъ израильскимъ, которые теперь заняли ее и оттуда грозятъ Ахазу.

Дальше пророкъ говоритъ о томъ, что Ахазу предстоитъ болѣе крупное несчастіе. На него нападетъ самъ могущественный царь Ассирійскій и принесетъ съ собой гибельное раззореніе.

Таково содержаніе всей 7-ой главы. Спрашивается, что тутъ есть общаго съ рожденіемъ Христа и можно-ли отсюда, при всемъ желаніи и при всемъ богословскомъ умѣніи дѣлать отдаленныя сближенія, можно-ли хоть какое-нибудь выраженіе отнести къ предмету евангельскаго повѣствованія? — Трудно представить себѣ.

И для всякаго знающаго содержаніе этой главы Исаіи и манеру писанія этого и другихъ пророковъ должно казаться просто чудовищной натяжкой сослаться на 14 стихъ. Въ оригиналѣ по древне ев-

рейски о дѣвѣ даже не упоминается. Тамъ имѣется слово «Almoh», которое значитъ здѣсь молодица, молодая замужная женщина *). Во всѣхъ словаряхъ вы встрѣтите это указаніе и только въ Исходѣ, во 2 главѣ, въ 8 стихѣ, когда рѣчь идетъ о сестрѣ Моисея, которой дочь Фараонова, найдя младенца, велѣла привести кормилицу, только въ этомъ мѣстѣ говорится: и дѣвица (Almoh) пошла и призвала мать младенца. Но въ 7 главѣ Исаіи рѣчь идетъ о женѣ пророка и Эммануилъ это сынъ Исаіи. Во всѣхъ словаряхъ противъ слова Эммануилъ такъ таки и сказано: «символическое названіе сына пророка Исаіи», и сдѣлана ссылка на 7 главу и 14 стихъ. Мало того, въ слѣдующей 8-й главѣ этотъ же самый пророкъ Исаія разсказываетъ совершенно аналогичный случай и разсказываетъ на этотъ разъ
 ощущительно ясно.

«И сказалъ мнѣ Господь: возьми себѣ большой свитокъ и начертай на немъ человѣческимъ письмомъ: магеръ-шелалъ—хашъбазъ (спѣшитъ грабежъ ускоряетъ добычу). И я взялъ себѣ вѣрныхъ свидѣтелей: Урію священника и Захарію сына Варахіина, и приступилъ я къ пророчицѣ (т. е. женѣ) и она зачала и родила сына. И сказалъ мнѣ Господь: нареки ему имя: магеръ-шелалъ-хашъ-базъ.

Ибо прежде нежели дитя будетъ умѣть выговорить: отецъ мой, мать моя, богатства Дамаска и добычи самарійскія понесутъ предъ царемъ Ассирійскимъ».

Здѣсь опять имѣете образное выраженіе, совер-

---

*) Надо замѣтить, что Л. Н. въ то время настолько зналъ древнееврейскій языкъ что свободно читалъ пятикнижіе и пророковъ въ оригиналѣ.

шенно похожее на то, къ какому пророкъ прибѣгъ въ 7-й главѣ.

Тоже сынъ, и тоже символическое названіе и тоже приблизительно около 2-хъ лѣтъ времени срока.

Послѣ этого, я думаю, ясно, что ссылка на какой-то стихъ пророка, да еще неправильно переведенный и выхваченный безъ всякаго отношенія къ тексту, откуда этотъ стихъ взятъ; ясно, я думаю, что такая ссылка не только роняетъ въ глазахъ читателя престижъ автора, но наводитъ на серьезное сомнѣніе, подлинный-ли это документъ.

Просто не вѣрится, чтобы Матѳей, хотя и мытарь бывшій, но все-таки, какъ еврей, знакомый съ языкомъ пророковъ, могъ позволить себѣ такую странную для современниковъ передержку. Тѣмъ болѣе, что всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, будто евангеліе это было написано въ 54 году и несомнѣнно на еврейскомъ языкѣ. Оно предназначалось для Палестинской общины.

Слишкомъ это невѣроятно. И именно эта цитата есть лучшее доказательство того, какъ составлялось евангеліе, какъ всякій переписчикъ изъ латинянъ или грековъ, не понимая и не зная писаній въ оригиналѣ, выхватывалъ на удачу сколько-нибудь подходящіе тексты и вклеивалъ ихъ какъ подтвержденія.

И евангелію, составленному Kata Matthaion, т. е. по Матѳею, какъ значится и до сихъ поръ въ греческихъ текстахъ, — этому евангелію особенно повезло. Его сплошь испещрили вставками и ссылками на пророчества, и умалили и обезцѣнили этимъ, а, главное, скрыли величіе христовой истины, о которой все-таки повѣствуется въ этой все-таки глубоко интересной и великой книгѣ.

ШПІОНЪ.

— У насъ есть новый соратникъ, — сказалъ мнѣ съ тонкой улыбкой Левъ Николаевичъ, когда мы рано утромъ собрались въ поле на косьбу. — Онъ придетъ сегодня овесъ косить, подучимъ его. Милый юноша и рѣшительный такой. Привезъ и жену сюда, барыню и нѣженку, и хочетъ омужичиться. Пробовалъ, было, его отговаривать. — «Нѣтъ, — говоритъ,—это вопросъ моей жизни»... Посмотримъ!...

Уже время подходило къ завтраку, и мы кончали по второму ряду, — видимъ, съ пригорка быстрой поступью спускается легкій, высокій мужчина съ нѣжнымъ пушкомъ на лицѣ.

— А! — привѣтствовалъ его Л. Н. — штрафовать будемъ. Заспались?.. Познакомьтесь...

Мы пожали другъ другу руки. Рука у него сухая, теплая и женски узкая.

— Я такъ спѣшилъ! — улыбался онъ мягко и нѣжно. — Свое наверстаю. Послѣ солнца буду работать. Нѣтъ, вы не смотрите на меня такъ, Левъ Нико-

лаевичъ! — вдругъ обратился онъ къ нему. — Я, ей Богу, заплачу отъ робости. Вы, должно быть, не вѣрите, что теперь я чувствую себя на другомъ берегу и то, что всегда смутно манило и влекло меня неотразимой прелестью, то сейчасъ передомной. Я еще маленькимъ убѣгалъ въ поле молиться и запахъ конопли въ цвѣту, гдѣ я, бывало, зароюсь и стою на колѣняхъ, для меня и до сихъ поръ отдаетъ чѣмъ-то священнымъ, дорогимъ... Я не человѣкъ фразы и прошу принять все за чистую монету.

— И я вамъ буду платить той же монетой, — отвѣтилъ Л. Н. и, положивъ руку на плечи, долго-долго смотрѣлъ ему въ глаза. — Слушайте, не то важно, что вы научитесь пахать, косить, сѣять, дрова рубить, — это, положимъ, тоже важно и цѣнно, но уже одно то, что вы рѣшились сбросить съ себя «господина» и жить по простотѣ, — ужъ одинъ этотъ порывъ для души имѣетъ неизмѣримую цѣнность и сообщитъ ей крѣпость и силу надолго.

Первый день ученія вышелъ для него удачнымъ. Онъ быстро освоился съ пріемами и въ тотъ же вечеръ уже хотѣлъ пробовать отбивать косу на завтра.

— Ну, нѣтъ, — замѣтилъ Л. Н., — это уже слишкомъ рано. Вы видите меня, я кошу уже много лѣтъ, а за отбой косы не берусь. Не беритесь и вы. Надѣлаете лепетухъ, всю косу испортите. Это, батенька, у насъ ужъ на послѣднемъ курсѣ факультета проходятъ. Идите лучше къ барынѣ вашей, а то она ругать насъ будетъ, что на цѣлый день увели васъ.

Левъ Николавичъ пошелъ къ себѣ наверхъ, а мы съ новымъ «соратникомъ» ушли на деревню. Онъ хотѣлъ познакомить меня со своей женой.

— Нѣтъ, пусть она посмотритъ и увидитъ, что есть еще интеллигентные люди и тоже работаютъ и живутъ по простому. Вы мнѣ окажете большую услугу.

Жена очень ласково встрѣтила его: «Симочка!..» Расцѣловались, усадила его на табуретъ и стала разглаживать волосы.

— Уже сбились они у тебя. Колтунъ заведется. Ха-ха-ха!.. На, расчеши!..

И вынула гнутый гребень изъ своихъ волосъ.

— Нѣтъ, я ничего не имѣю, — говорила она послѣ, — будемъ жить въ этой избѣ у Прасковьи и будемъ навозъ топтать и картошку чистить. Но только до конца каникулъ. А тамъ опять маршъ въ институтъ. Будущности изъ-за твоихъ чудачествъ мы не должны потерять.

Прошло три мѣсяца. Онъ втянулся въ работу, ходилъ съ крестьянами въ поле, косилъ, пахалъ съ ними, рубилъ лѣсъ, ѣздилъ въ городъ на базаръ съ сѣномъ, съ дровами, съ картошкою.

— Простецкій малый, — говорили о немъ крестьяне. — Только ужъ щуплый больно. Того гляди, вотъ-вотъ переломится.

— И что ему за охота? — подхватывали другіе. Учится въ институтѣ, бариномъ бы вышелъ, лѣсничимъ бы жилъ, а то тоже мужиковать вздумалъ! Гдѣ ему!..

У Льва Николаевича бывалъ онъ часто и первое время совсѣмъ не читалъ его книгъ.

— Онъ самъ для меня книга, — говорилъ онъ мнѣ. — Повѣрьте, я ѣхалъ съ другими мыслями, думалъ пробыть короткій срокъ и вернуться; но близость къ этому человѣку меня просто преобра-

жаетъ. Меня тянетъ и тянетъ жить здѣсь всегда. Я объ этомъ уже сказалъ своей Мусѣ и написалъ роднымъ. Я рву съ прошлымъ и дѣлаюсь мужикомъ.

Настала осень. Полились дожди. Работы стало меньше, и мы рѣже видались. Но каждый разъ при встрѣчѣ лицо его становилось все грустнѣй и грустнѣй.

— Она плачетъ и плачетъ и всю душу мнѣ вымотала, — говорилъ онъ. — Родные отказались отъ насъ, перестали посылать деньги. Муся на одной картошкѣ и одномъ черномъ хлѣбѣ сидитъ. Прокофій за работу принесъ. Я въ отчаяніи...

Какъ-то разъ утромъ, въ сырой и холодный день онъ быстро открылъ дверь въ мою избу и, запыхавшись и не здороваясь, сразу выпалилъ:

— Я насилу спасъ Мусю. Она пила уже изъ

пузырька. Боже мой! (Онъ сталъ ломать руки). Что мнѣ дѣлать? Я люблю ее и не могу видѣть ея страданій. Надо ѣхать. Опять въ проклятый Петербургъ! О, если-бъ вы знали, какая тамъ тьма!.. Я не могу вамъ все передать... Когда-нибудь... А теперь помогите мнѣ... Пойдемте со мной ко Льву Николаевичу... Я самъ не смогу говорить.

Мы пошли.

Левъ Николаевичъ былъ боленъ уже второй мѣсяцъ и теперь выздоравливалъ, но постели не покидалъ. Онъ лежалъ наверху, въ комнатѣ рядомъ съ большой столовой. Кровать была установлена по больничному, т. е. отодвинута отъ стѣны, чтобы сдѣлать больного доступнымъ съ двухъ сторонъ. Онъ читалъ какую-то книгу и, увидавъ насъ обоихъ невеселыми, встревоженно спросилъ:

— Ахъ, Боже мой, не случилось-ли чего-нибудь?

Что съ вами, Семенъ Андреичъ? — взялъ онъ его за руку и не выпускалъ ее изъ своей — вы плачете?

Семенъ Андреичъ съ перекошеннымъ отъ судорогъ лицомъ и съ спазмами въ голосѣ обратился ко мнѣ:

— Говорите вы, я не могу!..

Я передалъ Льву Николаевичу все и, главное, что нужны деньги, что ѣхать не на что.

— Я попрошу, я попрошу, — не безпокойтесь, — дотронулся онъ еще разъ до его руки. — Софья Андреевна не откажетъ, я увѣренъ. Ахъ, Боже мой, какой случай! Ужасно, ужасно!.. Маша! Маша! — сталъ онъ звать дочь свою.

Вбѣжала въ легонькомъ платьицѣ и въ крестьянской рубашкѣ повязанная молодаечкой, стройная и гибкая на ходу любимица Льва Николаевича, Марья Львовна.

— Что папочка? — и нагнулась къ нему.

— Дома мама, не знаешь?

— Уѣхала, въ Ясенки только-что уѣхала.

— Эка досада! Ну, когда вернется, я поговорю. За успѣхъ почти ручаюсь; хотя страшная это работа для меня — просить денегъ. — Вы вѣдь знаете это?— сослался онъ на меня.

Марья Львовна спохватилась:

— Папа, а тамъ какая-то повѣстка прибыла тебѣ и письмо.

И она стремглавъ пустилась внизъ и принесла.

Левъ Николаевичъ быстро разорвалъ конвертъ, пробѣжалъ глазами письмо, посмотрѣлъ на повѣстку и радъ-радъ.

— Ну, теперь мы богачи! Вотъ случай, такъ случай! Представьте, письмо изъ Индіи. Какая-то миссъ перевела мою повѣсть «Казаки» и за пере-

водъ прислала авторскихъ 400 руб. Вотъ это и повѣстка! Мы дѣлимся съ вами пополамъ, Семенъ Андреичъ. Завтра получаемъ деньги, и вы ѣдете. Какъ вамъ нравятся эти англичане, а? Нѣтъ, какъ это мило и какъ въ пору! Я никогда такъ не радовался деньгамъ, какъ сейчасъ.

На слѣдующій день Семену Андреичу были выданы деньги, и онъ уѣхалъ съ женой въ Петербургъ.

Это было осенью 1886 года.

Прошла зима, пролетѣло еще лѣто, и вотъ на пути изъ Смоленской общины я заѣзжаю ко Льву Николаевичу.

Онъ грустный-грустный и держитъ письмо въ рукахъ.

— Вы помните, вѣроятно, того студента, что жилъ здѣсь и работалъ? — сказалъ Левъ Николаевичъ.—Потеряли мы его! Пишетъ ужасное письмо, гдѣ разсказываетъ все, всю свою страшную тайну. Онъ — шпіонъ. Да. И былъ шпіономъ, когда жилъ здѣсь. Ему поручили слѣдить за нами и все доносить. Онъ жену любилъ, нужны были деньги, и она благословила его на эту должность. Но, живучи здѣсь и увидя насъ ближе и убѣдившись, что не о чемъ доносить, и, будучи тронутъ новымъ взглядомъ на жизнь, онъ искренно увлекся и на самомъ дѣлѣ захотѣлъ жить другой жизнью... Но тутъ опять жена стала на пути. Она увидѣла, что онъ службы своей не исполняетъ, денегъ лишился и можетъ еще подвергнуться гоненію со стороны тѣхъ, вотъ и разыгралась тогда сцена съ отравленіемъ. Вся эта исторія съ родителями была придумана. Родителями-то, оказывается, были ихъ патроны по сыскной части, и тѣ, дѣйствительно, осердясь, пере-

стали имъ посылать деньги, за бездѣятельность. Плохо работали. Потомъ, когда они переѣхали въ Петербургъ, и онъ опять попалъ въ институтъ, она примирила его съ сыскнымъ начальствомъ и заставила вновь записаться въ это черное число.

Теперь, — пишетъ онъ, — онъ слѣдитъ за другими, его обязанности другія, и намъ про себя можетъ откровенно все разсказать. Жизнь его надломлена... Душа убита... Вотъ прочтите. Какой ужасъ! Какой ужасъ!..

И онъ передалъ мнѣ письмо.

Я не могъ читать его. Меня душили негодованіе и скорбь.

Левъ Николаевичъ отвернулся.

— Погибшая душа! — вздохнулъ онъ. — Думаю написать ему.

КАКЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ БРОСИЛЪ КУРИТЬ.

— Это было, — разсказывалъ Левъ Николаевичъ, — по курской дорогѣ, на пути въ Кіевъ. Къ вечеру вагонъ наполнился богомольцами и когда всѣ, кое-чѣмъ поужинавъ, стали укладываться спать, сидѣвшій противъ меня съ широкой бородою высокій, легкій мужчина насмѣшливо бросилъ сосѣду своему: 99

— Ты потуже кошель затягивай, да прячь, смотри, подальше.

Тотъ нервно щупалъ карманъ свой и, въ самомъ дѣлѣ, что-то долго возился съ кошелькомъ.

— Вотъ такъ всѣ вы, богомолы. Трясетесь по дорогѣ надъ копѣйкою, какъ колокольчикъ надъ дверьми въ бойкой лавочкѣ, а пріѣдете въ Кіевъ, — все разомъ уплываетъ. И не оглянешься. Сижу это я въ будкѣ своей и продаю квасъ прошлой весной на Подолѣ, подъ Андреевской горой. Подбѣгаетъ ни живъ, ни мертвъ, вотъ такой же, какъ ты, богомолецъ длинноусый. Блѣденъ, руки трясутся, губы синія, какъ передъ смертью, и носъ длиннѣе на вершокъ.

— Дай, землякъ, попить кваску!

А самъ еле духъ переводитъ.

— Вотъ только что, — говоритъ, — на ранней обѣднѣ стащили деньги у меня въ Лаврѣ, 18 р. и мелочь всю забрали. Господи!..

Вижу, не вретъ человѣкъ, налилъ ему стаканъ квасу.

— Пей, — говорю, — да сплюнь потомъ.

Онъ духомъ выпилъ.

Я другой налилъ.

Онъ и этотъ опрокинулъ.

— Утрись теперь, — говорю я, — и ступай на берегъ, тамъ дрова пригнали въ берлинахъ — таскать нанимаютъ. Выработаешь на дорогу и маршъ домой. Откуда? — спрашиваю.

— Изъ Венева, — говоритъ.

100 — Ну, вотъ, а сюда прилѣзъ передъ Богомъ стать, будто въ Веневѣ небо узкое, солнце не всходитъ, вода не течетъ, люди не умираютъ, — не тотъ же Богъ — владыка тамъ. Эхъ, вы!.. Тысячу верстъ надо ноги бить, чтобъ сюда придти и толпиться съ народомъ въ тѣсныхъ храмахъ и себѣ, и другимъ на соблазнъ. Что, развѣ другой Богъ здѣсь, съ другой святостью и съ другими помыслами о тебѣ? Вотъ онъ тебя и образумилъ, рукою жулика научилъ.

Да и какая молитва у тебя могла быть на душѣ, — забота все и, небось, все время щупалъ этотъ самый кошель и думалъ о немъ, только вотъ не спопашился и проворонилъ, — нашелся хитрѣй тебя. Они стоятъ тутъ, эти архангелы, и караулятъ вашего брата, не моргнулъ-ли глазомъ. Поѣзжай къ себѣ въ Веневъ и десятому закажи выбить эту охо-

ту изъ головы своей. Такъ, баловство одно, хожденіе съ прогулками, а не Богу молитва. Молиться и дома можно и надо, а не то, что дома пакостить, а здѣсь отмаливать...

Я заслушался. Такой искрящейся, прадивой умной рѣчи я давно не слыхалъ. Слушалъ ее со вниманіемъ и сосѣдъ.

— Такъ по твоему, это одно хожденіе? — задумчиво спросилъ онъ.

— Хожденіе,—и больше ничего.

Въ это время подъ лавкой что-то заскрипѣло, заворочалось и подъ краемъ потертаго сидѣнья, загибая шею вверхъ и, выпячивая кадыкъ, выглянулъ съ умоляющимъ лицомъ и заспанными глазами, бритый и безъ шапки испуганный человѣкъ.

— Что, дяденька, прошелъ контроль? — быстро спросилъ онъ усиленнымъ шопотомъ, стараясь говорить больше въ себя, чтобы этимъ сдѣлать совсѣмъ неслышнымъ голосъ свой.

— Нѣтъ, не прошелъ еще, — подражая его шепоту, отвѣтилъ квасникъ. Ты зайчишь, что-ли?

— А что-жъ. Съ утра зайцемъ лежу.

И голова его юркнула въ темноту подъ краешекъ сидѣнья.

— Ты на богомолье? — нагнулся къ нему квасникъ.

— На работу. Сдыхаемъ дома.

— Ты слышь? — обратился квасникъ къ сосѣду, который тоже нагнулъ голову и смотрѣлъ подъ лавку. — Коли богатъ ты и въ кошелѣ есть деньги, выручай человѣка.

Подъ вагономъ въ это время зашумѣли тормоза, на паровозѣ загудѣлъ свистокъ.

Поѣздъ подходилъ къ станціи.

Богомолецъ поднялся, пошарилъ въ карманѣ рукой.

— Пущай вылѣзаетъ, — говоритъ. — На, поди, купи билетъ.

И вручаетъ ему 5-рублевую бумажку.

Потомъ наскоро завязалъ свою котомочку, взвалилъ ее на плечи и, покряхтывая, сталъ пробираться къ выходу.

— Куда ты? — спросилъ квасникъ.

— Въ Веневъ. Назадъ. Прощай, кланяйся Кіеву!..

И ушелъ.

Разговорился съ квасникомъ и я послѣ. Его звали Ефимомъ.

— Вотъ, — говорю я, — объ этомъ самомъ и въ евангеліи сказано. И Христосъ, съ одной женщиной

изъ Самаріи, имѣлъ бесѣду о томъ, гдѣ надо Богу поклоняться.

Она говоритъ Ему: Господи, вижу, что Ты пророкъ.

Отцы наши поклонялись на этой горѣ, а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ. Іисусъ говоритъ ей: повѣрь Мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу...

— Ну?! — всокликнулъ Ефимъ, всплеснувъ руками. — Неужели-жъ это Спасителевы слова? Господи!

— Спасителя, — отвѣтилъ я. Дальше еще сказано: но настанетъ время и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ

ищетъ себѣ. Богъ есть Духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ.

У Ефима загорѣлись глаза, щеки заалѣли круглыми пятнами и онъ весь превратился въ слухъ...

— Еще!.. — говоритъ онъ, когда я кончилъ. Однова дыхнуть... И слушалъ бы, и слушалъ... Какъ же это ты, баринъ, все знаешь наизусть?..

Я полѣзъ въ карманъ, чтобы вынуть евангеліе, которое было со мной, и прочесть ему изъ книги. Въ рукахъ у меня была дымившаяся папироса и я часто подносилъ ее ко рту и усиленно курилъ.

Я сталъ перелистывать книгу и продолжалъ курить.

Дымъ стлался по разворачиваемымъ страницамъ и выхлопывался плоской пеленой, когда страница покрывала его.

Ефимъ нагнулся, чтобы тоже посмотрѣть въ книгу, хотя читать онъ не умѣлъ, и нѣсколько разъ, я видѣлъ, отворачивался съ гримасами отъ дыму.

— И охота же, баринъ, тебѣ эту непутевщину въ зубахъ держать! Такъ хорошо святости знаешь, а смрадомъ этимъ гноишь себя.

Онъ отвернулся и сквозь зубы звонко сплюнулъ.

Такъ это было мѣтко сказано, такъ во время, такъ неотразимо правдиво, — и такимъ тономъ полуукора, полуубѣжденія, что я почувствовалъ себя совершено сраженнымъ и уничтоженнымъ.

Такъ ясно я увидѣлъ грубое противорѣчіе между чистымъ разговоромъ и грязной копотью отъ дыма во рту, такъ дѣйствительно кощунственнымъ показался мнѣ этотъ стелющійся по страницамъ евангелія синій, смѣшанный съ паромъ дыханія

димъ, что слова его о смрадѣ и гноѣ не только не обидѣли меня, но прямо образумили.

Мнѣ самому начало казаться, что тутъ въ самомъ дѣлѣ есть что-то гнойное и смрадное, и его звонкій, свистящій плевокъ, мнѣ казалось, былъ, именно, въ мою сторону направленъ и попалъ ко мнѣ глубоко-глубоко.

Я покраснѣлъ, застыдился и говорю ему:

— Такъ по твоему бросить эту пакость?

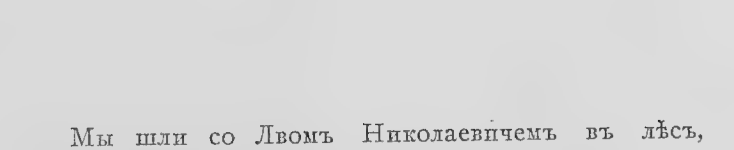
— А бросить, — отвѣтилъ онъ. — Только ты этого не сдѣлаешь. Приклеенъ, и клей засохъ.

Я положилъ евангеліе въ сторону, вынулъ изъ кармана табачницу и коробочку со спичками, пригнулся къ открытому окну, въ которое врывался клоками свѣжій, ночной вѣтеръ, и сразу швырнулъ за окно и табачницу, и спички.

Я бросилъ впередъ по ходу поѣзда и нѣкоторое время видѣлъ еще, какъ упала серебряная табачница на второй путь и отъ удара объ рельсы раскрылась, и весь табакъ съ папиросной бумагой были подхвачены вѣтромъ и унесены подъ откосъ.

Я почувствовалъ огромное облегченіе, какъ отъ внезапно переставшаго ныть больного зуба и съ тѣхъ поръ не курю.

НОВАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Мы шли со Львомъ Николаевичемъ въ лѣсъ, чтобы срубить дерево крестьянину на избу.

Прошли мы старинную рощу съ гигантскими мачтовыми дубами, миновали косую и залитую мягкимъ солнечнымъ свѣтомъ поляну на взгорьѣ, откуда виднѣлась величественная засѣка и синяя лента вьющейся около нея рѣки Воронки, и вскорѣ дошли до барскаго осинника, какъ называлась огромная роща съ высокими сѣрѣющими осинами и съ трепетавшими на нихъ пугливыми и бѣлѣвшими снизу листьями.

Повѣяло тихой, благоговѣйной прохладой, и, помню хорошо свое ощущеніе, мнѣ показалось, что мы вошли въ настоящій Божій храмъ, гдѣ въ каждомъ уголкѣ чувствуется дыханіе высшей силы.

Левъ Николаевичъ всю дорогу молчалъ, погруженный въ себя. Онъ потрясенъ былъ одной изъ тяжелыхъ семейныхъ сценъ, которыя ему въ ту пору дарили очень часто, и переживалъ въ душѣ

мучительную для самолюбія, но радостную для духа работу примиренія съ живыми людьми.

— Вы знаете, — началъ онъ съ особенно теплой задушевностью, — какой наибольшій грѣхъ нашъ, грѣхъ, который можетъ свести на нѣтъ всю работу духа и оставить васъ голымъ безпомощнымъ ребенкомъ или, что еще хуже, можетъ превратить васъ въ обыкновеннаго лжеца и обманщика передъ собственной совѣстью? Грѣхъ этотъ, какъ это ни странно, какъ ни ужасно сказать, но грѣхъ этотъ — любовь къ людямъ. Да, эта безплотная, безликая любовь къ людямъ, гдѣ-то тамъ далеко живущимъ и манящимъ насъ пальцами къ себѣ: «Придите пожалѣйте!» Мы рвемся душой къ этимъ людямъ, плачемъ о нихъ, страдаемъ, и такими они намъ представляются милыми, хорошими, мы все готовы

отдать имъ. Эти дальніе для насъ люди жизнь наша, и мы испытываемъ высокое наслажденіе отъ близости духовнаго счастья, мы полны радости... И ужасная вещь, эта радость, очень низкая, себя-любивая, слабая и только гладящая себя по головкѣ: какой я славненькій, и оттого уничтожающая духъ нашъ.

Я теперь только вижу, какъ велико по простотѣ своей и по страшной глубинѣ познанія человѣческой души старое, старое, священное мѣсто о любви къ ближнему. И это есть не только указаніе, но и предостереженіе: ближняго люби, молъ, а не дальняго, — предостереженіе много пережившаго мудреца и знающаго одну изъ самыхъ тонкихъ извилинъ грѣха. Любить человѣка, котораго не видишь, не знаешь, и съ которымъ никогда не встрѣтишься, — это такъ легко и заманчиво, тѣмъ болѣе, что не на-

до ничѣмъ жертвовать, не надо ничего тратить, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство какъ будто бы работаетъ, душа удовлетворена, и совѣсть обманута. Это такъ соблазнительно... Но, нѣтъ, ты поди люби того, кто передъ тобой, съ которымъ живешь, котораго видишь, съ его привычками, съ его дыханіемъ, съ желаніемъ высмѣять тебя, унизить, съ нежеланіемъ помочь тебѣ... Вотъ этого люби, жалѣй, мирись съ нимъ, — въ этомъ жизнь.

Когда я говорю фразу «люби ближняго», я обыкновенно на этомъ словѣ и останавливаюсь. Я не продолжаю дальше: «какъ самого себя». Я чувствую, что въ этой добавкѣ есть что-то фальшивое и ложное. Очень можетъ быть, что въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ 19 главѣ Левита, такъ и сказано: люби ближняго, какъ самого себя, но тамъ оно не имѣетъ общаго значенія, относится только къ «сынамъ народа своего» и слишкомъ еще окутано тьмою привязанности къ тѣлу.

Мнѣ всегда казалось страннымъ и даже невѣжливымъ, когда говоришь о любви къ другому, вспомнить о себѣ и всегда чувствовалъ, что такъ нельзя, что это редактировано нехорошо, что это сравненіе похоже на небольшую щелочку въ пневматическомъ колоколѣ. Разъ есть это отверстьице, — изъ колокола никогда не высосешь воздуха, и онъ всегда будетъ полонъ имъ.

Мнѣ казалось, что задача жизни и все величіе нравственнаго ученія заключаются въ томъ, чтобы имено высосать изъ души человѣка, какъ изъ-подъ колокола пневматической машины, весь воздухъ его себялюбія, а тутъ вдругъ въ той самой заповѣди, которая, казалось, именно это и дѣлаетъ, есть щель,

черезъ которую постоянно возобновляется убывающій въ колоколѣ воздухъ.

Нельзя вводить въ заповѣдь о любви сравненіе «какъ самого себя». И представьте мою радость, когда я узнаю, что Христосъ именно такъ и поучалъ. Когда у него спросили: «Учитель! какая найбольшая заповѣдь въ законѣ?» — Онъ сказалъ: «Возлюби Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ». Это первая и найбольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего... Случайно я читалъ тогда Евангеліе съ контекстами Гриссбаха. Въ этомъ мѣстѣ имѣется маленькая выноска. Послѣ словъ «какъ самого себя», которыя по гречески будутъ: «hos Seauton», — сдѣлано указаніе: «Въ древнихъ спискахъ: «hos heauton», т. е. какъ его самого. Это
110 былъ для меня свѣтлый моментъ высокаго озаренія. Это было торжество духа.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ легко могла произойти эта маленькая замѣна вмѣсто «s» «h» — но какая огромная разница! Заповѣдь такимъ образомъ выразится такъ: «И вторая подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ Его самого, т. е. какъ Бога».

Здѣсь, дѣйствительно, есть объединеніе двухъ заповѣдей, которыя до того представлялись глубоко разнорѣчивыми.

Какое подобіе могло быть между первой и второй заповѣдью, разъ въ первой говорится о полной преданности Богу, о любви къ нему всѣмъ сердцемъ, всей душой, всѣмъ разумѣніемъ, — слѣдовательно для любви къ себѣ уже мѣста рѣшительно нѣтъ, разъ все сердце и вся душа отданы Богу.

Какимъ же образомъ, спрашивается, вдругъ мо-

жетъ быть, чтобы вторая заповѣдь, подобная первой, говорила о любви къ себѣ, на которую должна походить любовь къ ближнему? Очевидно, что этого не могло быть. Если же сказать, люби Бога всей душой и люби ближняго какъ Его самого, — тогда дѣйствительно есть стройное объединенiе двухъ заповѣдей и величественное построенiе гигантскаго зданiя нравственности.

Ахъ, милый другъ, какъ много еще предстоитъ работать въ этомъ направленiи. Вотъ вы моложе меня и работайте и, Богъ дастъ, увидите еще много, много хорошаго!..

Насъ слушалъ лѣсъ и тихое, голубое между осинами небо, — и слова учителя глубоко запали въ мою душу.

О ПАТРІОТИЗМѢ.

Небольшой артелью въ восемь косарей, среди которыхъ былъ и Левъ Николаевичъ, мы косили дѣлянку свою въ молодомъ саду близъ дома въ Ясной Полянѣ. Это было лѣтомъ 86 года.

Рано вышли мы на покосъ и до завтрака успѣли много выкосить; мягкая росистая трава такъ и ложилась плавными рядами подъ косой.

Левъ Николаевичъ былъ въ восторгѣ и шелъ не отставая отъ косарей, работая «захватисто», какъ говорилъ о немъ первый косарь Прокофій.

Солнышко поднялось высоко, и артель, добивъ ряды, расположилась завтракать. Вдругъ видимъ съ пригорка скачутъ Андрюша и Миша (два меньшихъ сына Л. Н.).

— Папа, — запыхался Миша, любимецъ отца,— къ тебѣ пріѣхалъ кто-то, заграничный!..

И повернулъ назадъ.

— Ишь стрекачи! — пустилъ имъ вслѣдъ Прокофій, одобрительно улыбнувшись. — Небось мужиковать не будутъ...

— Коли Богъ надоумитъ, — будутъ! — отвѣтилъ Л. Н. и ушелъ къ гостю.

Черезъ полчаса, когда мы уже снова косили и успѣли сдѣлать по ряду, на откосѣ освѣщенныя солнцемъ и какъ бы въ зеленой бархатной рамѣ показались стройныя фигуры Льва Николаевича и гостя.

Высокій въ шляпѣ подвижной мужчина быстро подошелъ къ намъ и развязано по дружески потрясъ мнѣ руку.

— Дерулэдъ!,. — въ одно время сказали и онъ и Л. Н.

— Пріѣхалъ въ Россію, — продолжалъ уже одинъ Л. Н., — агитировать въ пользу реванша. Былъ въ Петербургѣ, заручился симпатіями, а вотъ теперь заглянулъ и въ Ясную.

Артель наша сбилась въ кучу и окружила гостя. Дерулэдъ осматривалъ каждаго съ любопытствомъ, что-то быстро-быстро бормоча про себя и чуть не щупалъ пальцами пестрядь рубахи у крестьянъ.

— Да, да, я надѣюсь, — началъ онъ по французски гортанной звонкой скороговоркой и съ какимъ-то тревожнымъ оживленіемъ въ голосѣ, — я надѣюсь, Россія придетъ намъ на помощь. О, это благородная страна!

— Собственно говоря, — осторожно вставилъ я, — Эльзасъ и Лотарингія не такъ уже чужды Германіи. Вѣдь раньше владѣли этой провинціей...

— Конечно, — перебилъ Дерулэдъ, — страна эта была дочь Германіи, но она вышла замужъ за рыцаря Франціи, и если теперь снова ее забрали родительскія руки, то французскій народъ не позволитъ. Жена не можетъ уйти отъ мужа, и рыцарь все сдѣ-

ластъ, всѣмъ пожертвуетъ, но возвратитъ похищенную и честь поруганнаго дома возстановитъ... Отнятая, варварски отгрызенная страна, — вы посмотрите, какъ она стонетъ теперь подъ желѣзной пятой желѣзнаго канцлера. Ее томитъ тоска, ее тянетъ въ домъ къ мужу, гдѣ она успѣла сжиться, свыкнуться... Это не преувеличеніе, не пристрастный голосъ обиженнаго сердца, это — мучительная, жгучая правда, что Франція, и только Франція, можетъ быть отечествомъ для несчастныхъ провинцій, несчастьемъ оторванныхъ отъ насъ. И вотъ русскій народъ! Глаза наши, воспаленные отъ ужаса и горящіе гнѣвомъ и мщеніемъ, обращены съ мольбой къ великому колоссу славянства. Всѣ надежды наши на дружбу и заступничество этого могучаго титана, который однимъ поворотомъ головы своей, однимъ взглядомъ изъ-подъ густого лѣса бровей своихъ заставитъ трепетать зазнавшагося титана, умчавшаго молодую страну, какъ ястребъ цыпленка...

— О чемъ этотъ баринъ долдонитъ? — спросилъ Прокофій, все время сосредоточенно слушавшій его страстную на незнакомомъ языкѣ рѣчь.

— Баринъ этотъ—французъ,—пояснилъ Л. Н.— У нихъ нѣмцы отняли клокъ земли, — Эльзасъ называется. Вотъ они и хотятъ, чтобы русскіе пособили отбить у нѣмцевъ эту землю.

Прокофій широко улыбнулся и, щурясь на косарей съ усмѣшкой, произнесъ:

— Ну, что-жъ, братцы, пойдемъ отбивать Эльзасію?! Побросаемъ бабъ и двинемъ, а? Ну-ка, налаживай, Ѳедя, косу и маршъ!..

Онъ сдѣлалъ два-три легкихъ взмаха косой, обкашивая рѣденькую межевую травку, и, налегнувъ

по привычкѣ на правый бокъ, врѣзался въ зеленое море, плавно подаваясь впередъ и оставляя за собой покорно ложащіяся кучи травы съ ровно, какъ подъ скобку, подрѣзанными плачущими стеблями.

За нимъ стала косить и вся артель, въ томъ числѣ и Левъ Николаевичъ.

Дерулэдъ шелъ сзади его и, сторонясь при каждомъ взмахѣ косы, продолжалъ свои горячія воззванія къ русскому народу.

— Вотъ вы говорите, отечество, патріотизмъ, — обратился къ нему Л. Н., когда мы кончили рядъ и вернулись къ межѣ. — Если нѣтъ у человѣка Бога въ душѣ и онъ не чувствуетъ голоса Его, онъ поневолѣ создаетъ себѣ добавочные, замѣняющіе принципы и, служа имъ, думаетъ, что служитъ высшимъ интересамъ духа. Брань, обида, месть, это все та-

кіе жгучіе, горящіе угольки, которыхъ не можетъ удержать ни рука наша, ни душа. Непремѣнно нужны особыя ложки или совки желѣзные. И вотъ, простите, глазастый принципъ дурно понятаго патріотизма и есть именно такой совокъ. Онъ не даетъ вамъ чувствовать, какія опасныя вещи у васъ въ рукахъ, и вы спокойно разбрасываете огонь по всему міру, зажигая имъ страсти въ людяхъ и соблазняя ихъ жаждой крови чужой. Разумѣется, можно увлечь и нашъ народъ въ опасную авантюру, можно заставить его идти на нѣмцевъ изъ-за дальней «Эльзасіи», но слишкомъ много соблазна и насилія нужно употребить и слишкомъ большой грѣхъ берутъ на душу тѣ, кто пробуетъ его уговорить и увлекать... Вы видѣли, какъ отнесся къ вашимъ словамъ этотъ косарь, Прокофій, простой человѣкъ, обвѣянный дыханіемъ земли и растущей жизни на

ней. Онъ, какъ глубокій юмористъ, сознающій ничтожество явленія (сознаніе ничтожества и есть основа юмора), отвернулся съ улыбкой и завизжалъ косой по сочнымъ стеблямъ травы, т. е. принялся за работу, которая есть, была и будетъ настоящей, чистой, изящной и интересной работой, создающей жизнь. И такъ весь русскій народъ.

Это отвѣтъ всего народа нашего.

Онъ хочетъ жить, работать, быть близкимъ къ землѣ и хочетъ видѣть въ другихъ не звѣрей, на которыхъ надо идти съ вилами и рогатинами, а добрыхъ, чувствующихъ и понимающихъ его братьевъ, одинаково стоящихъ съ нимъ предъ вѣчными вопросами добра и блага, которые одни только важны и существенны въ нашей жизни.

Я не только не могу содѣйствовать вашимъ намѣреніямъ и не могу будить злобныхъ чувствъ среди людей, которые меня читаютъ и слушаютъ, но, напротивъ, отъ всей души хотѣлось бы сказать людямъ вашей красивой страны, что не нужно мстить, нужно забыть старую обиду и поглубже заглянуть къ себѣ въ душу и лучше жить, какъ людямъ свойственно жить, работая всѣми усиліями духа для счастья и мира людей и приближаясь черезъ это къ Богу.

Не Эльзасъ, не Лотарингія, а правда нужна Франціи.

Нужно распутать, а если нельзя распутать, то порвать эту ужасную сѣть обмана и лжи, которою оплетена страна; освободиться надо отъ лжи клерикализма, который душитъ страну и пагубой грозитъ самымъ нѣжнымъ сторонамъ жизни ея; надо вытравить національную рознь въ странѣ, надо раз-

сѣять кошмаръ бюрократизма, надо возвысить народъ въ глазахъ людей, надо трудъ и землю поставить во главу угла и многое, многое еще, которое зрѣетъ и становится необходимымъ по мѣрѣ работы и углубленія въ дѣло.

Ахъ, какъ все это ясно дѣлается человѣку, когда онъ уходитъ отъ шумихи навѣянныхъ людямъ условностей, и какъ это трудно, почти невозможно, понять ему, когда онъ сидитъ и варится въ соку этихъ условностей, не только ничего не дающихъ душѣ человѣка, но съ жестокой жадностью, подобно сильной кислотѣ, выжигающихъ самое лицо души и оставляющихъ глубокіе язвенные слѣды на самыхъ чувствительныхъ мѣстахъ ея...

Не надобно это, вѣрьте, это не нужно людямъ то, что вы затѣваете и не тратьте вашихъ молодыхъ
120 силъ на дѣло, лежащее далеко, далеко отъ единственнаго пути, дающаго людямъ благо и радость. Уйдите отъ дурного и лживаго патріотизма и не туманьте имъ яснаго неба души своей...

Дерулэдъ пробылъ въ Ясной Полянѣ три дня и всѣ эти дни читалъ «Ma religion», съ каждымъ днемъ становясь все грустнѣй и грустнѣй.

Его бодрое, несущееся вверхъ, какъ ракета, настроеніе и сознаніе высокой миссіи, съ которой онъ пріѣхалъ въ Ясную, разсѣялось, какъ дымъ, и, взволнованный, растроганный, онъ, кончивъ чтеніе, восторженно произнесъ:

— Я такой книги никогда не читалъ!..

Льву Николаевичу онъ оставилъ на память сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Un soldat» и, устыдясь содержанія этихъ бездѣлушекъ, хотѣлъ ихъ взять назадъ, но Л. Н. очень нѣжно

обошелъ эту неловкость и сохранилъ у себя книжечку Дерулэда.

Стишки мелодичные, гладкіе и недурно воспѣваютъ званіе солдата.

«Въ наши дни, — говорится въ одномъ стихотвореніи, — когда всѣ развинчены, слабы, ничтожны, — кто чувствуетъ себя бодрымъ, стойкимъ и видящимъ ясно свой призывъ? —

Un soldat.

И этотъ герой, отдавши жизнь на полѣ брани и будучи тамъ похороненъ, что желалъ бы онъ видѣть у себя на могилѣ? Съ какой надписью крестъ онъ хотѣлъ бы имѣть?..

Un soldat.

СОТРУДНИКИ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

Теперь, когда запруды, установленныя по теченію литературы и мѣшавшія ея естественному бѣгу, 125
понемногу рѣдѣютъ, и впереди виднѣется свѣтлое время, — теперь самая пора вспомнить и о внутреннемъ бѣдствіи литературы.

Врагъ этотъ еще ужаснѣе и грозитъ неумолимымъ разрушеніеъ лучшаго сокровища въ нашей жизни. Литература можетъ умереть отъ коварной и злой болѣзни, которая въ медицинѣ называется бѣлокровіемъ. Съ виду больной — даже толстъ, расплылъ и кажется жирнымъ, а на самомъ дѣлѣ онъ близокъ къ гибели и чахнетъ, потому что кровь его не та, нѣтъ живительныхъ красныхъ шариковъ, напитанныхъ кислородомъ жизни, который они разносятъ по всѣмъ тканямъ тѣла. Все бѣлыя, лимфоидныя тѣльца, тѣ же самыя, что бываютъ въ гнойникахъ и гангренозныхъ пузыряхъ.

Я говорю объ оскудѣніи языка литературы.

Словъ нѣтъ.

Живительныхъ, красныхъ шариковъ мало. Все бѣлыя, лимфоидныя тѣла рыхлой иностранщины и мокрой, клейстеровидной, затхлой канцелярщины.

Нѣтъ свѣжихъ народныхъ образовъ, нѣтъ смѣлыхъ, сильныхъ словъ, дышащихъ воздухомъ полей. Мы замкнулись въ своемъ жаргонѣ и не ищемъ общенія съ народомъ.

Въ моей памяти встаетъ иной образецъ, иной методъ писаній, къ которому прибѣгаетъ великій мастеръ нашего времени.

Когда я учительствовалъ въ Ясной Полянѣ, мы ежедневно устраивали послѣобѣденныя чтенія съ учениками.

Понемногу на эти чтенія начали являться и взрослые — парни, женатые и, наконецъ, старики.

— Больно ужъ занятно, сказываютъ! — заявляли эти почтенные люди, какъ бы оправдывая свой легкомысленный не по лѣтамъ поступокъ — интересоваться книжкой.

Приходилъ на эти чтенія и Левъ Николаевичъ.

Сядетъ, бывало, на краешекъ задней скамейки и слушаетъ.

Во время чтенія и послѣ, обыкновенно, завяжется оживленная бесѣда съ крестьянами, и въ этой бесѣдѣ, бывало, Левъ Николаевичъ принимаетъ самое горячее участіе.

Онъ на простомъ языкѣ говоритъ еще красивѣе и вдохновеннѣе, чѣмъ на языкѣ литературномъ.

Въ разговорѣ онъ былъ чуждъ всякаго учительства и самъ казался робкимъ, внимающимъ ученикомъ.

Народъ — великій учитель.

— Какъ хорошо! — сказалъ онъ разъ, прощаясь со мною. — Какъ мы мало знаемъ, въ чемъ наша истинная радость; часъ такого общенія стоитъ больше всѣхъ этихъ фешенебельныхъ вечеровъ и раутовъ.

Кончили мы однажды чтеніе небольшого разсказа, поговорили, побесѣдовали, вдругъ — смотримъ, вынимаетъ изъ кармана Левъ Николаевичъ тетрадку исписанныхъ листиковъ и говоритъ:

— Прочту и я вамъ... свою вещь, «сказка» называется.

И звучнымъ, внятнымъ голосомъ онъ прочиталъ свою знаменитую сказку объ «Иванѣ Муракѣ».

Въ то время Левъ Николаевичъ кончалъ сочиненіе «Такъ что-жъ намъ дѣлать?» и былъ занятъ разработкой вопроса о деньгахъ. Тѣ отвлеченные выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ этомъ сочиненіи, онъ образно выразилъ въ сказкѣ и, читая ее, замѣтно волновался предъ своей аудиторіей.

Сказка понравилась.

Старики похваливали, а помоложе перебирали отдѣльные моменты и дѣлились впечатлѣніями.

— Такъ ему и надо, чистому господину! — Ишь, что выдумалъ!...

Замѣтивъ одного изъ крестьянъ, особенно волновавшагося по поводу прочитаннаго, Левъ Николаевичъ обратился къ нему:

— Ну, вотъ, Константинъ Николаевичъ, ты бы намъ вслухъ и разсказалъ всю сказку. Сдѣлай милость!

— Можно, отчего-же, — отъ слова до слова помню.

И полился плавный пересказъ прочитаннаго.

Но, къ удивленію всѣхъ, это вовсе не былъ пересказъ. Онъ далеко не соотвѣтствовалъ оригиналу; многія мѣста вышли совершенно иными, и слова, и выраженія были другія—даже сочетаніе событій въ одномъ мѣстѣ вышло не то.

Изъ толпы его стали обрывать и рѣзко поправлять.

— Не ври, вотъ такъ было!..

Но Левъ Николаевичъ съ жадностью ловилъ именно эти измѣненныя мѣста въ пересказѣ и останавливалъ всѣхъ:

— Не надо, не надо, пускай разсказываетъ. У него хорошо выходитъ.

Крестьянинъ этотъ былъ бѣднѣйшій въ деревнѣ, жилъ на краю села, и оттого его называли Константинъ Крайній. Его изба была раскрыта, а плетни
 — покосившіеся и раззоренные.

И оттого его называли еще Константинъ Раззоренный.

Но даръ слова былъ у него выдающійся, и онъ былъ большой охотникъ до книжки.

Повѣсть Савихина «Дѣдъ Софронъ» онъ разъ 50 прочелъ и выучилъ всю наизусть. Всей семьей онъ разучивалъ эту книжку и всей семьей, бывало, рыдаютъ надъ грустной участью бѣднаго дѣда.

— Боже мой, ми-лостива-ай! — бывало вздыхаетъ Константинъ, — разсказывая мнѣ въ сотый разъ про наиболѣе «жалостливыя» мѣста и слова свои: «Боже мой, ми-лостива-ай!» — произносилъ при этомъ какъ-то особенно, втягивая воздухъ въ себя. Такъ что слова говорились какъ бы внутрь, а не вовнѣ.

Это выходило очень трогательно.

Вотъ этотъ самый Константинъ и разсказывалъ теперь сказку объ Иванѣ-Дуракѣ.

Левъ Николаевичъ спѣшно дѣлалъ отмѣтки на листѣ, такъ и сіялъ отъ восторга, когда въ пересказѣ блеснетъ яркая фраза, образное выраженіе или мѣткое слово, на которыя Константинъ Николаевичъ былъ большой мастеръ.

Сказка «Иванъ-Дуракъ» появилась въ свѣтъ въ пересказѣ Константина.

— Я всегда такъ дѣлаю, — сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ, — я провѣряю себя и учусь у нихъ писать. Это единственный способъ создать народную вещь. Вотъ и разсказъ «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ» тоже такъ возникъ.

Это пересказъ ученика.

Такъ любитъ и уважаетъ великій писатель великій народъ свой.

И оттого народныя творенія Толстого дышатъ такой непосредственной правдой языка.

Какой могучій потокъ свѣжихъ образовъ, мыслей и словъ хлынулъ бы въ нашу, въ сущности, маленькую, тощую, ожаргонившуюся и до-нельзя «объинтеллигентившуюся» литературу, если-бы и другіе писатели поступали такъ же и такъ же любили и уважали народъ, какъ уважаетъ и любитъ его Толстой.

О, если бы!...

ЛЕГЕНДА НИЩИХЪ.

Лѣтомъ 1886 года мы хоронили вдову-крестьянку въ Ясной Полянѣ и, когда вернулись съ кладбища и передали свои впечатлѣнія, Л. Н. сказалъ:

— Да, похороны — это единственный обрядъ, вполнѣ соотвѣтствующій событію, и обставленъ такъ, какъ только человѣкъ можетъ обставить такую серьезную, важную и значительную вещь, какъ смерть. Въ деревняхъ похороны проще и съ большей родственностью, въ городахъ пышнѣй, надуманнѣй и съ холодкомъ чужбины; но и тамъ, и здѣсь онѣ одинаково торжественны, и таинственное величіе совершаемаго покоряетъ всѣхъ — и встрѣчныхъ, и провожающихъ. Вѣяніе тайны властно царитъ здѣсь, и человѣкъ невольно отдается мыслямъ о небѣ, о высокомъ, о духѣ; въ немъ заговариваетъ чувство мягкости, доброты, онъ склоненъ благотворительствовать. Оттого на похоронахъ въ городахъ такъ много нищихъ. Это ихъ праздникъ и они создали даже по этому поводу цѣлыя легенды. Помню одну изъ нихъ,

оригинальную и умную, слышанную мною тоже на похоронахъ гдѣ-то на югѣ. Вотъ она.

Умиралъ богачъ. Всю жизнь свою онъ прожилъ сухимъ, скупымъ человѣкомъ и нажилъ огромное богатство.

— Нельзя, — бывало говорилъ онъ, когда ему напоминали о скупости, — въ жизни деньги—все!...

И вотъ теперь, когда былъ уже близокъ смертный часъ, онъ подумалъ: «Вѣроятно и на томъ свѣтѣ деньги — все. Надо запастись, чтобы въ нужду не впасть».

Онъ призвалъ своихъ дѣтей и, прощаясь съ ними, велѣлъ положить къ нему въ гробъ мѣшокъ съ деньгами.

— Не жалѣйте, — добавилъ онъ, — побольше золота кладите.

Въ ту же ночь богачъ скончался.

Дѣти исполнили волю его и положили въ гробъ къ нему нѣсколько тысячъ золотомъ.

Когда его опустили въ могилу и онъ прибылъ на тотъ свѣтъ, начались обычныя формальности съ опросами, съ записями въ разныя книги; все справлялись, свѣрялись, мучили его цѣлый день.

Тамъ тоже есть свои канцеляріи, участки и адресные столы.

Насилу дождался онъ вечера. Проголодался, какъ волкъ, а пить такъ хочется, что вотъ-вотъ сгоритъ отъ жажды. Пересохло въ горлѣ, во рту языкъ липнетъ къ небу.

«Пропаду я», — думаетъ онъ.

Вдругъ видитъ — буфетъ, уставленный явствами, питіями, — точь въ точь, какъ на вокзалѣ боль-

шой, хорошей станціи. Все есть — и закуски, и напитки. Даже жарится что-то на машинкѣ.

— Вотъ, — говоритъ онъ самому себѣ: — могу похвалиться. Какъ я угадалъ хорошо, что здѣсь все, какъ у насъ. И какъ хорошо я сдѣлалъ, что взялъ съ собой денегъ. Теперь напьюсь и наѣмся.

Съ радостью нащупалъ онъ мѣшочекъ съ золотомъ и подходитъ къ буфету.

— Сколько стоитъ? — робко спрашиваетъ онъ, указывая на сардинки.

— Копейку, — отвѣчаетъ ему буфетчикъ.

«Дешево, — думаетъ богачъ. — Не можетъ быть, — дай спрошу еще».

— А это? — спрашиваетъ онъ, показывая пальцемъ на вкусные, горячіе пирожки.

— Тоже копейку, — отвѣтилъ буфетчикъ и улыбнулся.

Ему показалось забавнымъ удивленіе богача.

— Въ такомъ случаѣ, — заторопилъ его богачъ, — прошу васъ, отложите мнѣ въ тарелочку десятокъ сардинокъ, пять пирожковъ... И, пожалуй, еще...

Онъ жадно зарыскалъ глазами по вкуснымъ блюдамъ, спѣшно выбирая между ними, какое бы еще отложить.

Буфетчикъ слушалъ его, но не торопился.

— У насъ деньги впередъ, — сухо заявилъ онъ.

— Деньги? Съ удовольствіемъ.

И богачъ вынулъ золотую монету въ 5 руб.

— Вотъ!

Повертѣлъ, повертѣлъ буфетчикъ монету въ рукахъ.

— Нѣтъ, — говоритъ онъ, — это не та копейка.

И отдалъ назадъ ему деньги.

Буфетчикъ сдѣлалъ знакъ служителямъ, и два огромныхъ человѣка отвели богача въ сторону.

Грустно сдѣлалось ему и обидно.

«Вотъ горе!—думаетъ онъ.—Что-жъ они, только копейками берутъ?! Чудо! Придется намѣнять».

Не помня себя, бѣжитъ онъ къ своимъ сыновьямъ и во снѣ передаетъ имъ:

— Возьмите назадъ себѣ золото ваше. Оно не нужно мнѣ. А вмѣсто него положите мѣшочекъ съ копейками. Иначе я пропаду.

Испуганные сыновья на завтра-же сдѣлали, какъ отецъ велѣлъ, вынули изъ гроба мѣшочекъ съ золотомъ и положили мѣшочекъ съ копейками.

— Есть! — кричитъ торжествуя богачъ и подбѣгаетъ къ буфетчику. — Давайте скорѣе кушать, я страшно голоденъ.

— У насъ деньги впередъ! — такъ же сухо, какъ и раньше, отрѣзалъ буфетчикъ.

— Извольте, извольте! — тычетъ ему богачъ цѣлой пригоршней новенькихъ звонкихъ копеекъ. — Пожалуйста, только скорѣе!

Посмотрѣлъ на эти деньги буфетчикъ и усмѣхнулся.

— Я вижу, вы мало учились тамъ, на землѣ. Мы принимаемъ не тѣ копейки, что у васъ въ рукѣ, а тѣ, которыя вы въ чужую руку клали. Припомните, можетъ быть, вы когда-нибудь давали нищему, помогали бѣдному?

Опустилъ глаза богачъ и задумался. Онъ никогда не помогалъ бѣдному и никогда не давалъ милостыни.

Два огромныхъ служителя отвели богача въ сторону...

СТАРУШКА-СКАЗОЧНИЦА.

Недалеко отъ Ясной-Поляны жила старая старушка Анисья. Она часто навѣщала Льва Николаевича и проводила съ нимъ долгіе вечера, разсказывая ему многое о сѣдой старинѣ и передавая разныя деревенскія сказанія. У нея былъ дивный даръ слова, и Левъ Николаевичъ бывало съ замираніемъ сердца слушаетъ ея разсказы.

Прихожу я разъ ко Л. Н. и застаю его въ кабинетѣ полулежащимъ на диванѣ и выслушивающимъ тихую, журчащую рѣчь Анисьи.

Она сидѣла у самаго изголовья Л. Н. на стульчикѣ и слегка наклонившись, казалось, говорила ему надъ самымъ ухомъ.

Сухой, морщинистый подбородокъ она подперла костлявой рукой и, шамкая, какъ бы жуя, сыпала одно за другимъ свои круглыя отточенныя слова, блиставшія поразительною мѣткостью и благоухавшія сочной свѣжестью чистой народной рѣчи.

— ... И вотъ, оно стало такъ! — тихо сказала она,

заканчивая разсказъ и протяжно вздохнула. — И не высучиться людямъ изъ этой доли... И никакая пряха не пособитъ. Хлѣбъ не будетъ родить.

— Хорошо! — восторгался Л. Н.

— Хороша, да мало, — внучекъ мой говоритъ. Ухожу это я, а онъ за мной пятки такъ и рубя... Баушка! — кричитъ, — добавь сказочки... Хороша, да мало!...

И смѣясь мелкимъ умнымъ смѣхомъ, старушечка встала и простилась со Львомъ Николаевичемъ.

— Не обезсудь меня, глупую, коли по бабьему разуму и лишнее сказала. Ты перетри на сердцѣ своемъ и шелуху то откинь, а изъ мучицы дѣло сдѣлай... И ладно буде...

Левъ Николаевичъ всталъ и, растроганный, съ сіяющими глазами, провожая старушку, сказалъ:

— Мастерица ты, Анисья. Спасибо тебѣ, ты учишь меня по-русски и говорить и по-русски думать.

— Ахъ, какую легенду она мнѣ сегодня разсказала, — говорилъ Л. Н., возвратившись, — изваянную, сильную!...

— Я боюсь пересказомъ умалить несравненную красоту великолѣпной; мысли, вложенной въ эту глубокую повѣсть о бѣдствіяхъ жизни.

Жили люди раньше въ сытости, довольствѣ. Хлѣбъ на поляхъ не сѣяли, не жали, а прямо охапками брали и изъ каждой охапки намолачивали пуды. Хлѣбъ росъ кустами, по 200—300 колосьевъ, а въ каждомъ колосѣ по 200—300 зеренъ.

Это называлось спориной.

И захотѣлось Богу посмотрѣть, какъ люди живутъ на землѣ. Принялъ онъ образъ нищаго, при-

шелъ въ деревню и сталъ на порогѣ одной избы, просить милостыни у хозяевъ.

Двери были настежь открыты, и видно было, какъ хозяйка, красная и потная, хлопочетъ у печи — блины печетъ. Навалила на загнеткѣ блиновъ цѣлую гору и каждый разъ выливаетъ на горячую сковородку еще новые блинчики, тонущіе въ кипящемъ пузырями маслѣ. Захлопоталась баба и не слышитъ голоса нищаго.

Вдругъ проснулся въ люлькѣ ребенокъ и заплакалъ. Стыдливо, жалобно такъ плачетъ и хочетъ выскочить изъ люльки.

Подбѣжала мать, видитъ — ребенокъ умарался.

Схватила баба изъ-подъ низу два-три еще тепленькихъ блина и вытерла «угваздавшееся» дитя, а грязные комки блиновъ бросила потомъ въ переполненную помоями лоханку.

Закипѣло сердце Господа досадой и болью.

— Такъ они добромъ моимъ владѣютъ, непутевые!...

И выбѣжалъ Господь въ поле. Схватилъ рукой кустъ спорины и говоритъ:

— Вотъ такъ, какъ я сдѣлаю съ этимъ кустомъ, такъ пусть будетъ со всѣмъ хлѣбомъ на всѣхъ поляхъ земли моей!...

И въ гнѣвѣ Своемъ смыкнулъ рукой снизу вверхъ, срывая кучами вѣтки и колосья съ куста.

Въ это время грустно завыла собака.

— Господи! За что жъ Ты меня наказываешь? Вѣдь я съ голоду околѣю...

Сжалился Господь надъ собакой и отвелъ руку. На кустикѣ уцѣлѣлъ только крохотный, тощенькій, средній колосокъ, съ осыпавшимися зернами снизу.

— Это будетъ твоя доля! — молвилъ Господь.

Съ тѣхъ поръ на поляхъ и родится нашъ тощенькій, рѣденькій хлѣбъ, и собачьею долею этой кормятся люди теперь...

„ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ“.

Какъ только пьеса была закончена Львомъ Николаевичемъ и прочитана въ кругу домашнихъ, всѣхъ осѣнила мысль поставить пьесу здѣсь же, въ Ясной Полянѣ, и, не долго думая, молодежь приступила къ сооруженію сцены, кулисъ, докорацій. Разобрали роли, пригласили людей, и знаменитая комедія впервые увидѣла свѣтъ рампы въ старинномъ барскомъ домѣ, гдѣ лѣтомъ проживалъ съ семьей шуринъ Льва Николаевича М. А. Кузьминскій.

Всѣ остались очень довольны, много смѣялись, устраивали оваціи автору, который тутъ же присутствовалъ и самъ усердно апплодировалъ «артистамъ».

Но изъ крестьянъ, которые тоже были на спектаклѣ, не всѣ унесли хорошее настроеніе. Ихъ что-то коробило.

Особенно негодовалъ очень умный, слвооохотливый и толковый плотникъ Петръ изъ деревни Телятинокъ, тотъ самый Петръ, который околачивалъ подмостки, дѣлалъ рамы для декорацій и т. далѣе.

Онъ мнѣ потомъ говорилъ:

— Ну, что хорошаго тутъ? На посмѣяніе только мужиковъ выставили, и больше ничего. И баре гоготали во все горло, когда грязные мужики пришли и говорили о «мокротахъ». Право-же, не умно. Всѣ мы знаемъ, что такое мокроты, и ни одинъ, самый глупый, не собьется на этомъ словѣ. Или взять тогда, когда одинъ изъ мужиковъ жаловался, что землицы нѣтъ: «куренка, говоритъ, некуда выпустить». И тоже смѣхъ и гоготаніе... Хорошій смѣхъ! Имъ легко тутъ сидѣть, сытымъ и одѣтымъ, и чужому горю смѣяться. Тутъ плакать надо, что мы живемъ въ тѣснотѣ и нуждѣ, что все заперто вокругъ насъ и заколочено, всюду запреты, сторожа и собаки, и взаправду, что не только лошадь, но и куренка выпустить некуда. Сейчасъ изловятъ, оштрафуютъ, и по-

томъ будешь отрабатывать недѣли и дни, какъ это бываетъ здѣсь же у нихъ, на барскомъ дворѣ. А они гоготать?! Я глядѣлъ на это и сердце мнѣ, какъ ножемъ, рѣзало и думалъ: не хорошо!

Не только по евангелію, но и по простому человѣчеству такъ не выходитъ.

Опять же и самая удача на счетъ земли, что произошла мужикамъ: тоже это не хорошо. Дѣвка обманомъ и впотьмахъ устроила такъ, что полуумный баринъ взялъ да подписалъ бумагу объ арендѣ. Нѣтъ, такъ мы не желаемъ. Не въ потемкахъ и не обманомъ пахарь землю долженъ получить, а при свѣтѣ Божьемъ и по правдѣ. Мы жилы тянемъ изъ себя, кости гнемъ въ дугу и потомъ землю обливаемъ и любимъ ее и ждемъ, чтобы она наша была, какъ въ евангеліи говорится: блаженны кроткіе, ибо

они унаслѣдуютъ землю. Мы кротки и ждемъ земли, но не обманомъ и хитростями, а по прямотѣ.

А тамъ, въ представленіи оно выходитъ не такъ, и это тоже во-какъ дергало душу.

Они-же «хи-хи-хи» и «хе-хе-хе». И самъ графъ плескъ-плескъ-плескъ... въ ладоши хлопалъ. Человѣкъ онъ большихъ истинъ и въ писаніи до многаго дошелъ, а тутъ неспапашился и отъ истины повернулъ. И не хорошо! право, не хорошо!

Оно точно, всѣ смѣялись и причудамъ баръ, и весело было, когда этотъ, какъ его, вислоухій, съ длинной шеей, что вертится все, какъ черенокъ на ломаной шинѣ, и все спрашиваетъ: а, что. Когда онъ юлилъ, всѣ, правда, смѣялись, но смѣялись такъ, какъ смѣются своему, безъ иголокъ и репьевъ въ голосѣ. А когда объ мужикѣ сказали, что онъ чистъ, какъ стеклышко, то у всѣхъ изъ груди залпомъ вырвался смѣхъ и затахтали всѣ съ колючками и шпильками въ глазахъ и на языкѣ... Гдѣ ему, молъ, какъ стеклышко!? Отъ него за версту несетъ.

Ха-ха-ха!

Вотъ что больно. И вышло, что просвѣщенныхъ осмѣять хотѣли, а посмѣшищемъ сдѣлались мы. Развѣ мы заслужили это?

И созвали еще насъ: на-те, молъ, глядите и любуйтесь, какъ насъ окатываютъ изъ лоханокъ при всемъ честномъ народѣ.

Повѣрите, вотъ уже мѣсяцъ, какъ это дѣло было, а въ душѣ и до сихъ поръ словно полымя ворочается и жжетъ и жжетъ...

Когда Левъ Николаевичъ узналъ объ этой критикѣ, онъ добродушно усмѣхнулся:

— А что вы думаете? Пожалуй, его правда. Я и

самъ чувствовалъ, что въ этой вещи есть много неладнаго. Но я никогда, впрочемъ, ей большого значенія и не придавалъ. Я написалъ ее играючись, полушутя, полусерьезно, и очень можетъ быть, что подъ вліяніемъ такого настроенія и не замѣтилъ того, что такъ рѣзко бросается въ глаза Петру.

«Первый Винокуръ» болѣе правдивая вещь и успѣхамъ ея я былъ бы болѣе радъ, чѣмъ успѣхамъ «Плодовъ просвѣщенія». Вообще я вижу, что мои писанія для интеллигенціи, или для общества, какъ это иначе еще называютъ, — это мой старый, старый грѣхъ, отъ котораго всѣми силами рвусь отстать, но, какъ заядлый курильщикъ, хотя и далъ себѣ зарокъ, а нѣтъ-нѣтъ да и хватишь затяжку. Такая же «затяжка» и эта вещица. Такъ, мелочь. Знаете, какъ иногда у того же Петра на верстакѣ стружка закружится и какъ будто колесо выходитъ. Не колесо, а игрушка. Но замѣчанія Петра серьезны, и я всегда цѣню его умъ и прямоту.

КАКЪ СОЗДАВАЛАСЬ „ВЛАСТЬ ТЬМЫ“.

Приходитъ ко мнѣ въ Ясную старикъ.

Слезливый, шамкающій, съ свисающей нижней губой. Сталъ, оперся о клюку и ищетъ глазами.

— Должно-иго, сюда попалъ... Ублаготвори иго, милый человѣкъ. У графа былъ сейчасъ. Къ тебѣ послали-иго. На счетъ сынка-то дѣльце. То-ись и говорить-то-иго много, и слышать-иго мало. Такъ-то-иго!... — и замолчалъ.

— Все-таки, въ чемъ же дѣло?

— А непутевый. Вотъ и все. Въ волость пойти, чтобъ выпороть, не пристало-иго. Не такой я души. Щунялъ, щунялъ, всѣ слова-иго выкачалъ, а онъ, что твоя стѣна. Стоитъ и упирается...

— Не слушаетъ?

— То-то и оно-то-иго... Марина-то дѣвка хороша и изъ нашей деревни. А обиду-иго ей большую причинилъ. Въ Козловѣ служитъ мой-то на станціи, въ ремонтерахъ. А Марина-то кухарила. Ну, и было-ли

что межъ ними, нѣтъ-ли, — должно быть, было, — а только, что Марина брюхатая въ деревню пришла. Никифоръ-то мой жениться обѣщалъ ей. Ей родить скоро, а онъ нейдетъ. Вотъ про что толкъ-то...

— Ну, и что-жъ?

— А то, что дѣвку въ ригѣ съ перемету сняли. Въ петлѣ-иго была. Отходили. Я и былъ у него, щунялъ. «Женись», говорю, а онъ и ухомъ не ведетъ. Къ графу звалъ, — идти не хочетъ, хошь на арканѣ веди. «Никиша», говорю, «грѣхъ!» А онъ бѣльмы лупитъ и цѣдитъ сквозь зубы: «Грѣхъ-то въ мѣхъ», говоритъ, «да и объ уголъ»... И слушать-то задорно! Вотъ я и къ графу ходилъ-то, а онъ къ тебѣ послалъ...

Въ тотъ же вечеръ мы поѣхали со Львомъ Николаевичемъ въ Козловку.

— Какъ вамъ нравится этотъ старикъ? — заговорилъ дорогой Л. Н. — Эти добавленія, это лишнее «иго» въ немъ такъ мило, оно говоритъ о чемъ-то недоконченномъ, недовыясненномъ... И это всегда лучше въ человѣкѣ, чѣмъ эта граненная ясность и наша интеллигентская отмѣренность въ рѣчи. Я зналъ еще одного такого же старичка, изъ Мясоѣдова, — онъ родственникъ той старушки, что приходитъ ко мнѣ сказки разсказывать, вы ее видѣли? Этотъ старичекъ тоже съ добавками говоритъ и все «тае, тае»... Мило это такъ и даже красиво въ немъ. И тоже богобоязненный, мягкій. Онъ одно время въ Тулѣ золотаремъ былъ и такъ хорошо разсказывалъ объ этомъ, не смущаясь и безъ пренебреженія. Трудъ все скрашиваетъ. Вотъ кто исполняетъ Буддово: «любите красоту вѣчную». Надо возвыситься до этого. А трудъ, это — тотъ лифтъ, который поднимаетъ

насъ на эту высоту. Мы ищемъ сюжетовъ, мы избороздили и растворили въ порошокъ всю барскую жизнь со всѣми крохотными мелочами... И всегда это, я и на себѣ чувствовалъ, и на другихъ пишущихъ вижу, такъ пустовато, такъ коротко. Чувствуешь, что растягиваешь тему, вылизываешь, какъ говорятъ нѣкоторые, сюжетъ, потому что сама жизнь это — мало, и дѣла, и волненія, и всѣ эти переживанія людей этого круга такъ ничтожны, неестественны, что надо большое усиліе «творчества» (Л. Н. улыбнулся при этомъ словѣ), чтобы создать что-нибудь похожее на жизнь, создать иллюзію дѣлъ, волненій и переживаній. А здѣсь, попробуйте все это охватить!... Дубъ огромный... Я это лѣто ничего не пишу *), очень въ работу втянулся съ вами, но чувствую, какъ что-то такое откладывается въ душѣ, и тамъ накопляется желаніе писать. Только не для интеллигентовъ, нѣтъ, я думаю, что уже съ ними переговорилъ все. Буду изъ народной жизни и для народа писать. Вотъ аудиторія!

Прошелъ мѣсяцъ. Прихожу я ко Л. Н.

— А вы знаете, — говоритъ онъ, — былъ у меня старикъ тотъ, отецъ парня Никифора. Налаживается свадьба. Онъ такъ радъ. Привелъ и старуху свою. Вотъ языкъ-то!—какъ-та, что на краю деревни, Надёга Зубастая, Константина жена. «Я», — говоритъ она, — «подъ землей на аршинъ вижу, всѣ 77 увертокъ знаю». И старика честила, какъ та Константина: «и праличъ тебя расшиби, и арестантъ, и колодникъ, и требухъ твой лопни»... Она не хочетъ, чтобъ сынъ женился на Маринѣ.

*) Это было въ 1886 г.

А старикъ смѣется: «Егоза», говоритъ, «егозой и помретъ». Удивительный старикъ!

— Да! — вспомнилъ что-то Л. Н. — заѣзжалъ къ намъ на-дняхъ Давыдовъ изъ Тулы, разсказалъ потрясающій случай изъ судебной практики, какъ крестьянинъ задавилъ своего ребенка, прижитаго съ любовницей. Ужасъ! Я когда-нибудь вамъ подробнѣе передамъ... Тоже драма!...

Пролетѣло лѣто, Левъ Николаевичъ заболѣлъ, часто стоналъ, былъ въ жару; долго промучился и, несмотря на лѣченіе московскихъ и тульскихъ врачей, сталъ поправляться.

Я зашелъ ко Льву Николаевичу.

Онъ казался обновленнымъ, съ печатью духовной свѣжести на лицѣ. Предъ нимъ доска, косо укрѣпленная въ видѣ парты съ задоргой, т. е. съ планочкой, прибитой къ кромкѣ и задерживающей все, что

на доскѣ (оттого и «задоргой» называется). Сбоку столикъ съ чернильницей и листиками исписанной бумаги, а чистая бумага лежала на доскѣ.

— Не удержался, — улыбнулся мнѣ Л. Н. — пишу одну вещь. Вы тамъ встрѣтите знакомыхъ. Помните парня въ Козловкѣ? Драма драмой и выйдетъ. Не знаю, какъ удастся; но прямо упиваюсь, оторваться не могу. Кажется, грѣшу.

— Безъ заглавія пока? — спросилъ я.

— Будетъ и заглавіе. Ходъ пьесы и заглавіе подскажетъ. А лица я называю тѣми же именами, съ кого списываю. Вотъ видите, тутъ наши знакомые: Надежда, Никифоръ, Марина. Такъ легче ихъ рисовать; я всегда ихъ имѣю предъ глазами и могу легко вообразить себѣ, какъ они будутъ говорить и поступать въ томъ или другомъ положеніи. Потомъ,

разумѣется, я все это передѣлаю и дамъ имъ другія имена. Скажу вамъ, что выходитъ что-то большое, захватывающее, меня, по крайней мѣрѣ.

Странное ощущеніе. Большую драму я впервые пишу и чувствую далеко не то, что обыкновенно говорятъ объ этомъ. Я не пишу, не описываю, не рисую, а—какъ бы это выразиться поближе?—высѣкаю. Это работа рѣзцомъ. Если романистъ — живописецъ, то драматургъ — скульпторъ. У него нѣтъ этихъ свѣтотѣней, этихъ переходныхъ стадій; у него готовые моменты, у него рельефы, и мнѣ кажется, что нѣтъ ничего скучнѣе въ пьесѣ, какъ это назрѣваніе событій на глазахъ у зрителя. Событія эти должны уже созрѣть за сценой, выходить готовыми и въ борьбѣ, въ столкновеніи съ другими событіями развивать драму. Это потрясаетъ. Это интересно, это роднитъ съ сюжетомъ и съ тѣмъ, кто этотъ сюжетъ обрабатываетъ. Да... Вотъ я говорю вамъ это и говорю себѣ такъ, но это не значитъ, что я такъ и буду работать. Событія и лица, переплетаясь, когда они выступаютъ на бумагу, тобой владѣютъ, а не ты ими. Все равно, какъ карета съ горы спускается. Тутъ уже не ты лошадьми, а онѣ тобою правятъ. А когда въ гору ѣхалъ, легко можно было и поворотить, и остановить, и что угодно. Чувствую, напр., что монологи не хороши, что въ жизни такъ не бываетъ, а вылетаютъ все-таки, летятъ съ горы...

Черезъ недѣлю были готовы еще два дѣйствія, и спустя нѣсколько дней послѣ этого, когда я пришелъ, Н. Н. Ге встрѣчаетъ меня и благоговѣйно, полушепотомъ разсказываетъ:

— Вхожу это я сегодня къ нему, тихо подкрал-

ся, думалъ, спитъ, не помѣшать бы, а онъ открылъ глаза и указалъ на писанье.

— Только-что кончилъ! — и притянулъ меня къ себѣ.

— Такъ хорошо-о! — говоритъ. — Онъ покаялся... И легко, и ему, и мнѣ...

Такъ была создана «Власть тьмы».

ПЕДАГОГИ.

Когда у насъ въ яснополянской школѣ шли занятія, за порядкомъ и тишиной слѣдили сами ученики.

— Посмѣй только! — бывало пригрозятъ они какому-нибудь шалуну, и тотъ всей чуткой душой своей чувствовалъ не строгость угрозы, а строгость требованія, чтобъ было тихо. Онъ видѣлъ, что товарищамъ нужна тишина, и быстро покорялся, самъ сливаясь съ царившимъ въ классѣ напряженнымъ вниманіемъ.

Вотъ читаемъ мы разъ послѣ обѣда «Власа» Некрасова (это было въ 1885 г.).

Дѣтки горятъ, глазенки ихъ искрятся радостнымъ постигновеніемъ особаго міра новой красоты и ушки жадно ловятъ звуки дивной сказки жизни. Что то будетъ съ грѣшнымъ Власомъ?

— ... «Но поможешь ли тому, кто снималъ рубашку съ пахаря, кралъ у нищаго суму?!»—грозно разносится по школѣ, и дѣти замираютъ въ ожиданіи. Не дышутъ.

Вдругъ дерзко распахнулась широкая, старая дверь и шумно со смѣхомъ и гиканьемъ ввалились дѣти Льва Николаевича и племянникъ его.

Они тоже слушать пришли, но опоздали.

Сыновья Льва Николаевича (Андрюша и Миша), смутившись, робко заняли мѣста свои и притихли, а Миша — племянникъ, шумливый, балованный мальчикъ, пустился вскачь по классу и, подбѣжавъ къ послѣдней партѣ, взобрался одному мальчику на плечи и сталъ теребить его за ухо.

Тотъ взревѣлъ.

— Отстань ты, ради Бога! Что ты окарячилъ меня?...

Въ другое время въ классѣ поднялся бы хохотъ, и шаловливая выходка Миши нашла ба подражателей, но теперь всѣ съ недоумѣніемъ оборачивались назадъ и сердито поглядывали на дерзкаго Мишу, мѣшающаго слушать.

Я началъ читать и нѣсколько громче, чѣмъ обыкновенно, чтобы привлечь вниманіе Миши и заинтересовать его.

Но Миша слѣзъ съ плечъ мальчика и влѣзъ на парту, притопывая ногами и хихикая тоненькимъ визгливымъ смѣхомъ, непріятно рѣзавшимъ слухъ. Его забавляло то, что всѣ на него смотрятъ и что онъ теперь выдающійся человѣкъ.

— Ну да будетъ тебѣ, Миша, — стали его упрашивать многіе. — Дай сказку дослушать.

— Ужъ и хорошо-то, однова дыхнуть! — соблазняли его нѣкоторые. — Вотъ послушай!...

Но Миша не слушалъ.

— И ха-ха-ха! И хи-хи-хи!...

И хлопаетъ ладонями въ бедро, и свиститъ, и вертится.

— Мочи нѣтъ! — стонутъ нѣкоторые. — Что намъ дѣлать съ нимъ, Исай Борисычъ?

— Подождемъ, можетъ угомонится.

— Гдѣ тутъ, — стали возражать мнѣ, — онъ бѣшенный, онъ до вторыхъ пѣтуховъ будетъ такъ егозить. Его укоротить надо. Ваня, возьмись-ка за него!

Ваня былъ шустрый, коренастый мальчикъ, съ широкимъ, веснусчатымъ лицомъ, сынъ сапожника изъ дворовыхъ, толковый, умный и способный ученикъ. Недурно писалъ сочиненія и пользовался всеобщей любовью въ классѣ.

Онъ молча выбѣжалъ въ дверь и скоро вернулся, неся что-то въ рукѣ желѣзное.

— Исай Борисычъ, — сказалъ онъ мнѣ, — мы его въ пульку отнесемъ. Можно? А этой собачкой запремъ.

Онъ показалъ замокъ въ рукѣ.

— Запремъ, запремъ!... — заголосили всѣ. — Бери его, Ваня!

И бросились къ Мишѣ.

Десять-двѣнадцать бодрыхъ рученокъ подхватили его, какъ перышко, вынесли его въ сѣни, а оттуда ко мнѣ въ комнату.

— Небось, не попортитъ ничего тамъ, — утѣшали меня ученики. — Постели все равно нѣтъ, не разбросаетъ. А голую скамью не угрызетъ.

И заперли дверь на замокъ.

Подошелъ на эту сцену Левъ Николаевичъ.

— Что здѣсь такое? — и удивляясь, и смѣясь, спросилъ онъ.

— Арестантъ! — шутили ученики, показывая на замокъ.

Миша, все время смѣявшійся и даже посвистывавшій за дверью, когда услыхалъ голосъ Льва Николаевича, заплакалъ и жалобно завопилъ:

— Дядя Лева, отопри!

— Не моя воля, — отвѣтилъ Л. Н., которому уже успѣли разсказать, въ чемъ дѣло.

— А ты повинись, обѣщай имъ, что мѣшать не будешь и тихо посидишь.

— Обѣщаю! — тоненько протянулъ за дверью Миша.

Всѣ разсмѣялись и сняли замокъ.

Миша вышелъ съ заплаканнымъ лицомъ, грустный и съ выпачканными сажей руками.

— Я черезъ трубу хотѣлъ удрать, — признался

онъ, — и полѣзъ въ печь, да страшно стало, ужъ очень темно въ трубѣ.

Развеселились ученики.

— Ухо малый! То-то бы эѳіопомъ вылѣзъ изъ трубы!..

Другіе подхватили изъ «Власа»:

— «Эѳіопы видомъ черные и какъ угліе глаза...;

И всѣ опять усѣлись по мѣстамъ.

«Власъ» былъ не только прослушанъ до конца, но наиболѣе сильныя четверостишія были тутъ же разучены, а на завтра ученики обѣщали знать «всю».

Обѣщалъ выучить и Миша.

Помню, Левъ Николаевичъ сказалъ тогда:

— Не хорошо, конечно, что они наказали, но хорошо то, что они сами наказали. Они выросли въ этомъ поступкѣ и чувствуютъ себя большими и умѣ-

ющими дѣлать большое дѣло людьми. И дѣлать его сообща, при свѣтѣ обсужденія и согласія.

Мало того, этотъ способъ довѣрія къ разуму и справедливости самихъ учениковъ несомнѣнно воспитываетъ въ нихъ и разумъ, и справедливость.

Какъ это и бываетъ со взрослыми людьми.

Вся ошибка нашихъ изумительныхъ педагоговъ въ томъ и заключается, что они, не зная души человѣка, думаютъ, будто ребенокъ это что-то другое, и позволяютъ себѣ грубые опыты надъ нимъ и пускаютъ въ ходъ чисто вивисекторскія издѣвательства надъ мягкой, дѣтской душой.

— Помилуйте, они дѣти еще, ихъ надо обуздать! — И создаются цѣлыя системы непріятной и нелѣпой опеки, лишающей ребенка лучшаго блага въ жизни—самостоятельности и свободы. Эти твердолобые, бронепалубные педагоги (Боже, какъ я не люблю ихъ!) воздвигаютъ лѣса теорій и не даютъ своимъ мученикамъ-дѣтямъ шагу ступить. Держатъ на возжахъ и дергаютъ до одури, измаривая ихъ безконечными подозрѣніями и надоѣдливой указкой. Они обижаютъ ихъ въ самомъ святомъ чувствѣ души человѣка, въ полномочіи собственной честности. Гнусная, инквизиторская манера, сѣющая дряблость и рыхлодушіе и пріучающая дѣтей къ чужой ручкѣ и унизительному духовному прихлебательству.

И дѣти это чувствуютъ и мстятъ своимъ притѣснителямъ неугасимой ненавистью на всю жизнь и вмѣстѣ съ притѣснителями ненавидятъ и науку, исходящую отъ этихъ притѣснителей.

А мундирные, въ шорахъ, педагоги продолжаютъ трусить старой рысцой по старой дорожкѣ, и по-

пробуйте ихъ свернуть съ пути! Это самые неубѣдимые люди.

Скорѣе можно вотъ эту гору перенести съ мѣста на мѣсто (Л. Н. указалъ на виднѣвшійся за деревней величественный кряжъ), засѣку руками выкорчевать, Волгу отвести по другому руслу, чѣмъ уговорить педагоговъ.

Недаромъ защитники ихъ вычеркиваютъ изъ списка присяжныхъ засѣдателей.

Они знаютъ, что сердце педагога заросло терніями и репьями недовѣрія къ чужой душѣ и что оно никогда не проститъ грѣха другому.

Напротивъ, съ злораднымъ шипѣніемъ оно будетъ требовать:

Распни его!...

Господи, въ чьихъ рукахъ наши растущія души!...

ДВА СТАРИКА;

Левъ Николаевичъ возвратился съ прогулки грустный, грустный.

— Необыкновенную встрѣчу имѣлъ я сегодня,— сказалъ онъ. — Я далеко ходилъ и вышелъ на шоссе у границы. Только я завернулъ къ засѣкѣ, вижу въ новенькихъ, не нашего уѣзда поддевкахъ изъ коричневаго сукна идутъ два легонькихъ старичка съ палочками. Идутъ, калякаютъ и палочками нѣтъ-нѣтъ да и отгонятъ къ сторонѣ выбившійся изъ шоссе камешекъ. Поровнялись мы съ ними, поздоровались.

— А не знаешь-ли, землякъ, — спрашиваютъ они, — гдѣ тутъ у васъ сказочникъ живетъ? Левъ имя его, и сказки его въ городѣ печатаютъ и въ книжкахъ развозятъ по деревнямъ. Тутъ гдѣ-то близко, должно быть.

Мнѣ въ нихъ что-то страшно понравилось, и я рѣшилъ не выдавать себя сразу.

— Слыхалъ, — говорю я, — есть такой. Только

дома сейчасъ не застанете, гулять пошелъ. Вотъ рощица, тамъ домъ его. А вы сами не дальніе будете?

— Изъ-подъ Одоева, родимый, краснинскіе сами, — отвѣтилъ стоявшій ближе ко мнѣ. — обмолотились, слава Царю Царствующихъ, уродило нынѣшній годъ лучше лѣтошняго; привезли съ мельницы первенькой мучицы, бабы лепешекъ напекли, а мы въ дорогу собрались. Со Львомъ повидаться охота. Мы и сами сказочники, только на словахъ все складываемъ и внукамъ передаемъ. Иногда и взрослый послушаетъ. Занятныя бываютъ сказки, изъ старины все складываемъ, богатырей вспоминаемъ, заступниковъ нашихъ славимъ. Нѣтъ теперь такихъ-то, сиротливые мы, и маемся оттого на свѣтѣ. А было когда...

И онъ вдругъ запѣлъ:

Илья-я на-ашъ бо-о-гатырь-то Му-у-ро-ме-е-цъ
Собирался въ сто-ольный Кеевъ градъ
Ко Владеміру....

Такъ это было неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ шло къ пѣвучести его прежнихъ словъ, такъ мило звучалъ его старческій, но съ слѣдами бодрой свѣжести задушевный, слегка дрожащій и оттого очень трогающій голосъ, и такъ новъ былъ для меня самый напѣвъ былины, — я никогда не слыхалъ этого...

Я стоялъ умиленный и обрадованный и говорилъ:

— Пойдемте, я провожу васъ до самаго мѣста... туда...

Мнѣ такъ хотѣлось угостить ихъ, принять, обласкать... И такъ хотѣлось, чтобы и вы всѣ послушали ихъ,

— Къ сказочнику-то?

— Да, говорю, къ сказочнику. Да это онъ самый передъ вами и есть.

— Ну? — изумились они. — Похоже. Лицо-то у тебя маятное, скорбишь много, есть свѣтлыя прогалки. Дай-же облобызать тебя, Левъ!

Это говорилъ тотъ, который пѣлъ, и онъ, обнявъ меня за голову, прильнулъ губами ко лбу.

Поздоровался и другой старикъ.

— Ужъ хороша очень твоя сказка «Два старика»-то. Недавно читали намъ ее. Ужъ такъ хороша... Всю дорогу и мы, два старичка, идемъ и примѣряемъ къ себѣ, кто изъ насъ Елисѣй, а кто Ефимъ. Я на Семена говорю: ты, Семенъ, Ефимъ, потому больно заботливъ, о всякомъ гвоздикѣ хлопочешь. А онъ смѣется: «Твоя правда», — говоритъ. Вѣрно я говорю, Семенъ? — обратился онъ къ товарищу. 169

Семенъ улыбнулся.

— Да ужъ что говорить. Хлопотливъ я, точно. Прахъ одолѣваетъ временами. Да намъ что отъ тебя дознаться нужно, — ласково взялъ онъ меня за руку. — Должно, у тебя древнія книги есть со сказками, или кто сказываетъ ихъ тебѣ...

— Есть и записи такія, —говорю я, — только я по иному складываю. Вотъ и сказка «Два старика» тоже такъ сложена.

— Хороша! — опять похвалилъ онъ.

Мы подходили уже къ парку и стали поворачивать въ аллею:

— Ишь ты, и прудъ какой хорошій здѣсь!... А это что, парники? А домина-то, глянь. Неужели-же это все твое?

Проѣхала линейка, запряженная парой. Съ купанья компанію везла.

— И это твои? Барчата все!...

Въ это время раздались мѣрные удары колокола, звавшаго на обѣдъ.

Старички стали.

— Нѣтъ, — говоритъ Семенъ, — дальше не пойдемъ. Буде! Повидались и домой повернемъ.

— Что-же такъ? изумился я.

— А то, что плохо тебѣ, мы видимъ. Не въ простотѣ живешь и не все сказать можешь черезъ это.

— Вотъ, вотъ! — подхватилъ тотъ, что пѣлъ, — именно такъ. Какъ о той Правдѣ и Кривдѣ сказываютъ. Ты послушай, — обратился онъ ко мнѣ наставительно.—Въ лютой морозъ встрѣтились въ городѣ Правда и Кривда. Правда-то рябый мужиченко

въ худыхъ лапоточкахъ и дырявомъ зипунишкѣ, а Кривда толстый купчина въ соболяхъ и поярковыхъ валенкахъ. — Пойдемъ, говоритъ, въ трактиръ, посидимъ, покалякаемъ. Вошли. Половой это съ полотенцемъ подъ мышкой такъ и гнется лещинникомъ передъ Кривдой и наставилъ цѣлый столъ яствъ и питій. Попили чай, закусили, погуторили и, не заплативши, собрался Кривда уходить. Уже у самой двери, половой подскочилъ и несмѣло таково говоритъ:

— Разсчетъ-съ, господинъ!...

— Ахъ, да, да! — обернулся Кривда. — Вотъ хорошо, что напомнилъ-то. Вѣдь я-жъ тебѣ далъ четвертной билетъ, гдѣ же сдача?

Половой оторопѣлъ.

— Что вы, господинъ? Вы не давали. И копейки еще не изволили дать...

Поднялъ Кривда крикъ, шумитъ, стучитъ кулаками о стеклянную дверь. Всполошились посѣтители, подбѣжалъ и хозяинъ и набросился на слугу.

Тотъ въ слезы и взмолился:

— Ну, гдѣ же Правда послѣ этого?

А Правда-то стоитъ грустный и говоритъ:

— Правда-то здѣсь, да я тоже чай пилъ съ нимъ. Молчать долженъ.

Вотъ такъ и съ тобой, видно.

И ушли.

— Вѣрите, такимъ колючимъ шипомъ засѣло мнѣ это слово въ сердце... И сейчасъ, когда я слышу это смурыганье стульевъ на-верху и вижу эту бѣготню лакеевъ и буфетныхъ мужиковъ, собирающихъ обѣдъ для господъ, — такъ мучительно тяжело, такъ гнететъ это... Вѣдь я, дѣйствительно, пью чай съ ними. И правъ, правъ тотъ старикъ, что не все могу сказать... Но рвусь всей душой уйти отъ этого, и вѣрю, что это будетъ...

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ.

Зимой 1886 г. мы съ Львомъ Николаевичемъ ос-
тались одни на весь домъ въ Ясной-Полянѣ.

— Вы не боитесь крысъ? спросилъ меня Л. Н.,
потушивъ около своей постели свѣчу на столикѣ и 175
кутаясь въ одѣяло. — Счастливый вы человѣкъ. А
я смертельно боюсь ихъ... И сейчасъ вотъ слышно,
скребется гдѣ-то. Здѣсь ихъ очень много. Въ этой
комнатѣ когда-то склады были, окорока висѣли. Вы,
быть можетъ, днемъ замѣтили крюки въ потолкѣ. Да
и потолокъ самъ сводчатый и окна выше, чѣмъ
нужно.

Я переселился сюда потому, что здѣсь теплѣе. Но
крысы безпокоятъ. Что-то есть въ нихъ символиче-
ски-страшное. Сами по себѣ онѣ какъ будто и ми-
лыя, и чистенькія, но ихъ торопливыя движенія, ихъ
быстрота, ихъ тревога и кажущаяся вмѣстѣ съ тѣмъ
свирѣпость, — все удивительно символизируетъ
грѣхъ и производитъ впечатлѣніе ужаса, — мелкаго,
грызущаго, но все-таки ужаса, отъ котораго страш-
но хочется избавиться.

Особенно памятна мнѣ одна ночь. Это было давно уже, еще въ Севастопольскую войну, когда я тамъ былъ офицеромъ. Артиллерійскій бой къ ночи ожесточился, и наша батарея развернула свои силы во всю ширь. Залпъ за залпомъ такъ и гудѣлъ въ воздухѣ, такъ и ревѣлъ стономъ, посылая вдаль огненныя ленты пылавшихъ снарядовъ. Не молчали и «они». Картечи сыпались вокругъ дождемъ и рвались надъ головами съ оглушительнымъ трескомъ.

Между офицерами установлено было дежурство, и, когда товарищъ пришелъ на смѣну, я спустился внизъ для отдыха въ ложементъ. Это такое вырытое въ валу помѣщеніе, прикрытое сверху блиндажемъ, т. е. толстыми брусьями, съ цѣлой горой земли на нихъ.

Лежу это я, укрывшись, и читаю при свѣтѣ небольшого огарка. Сонъ не идетъ на глаза, да и нельзя спать, — вой орудій слышенъ и сюда, и при каждомъ залпѣ кажется, что вотъ-вотъ обрушатся потолокъ и стѣны. Въ сущности же это только воздухъ сотрясается и, врываясь черезъ дверь, производитъ такое впечатлѣніе. Наблюденіе это меня заинтересовало, и, мало-по-малу, я сталъ успокаиваться; угрѣлся и, чувствуя себя въ безопасности, сталъ вчитываться въ содержаніе книжки. И, представьте, книжка возымѣла свое дѣйствіе. Я не замѣтилъ, какъ я впалъ въ забытье и задремалъ.

Вдругъ слышу, и не ушами только, а пальцами, спиною, всей кожей, кажется, слышу, что онѣ здѣсь. Я не раскрываю глазъ, а, чуть-чуть раздвинувъ вѣки, вижу, что ложементъ освѣщенъ тѣмъ-же огаркомъ, и что на полу, около сумки съ харчами, стоятъ двѣ огромныя крысы.

Мнѣ именно показалось, что онѣ стоятъ, а не копошатся, потому что это было дѣло одного мига, и въ глазу получился моментальный снимокъ, а слѣдовательно, осталось впечатлѣніе неподвижности.

Я тотчасъ закрылъ глаза и сбросилъ книгу, чтобы стукомъ прогнать ихъ,—но я чувствовалъ, что онѣ не ушли.

Я перевернулся съ боку на бокъ. Крысы не уходили. Онѣ сердито грызли что-то, и теперь я ясно слышалъ ихъ возню.

Я не могу сказать, что мнѣ представилось въ это время, будто онѣ подбираются ко мнѣ и начинаютъ грызть мнѣ ноги, спину, голову — это вовсе не было-бъ такъ страшно, потому что я зналъ-бы, наконецъ, что онѣ дѣлаютъ со мной. Томительность ужаса состояла въ томъ, что мнѣ сразу представлялось многое, и одно другого ужаснѣе. Мало того, что я чувствовалъ себя осажденнымъ ими и видѣлъ ихъ явную дерзость, — я испытывалъ какую-то особенную власть ихъ надъ собой, — онѣ отняли у меня руки и ноги и сдѣлали неподвижнымъ. Только волосы, чувствовалъ я, подымаются на головѣ, и кожа взбухаетъ тысячами маленькихъ возвышеній, какъ это бываетъ при холодѣ, когда дрожь охватываетъ вдругъ. Но мысль работала ярко и кругами, каждый разъ возвращаясь къ одному и тому же. Я до того былъ поглощенъ своими ощущеніями и нестерпимымъ страхомъ, пронизавшимъ меня насквозь, что не слышалъ даже воя орудій съ батареи.

И помню, какъ я обрадовался, когда раздался сильный трескъ отъ чего-то (должно быть, разорвалась вблизи картечь),—и этотъ трескъ вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія. Я вспомнилъ о батареѣ, о пальбѣ,

о дежурствѣ и о томъ, что я только что пришелъ оттуда, и мнѣ сдѣлалось такъ жаль и досадно, что еще не пора идти на смѣну. Я бы съ большимъ удовольствіемъ вскочилъ теперь и замѣнилъ-бы кого угодно, — но какъ посмотрятъ товарищи, что сказать имъ? Вѣдь я отъ стыда сгорю, если скажу, что я отъ крысъ убѣжалъ, что я убоялся ихъ.

И я чувствовалъ, какъ въ душѣ моей завозились тоже двѣ крысы, въ видѣ стыда и страха. Онѣ борются между собой, и одна другую хочетъ побороть. Страхъ гонитъ отсюда и поднимаетъ съ мѣста, а стыдъ удерживаетъ и приковываетъ къ ложу. «Лежи, говоритъ, и спи!»

Но я спать не могу. Во мнѣ горитъ все...

А крысы, не тѣ, что въ душѣ, а настоящія, живыя крысы, тѣ, что на полу, слышу, грызутъ и продолжаютъ свою адскую возню.

Я сбросилъ съ себя покрывало, вскочилъ на ноги и вприпрыжку, ступая носками, какъ на высокихъ резиновыхъ ходуляхъ, выскочилъ въ дверь. «Будь, что будетъ, а въ ложементѣ я не могу!»

Небо горѣло отъ рвавшихся снарядовъ, въ воздухѣ было душно отъ пороха, дыма и взрытой снарядами сырой земли. Свистъ и ревъ оглушали, и каждый шагъ грозилъ смертью.

Но на душѣ у меня было легко, какъ будто самая страшная опасность миновала и осталась далеко позади. Да!... Я знаю, знаю, что здѣсь, какъ и въ отношеніяхъ къ людямъ, главная причина та, что нѣтъ любви, — оттого и страхъ, ибо въ любви дѣйствительно нѣтъ страха, — знаю это и чувствую свое несовершенство и работаю съ усиліями надъ собой...

ПАЛКИНЪ.

Раненькой весной 1886 г. на Ѳоминой недѣлѣ въ
монументальныя ворота яснополянскаго парка входили два странника, въ лаптяхъ и съ котомками на 181
спинахъ.

Оба бодрые, оба веселые, съ загорѣлыми отъ солнца и вѣтра лицами, дышавшими откровенностью и радостнымъ сознаніемъ хорошо исполненной работы..

Одинъ изъ этихъ странниковъ былъ Левъ Николаевичъ, а другой — молодой Ге.

Шесть дней тому назадъ они вышли изъ Москвы и по большой кіевской дорогѣ сдѣлали за эти дни 200 верстъ.

Левъ Николаевичъ былъ безконечно радъ этому путешествію и дома, разоблачаясь, наскоро дѣлился впечатлѣніями дороги.

— Такъ хорошо, такъ хорошо, — говорилъ онъ, — какъ никогда не испытывалъ. Въ этой тратѣ силъ и трудности пути есть что-то приближающее къ

огромному, властному. И то, что народъ кругомъ, и ты — такой же, какъ они, — спишь, ѣшь, говоришь съ ними, — это еще болѣе даетъ чувствовать это властное и огромное, которое видно, какъ въ окошечкѣ, въ каждомъ изъ этихъ простыхъ людей. Оттого-то общеніе съ ними такъ радостно и поучительно. Ахъ, какой хорошій разсказъ я слышалъ о Николаѣ Палкинѣ. Столѣтній, шамкающій, милый старичокъ, лежа на печи со мной въ деревнѣ подъ Серпуховымъ, съ такою художественною яркостью передалъ ужасы того страшнаго времени, кончикъ котораго и мнѣ пришлось видѣть. Тогда на 50 палокъ и портовъ не снимали, — разсказывалъ мнѣ старичокъ. Недѣли не проходило, чтобы не забивали на смерть человѣка-двухъ изъ полка. Бывало, только и слышишь: палка, палка!... И сыпали 200,
182 300 и больше!... Да.

Если Богъ приведетъ, я изложу это въ доступной формѣ, хотя страшно боюсь сбиться здѣсь на старую манеру писанья и для интеллигентской публики.

Сколько разъ я говорилъ себѣ: — это будетъ мое послѣднее писаніе для общества, потому что пора же наконецъ намъ, пишущимъ, понять, кто, главнымъ образомъ, нуждается въ нашей работѣ и кто вправѣ требовать отъ насъ ея, — говорилъ и не выдерживалъ. Такъ говорилъ я послѣ «Холстомѣра», «Смерти Ив. Ильича», «Такъ что-жъ намъ дѣлать» и все нѣтъ-нѣтъ да и сверну на привычную тропочку и заговорю не съ тѣмъ, съ кѣмъ надо говорить, и не такъ, какъ надо говорить.

Вотъ мы прошли сейчасъ большое разстояніе и видѣли тысячи людей, говорили съ сотнями, близко

бесѣдовали съ десятками, и пусть скажетъ Коленька (Ге), какъ свободно, ясно и гибко выражали они всѣ свои мысли и обо всемъ, о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, а мы жались, придумывали слова, подражали имъ и вообще чувствовали себя дѣтьми, какъ оно въ дѣйствительности и есть.

Они — наши старшіе, а мы ихъ меньшіе братья.

Это необходимо твердо помнить. И покуда не сдѣлается у насъ эта перетасовка взгляда, эта перемѣна оцѣнки того, кто хозяинъ и кто слуга — жизнь наша не пойдетъ по пути единенія и работы для народа. Мы все въ высокомѣріи своемъ будемъ тянуть ихъ къ себѣ, какъ тотъ сказочный умникъ, который тащитъ корову за рога на крышу мохъ покушать, и, обманывая и обирая народъ, будемъ жить, вырождаясь, и потонемъ въ своей собственной лжи и гадости.

Черезъ три дня былъ готовъ сильный и художественный очеркъ о Николаѣ Палкинѣ. Помню, потомъ, когда этотъ очеркъ былъ отгектографированъ и выпущенъ въ свѣтъ однимъ изъ друзей Л. Н—ча, изданіе было конфисковано, а издатель посаженъ въ тюрьму. Тогда Л. Н., мучимый совѣстью, пришелъ къ жандармскому генералу въ Москвѣ и просилъ его отпустить издателя, а посадить въ тюрьму его, Льва Николаевича, потому что онъ въ этомъ виноватъ, онъ желалъ издать эту вещь.

Генералъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Ваша литературная слава, графъ, такъ широка, что она не можетъ влѣзть въ узкія ворота тюрьмы.

Вскорѣ былъ выпущенъ и издатель.

И. Е. РѢПИНЪ.

Въ одинъ изъ своихъ прiѣздовъ (это было лѣтомъ 1891 года) я засталъ Льва Николаевича на верандѣ за завтракомъ. Мы уже нѣсколько лѣтъ не видались, и мнѣ показалось, что онъ значительно постарѣлъ за это время, посѣдѣлъ и сморщился.

— Не работаемъ безъ васъ, — и извиняясь, и жалуясь, сказалъ Левъ Николаевичъ и съ жаромъ принялся разспрашивать, какъ идутъ дѣла въ той общинѣ, гдѣ я тогда былъ.

У барьера веранды за маленькимъ столикомъ стояла маленькая фигурка маленькаго человѣка, съ черной бородкой и бѣгающими глазами. У него въ рукахъ была коротенькая палочка съ заостреннымъ концомъ, и онъ часто ковырялъ ею въ какомъ-то глиняномъ болванѣ, стоявшемъ на столикѣ, и каждый разъ при этомъ посматривалъ на Льва Николаевича.

— Скульпторъ Гинцбургъ! — отрекомендовалъ Левъ Николаевичъ.

Мы познакомились.

— Вотъ лѣпимъ бюстъ Льва Николаевича!.. — съ очень сложной интонаціей въ голосѣ и съ сдержанной улыбкой на устахъ произнесъ скульпторъ, указывая на свою работу.

Около болванчика лежала большимъ, приплюснутымъ комомъ сырая, замѣшанная, темно-бураго цвѣта глина, отпотѣвшая вокругъ широкимъ мокрымъ кольцомъ, и скульпторъ, отщипнувъ отъ глины кусокъ, быстро свертывалъ его въ катышекъ, разминая между пальцами, и, прицѣлившись глазомъ, прилѣпливалъ катышекъ къ затылку болванчика, нервно обрабатывая вздувавшійся бугорочекъ своей коротенькой, тонкой въ концѣ палочкой, съ которой сыпались на столъ лишніе, срѣзываемые кусочки. Работа дѣлалась спѣшно, вкрадчиво, съ озабоченными, почти испуганными глазами, тревожно перебѣгавшими съ затылка болванчика на затылокъ Льва Николаевича.

Мнѣ сдѣлалось грустно и больно. Такимъ далекимъ, языческимъ культомъ пахнуло на меня отъ этой сцены. «Идолы, — и здѣсь идолы!» — невольно лѣзло въ голову. — «Неужели онъ этого не видитъ?»...

Когда я потомъ сидѣлъ въ кабинетѣ и перелистывалъ книгу, поджидая Льва Николаевича, чтобъ пойти съ нимъ на деревню повидаться со старыми знакомыми, — вижу, вдругъ раскрылась дверь, и на порогѣ показался Левъ Николаевичъ вмѣстѣ еще съ какимъ-то коренастымъ, широкимъ въ кости, господиномъ, съ огромной шевелюрой на головѣ и съ выпятившейся немного впередъ узкой, клиновидной бородкой.

— Рѣпинъ! — быстро пожалъ мнѣ господинъ руку. — Позвольте у васъ попросить одинъ сеансъ...

— Для чего?

Тутъ вмѣшался Левъ Николаевичъ.

— Илья Ефимычъ теперь занятъ своей картиной, въ которой будетъ изображенъ Христосъ... Илья Ефимычъ хочетъ съ васъ срисовать...

— Да, знаете, — подхватилъ Рѣпинъ, — я какъ только увидѣлъ васъ сегодня тамъ въ аллеѣ, сейчасъ блеснула мысль...

Помню хорошо свое ощущеніе охватившаго меня ужаса, смѣшаннаго съ негодованіемъ. «Позировать, чтобъ Христа рисовали?!» Эта мысль не рѣзала, а колола и рвала на части мое сердце. И такой кощунственной, унижающей душу мою показалась мнѣ эта мысль...

— Простите, — обратился я къ Рѣпину, — я не могу!... 189

— Одинъ сеансъ.

Но я твердо отказалъ.

Рѣпинъ ушелъ сконфуженный, и мнѣ показалось, что Левъ Николаевичъ тоже обидѣлся, — онъ отвернулся въ это время.

Я хотѣлъ извиниться предъ нимъ и изложить волновавшія меня чувства... Я хотѣлъ ему сказать...

Но Левъ Николаевичъ уже стоялъ лицомъ ко мнѣ, и я замѣтилъ его сіяющій, радостный взоръ.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку.

— Я завидую вамъ! — произнесъ онъ трогательнымъ, звучавшимъ искренностью и теплотой голосомъ. — Вы нашли въ себѣ силы отказать. А я не могу. Повѣрите, — говорилъ онъ мнѣ уже по дорогѣ въ деревню, — они понаѣхали сюда, покою не

даютъ и пристаютъ ко мнѣ съ упорствомъ страсти, мучаютъ и держатъ меня въ заключеніи. Эти позировки, сеансы... вы думаете, я не чувствую, я не сознаю, насколько это гадко, — развѣ я не знаю, что совсѣмъ не этого хочетъ Богъ и совсѣмъ не это нужно людямъ. Кому понадобятся мои портреты и статуэтки и кому отъ этого будетъ лучше и свѣтлѣй на свѣтѣ? Это не двинетъ дѣла истины ни на полшага и вообще съ истиной оно ничего общаго не имѣетъ и нисколько даже не примыкаетъ къ этой области. Всѣ эти затѣи или дѣйствительно близки къ идолопоклонству, или составляютъ совершенно праздное занятіе праздныхъ людей... Но мои домашніе настаиваютъ... Я тутъ пережилъ много мученій также, когда пришлось сниматься для 12-го тома. Я всѣми живыми мѣстами своей души чувствовалъ, что не долженъ дѣлать этого, что, отрекшись отъ литературной собственности, я не долженъ содѣйствовать успѣху изданія тѣмъ, что на первой страницѣ будетъ помѣщено мое лицо, именно потому, что изданіе это жена затѣяла, и всякій тогда вправѣ упрекнуть меня въ низкой непослѣдовательности. Разумѣется, это непослѣдовательно и не только не вяжется логически, но совершенно противорѣчитъ моему чувству, моему искреннему желанію. Но, какъ видите, кончилось тѣмъ, что въ 12-омъ томѣ моя карточка все-таки появилась. Я смирилъ въ себѣ гордаго Льва Николаевича, который выполняетъ все мое существо, какъ древесина стволъ, и сталъ предъ чернымъ глазомъ объектива. Не знаю, насколько это душевное состояніе отразилось на портретѣ, но кажется, что оно должно свѣтиться въ каждой воло-

спинкѣ бороды моей и въ каждой складкѣ лица моего.

Я отдалъ этимъ послѣднюю дань своему старому грѣху семейной привязанности и очень сожалѣю: я вижу, что это далеко не послѣдняя дань.

СЕНАТОРЪ.

Сенаторъ А. М. Кузминскій, шуринъ Л. Н. Толстого, командированъ въ Одессу и Херсонскую губернію для изслѣдованія причинъ кровавыхъ ужасовъ черныхъ октябрьскихъ дней 1905 г.

Трудная это для него работа.

У меня сохранилось объ А. М. такое воспоминаніе.

Это было лѣтомъ 1886 г. въ Ясной Полянѣ.

Левъ Николаевичъ только-что оправился послѣ болѣзни, и мы всѣ сидѣли вечеромъ въ большой столовой, увѣшанной стариными портретами предковъ Толстого.

Говорили, читали что-то (кажется, почту разбирали), — вдругъ дѣвочки, дочери А. М. Кузминскаго, стоявшія на балконѣ, вбѣжали испуганныя и подняли крикъ:

— Деревня горитъ!...

Черезъ открытыя двери балкона дѣйствительно виднѣлось огромное зарево пожара. Но горѣла не

Ясная Поляна, а другая деревня на югѣ-востокѣ отъ нея.

— Это Ясенки! — заволновались всѣ. — Ѣдемъ!...

Хотѣлъ ѣхать и Левъ Николаевичъ, но Софья Андреевна удержала его и просила меня руководить дѣйствіями молодежи на пожарѣ.

— Смотри, какая дружина! — восхищался Левъ Николаевичъ, видя общее оживленіе на засвѣтившихся молодыхъ лицахъ, охваченныхъ свѣжимъ, бодрымъ порывомъ дѣлать и помогать.

Мы бросились въ конюшню.

Старшій сынъ Л. Н., Сергѣй Львовичъ, уже сѣдлалъ въ потьмахъ своего коня Буланаго, — Левъ Львовичъ и еще кое-кто, кажется, Сэронъ — молодой, запрягали плетушку, а кучеръ Михайло закладывалъ для большой публики огромную линейку, на

196 которой могло помѣститься человѣкъ 12.

Дѣло дѣлалось спѣшно, порывисто, и вскорѣ дружина двинулась.

Впереди скакалъ Сергѣй Львовичъ, за нимъ Левъ Львовичъ въ плетушкѣ, а позади линейка съ нами. Здѣсь сидѣли Татьяна Львовна, Марья Львовна, Андрюша и Миша (меньшіе сыновья Л. Н.), еще какія-то дѣвицы и двѣ дочери (Вѣра и Маша) Кузминскаго и, кажется, сынъ Кузминскаго, Миша.

Рядомъ съ своими примостился и самъ Александръ Михайловичъ Кузминскій, бывшій тогда предсѣдателемъ петербургскаго окружнаго суда и проводившій лѣто съ семьей въ Ясной Полянѣ.

Ѣхать пришлось верстъ 9, потому что, какъ оказалось, горѣли не Ясенки, лежащія въ 6 верстахъ отъ Ясной Поляны, а деревня еще дальше — Колпна, тотчасъ же за насыпью желѣзной дороги.

Деревня была объята огнемъ съ обѣихъ сторонъ, и пламя образовало надъ нею гигантскій огненный сводъ съ чернѣющими внѣ огня клубами ѣдкаго дыма.

Насъ встрѣтилъ высокаго роста, толстый и страдавшій одышкой, добрый старшина Парменъ Ермилычъ съ широкой серебряной медалью на груди.

— Затопилася наша Колпна!... вздохнулъ онъ и головой указалъ на бушевавшее море огня.

Мы разсыпались въ стороны и принялись за дѣло.

Мѣстами избы догорали уже, и люди оттаскивали бревна и поливали ихъ водой. Нѣкоторые изъ насъ примкнули къ этой группѣ, и мужчины, уцѣпившись баграми, откатывали бревна, а барышни наши таскали воду ведрами изъ колодца и поливали эти пылавшія бревна.

Въ другомъ мѣстѣ изба еще не занялась, но на крышу падало множество искръ, и солома вотъ-вотъ загорѣлась бы. Надо было стоять на крышѣ и вилами или граблями притушивать падавшія искры и сбрасывать внизъ горящіе клоки соломы, приносимые вѣтромъ.

Наиболѣе ловкіе изъ насъ взобрались на крышу и работали вилами наравнѣ съ крестьянами.

Другіе вытаскивали вещи, дѣтей изъ огня спасали, выводили скотъ...

Перебѣгая отъ одной избы къ другой, я наткнулся на А. М. Кузминскаго, съ растеряннымъ видомъ ходившаго взадъ и впередъ. Онъ выставилъ руки, обтянутыя лайковыми перчатками, и задыхающимся голосомъ, какъ-бы извиняясь въ чемъ-то, нѣсколько разъ повторялъ:

— Чувствуешь свое безсиліе!.. Чувствуешь свое безсиліе!...

И голосъ его звучалъ нотами искренняго огорченія и тяжелаго самоосужденія.

Онъ безнадежно искалъ глазами какого-нибудь дѣла, гдѣ бы и онъ могъ оказаться полезнымъ, и, не найдя его, билъ себя руками по бедрамъ, какъ женщины съ отчаянія бьютъ себя по головѣ.

А въ это время какъ разъ противъ насъ, озаряемый желтокраснымъ свѣтомъ, взбирался по лѣсенкѣ на потолокъ обгорѣвшей избы коренастый съ узенькой бородкой мужчина. У него въ рукахъ была широкая лопата, и, стоя обѣими ногами на краешкѣ верхняго уже обуглившагося вѣнца, онъ сердитыми взмахами лопаты сгребалъ съ потолка цѣлыя миріады искръ и развѣвалъ ихъ вокругъ, какъ вѣютъ
198 хлѣбъ съ вороха, красивымъ фейерверкомъ, въ видѣ широкой падающей дуги.

Онъ спасалъ потолокъ, чтобы отстоять этимъ еще не рухнувшую избу свою.

Его величественная фигура гордо вырисовывалась на огненномъ фонѣ и дышала отвагой и мужествомъ.

Добрый, хорошій А. М. завистливо глядѣлъ на эту картину.

— Вотъ героизмъ! — не выдержалъ онъ и залюбовался...

Помню, когда я потомъ разсказывалъ Льву Николаевичу объ этомъ эпизодѣ, онъ грустно замѣтилъ:

— Бѣдная, жалкая жизнь наша! Какъ это похоже на нее!... Она тоже объята пламенемъ и горитъ со всѣхъ сторонъ. Вмѣсто неба правды и любви, надъ ней — пламенѣющій сводъ изъ огня вражды, пере-

мѣшаннаго съ дымомъ лжи и обмана. Мы задыхаемся и гибнемъ отъ этого; — очаги наши, дѣти наши, добро наше — все пропадаетъ. И мы видимъ это все хорошо, и чувствуемъ, какъ жжетъ насъ огонь, и видимъ страданія другихъ, и слышимъ вопли... Мало того, мы видимъ, какъ люди спасаютъ ихъ, жертвуютъ жизнью своей, бѣгутъ, волнуются, дѣлаютъ... А мы, т. е. умствующая часть людей, обтянувши руки перчаткой бездѣлія, бродимъ по пожарищу, какъ тѣни, и только и дѣлаемъ, что хлопаемъ бездѣльными руками по бедрамъ и по-бабьи причитываемъ, какъ надъ покойникомъ... «Чувствуешь свое безсиліе!... Чувствуешь свое безсиліе!»... Ахъ, какъ это хорошо, какой это прекрасный символъ!... Меня называютъ психологомъ, но, право, я рѣшительно не могу понять душевное состояніе этихъ людей, съ виду добрыхъ и ласковыхъ и даже кающихся; а когда дѣло 199
доходитъ до дѣла, они измышляютъ всевозможные способы, чтобы какъ-нибудь увильнуть отъ того единственнаго дѣла, которое одно только нужно и которое само напрашивается и лѣзетъ на глаза и само тебя тянетъ за руки: берись только и начинай.

Помогай народу выбиться изъ бѣды и туши пожаръ.

Поливай, растаскивай бревна, искры прибивай, съ потолка огонь сгребай, но дѣло дѣлай и весь отдайся служенію и работѣ. И благо тебѣ будетъ. А они? назвали себя руководителями жизни и успокоились.

Руководители!?

Повторилось старое кощунственное смѣшаніе святого названія съ порочной и гадкой дѣйствительностью, всегда не только не отвѣчающей названію,

но съ вѣрностью магнитныхъ полюсовъ всегда занимающей противоположное мѣсто. Какъ въ религіозномъ мірѣ, названіе святой (у папы) и святѣйшій еще у кого-то дано для того, чтобы люди знали напередъ, что именно здѣсь ничего святого нѣтъ. Или наши названія: благородіе, степенство и т. д. — все по тому-же методу кощунственнаго смѣшенія, которое создаетъ нашъ угодливый, рабій умъ — этотъ любимѣйшій пажъ сатаны и вѣрный стражъ его здѣсь на землѣ. Да, милый другъ, наша брань не противъ плоти и крови, но противъ страшнаго обмана, царящаго въ жизни, а угодливый, рабій умъ — это флигель-адъютантъ обмана!...

ВЕГЕТАРІАНСТВО.

Пріѣздъ убѣжденнаго и вѣрующаго позитивиста Фрея внесъ много свѣжести и духовной новизны въ жизнь Ясной-Поляны.

Левъ Николаевичъ впервые (это было въ 1885 г.) услышалъ отъ Фрея проповѣдь вегетаріанской пищи и впервые увидѣлъ человѣка, сознательно отрекшагося отъ всякой убоины.

— Какъ это хорошо! Какъ это хорошо! — восторгался Левъ Николаевичъ. — Но можетъ-ли одна растительная пища быть достаточной для человѣка?

— Достаточно даже однихъ пшеничныхъ зеренъ, — отвѣтилъ Фрей. — Стоитъ ихъ только просушить и употреблять въ ѣду.

— Какъ, не въ молотомъ видѣ? — ужаснулся Левъ Николаевичъ.

— Но есть-ли у человѣка лучшая мельница, чѣмъ его собственный ротъ? — фигурально отвѣтилъ Фрей и вызвалъ бурю восторга этимъ отвѣтомъ.

Восхищенію Льва Николаевича не было границъ,

Онъ обнималъ Фрея, цѣловалъ его и всячески выражалъ ему свое расположеніе.

— Я говорю о зернахъ — продолжалъ Фрей, — потому что теперь ихъ какъ будто легче добывать. Но, въ сущности, человѣку свойственна не эта злачная, добываемая на поляхъ пища. Человѣку свойственна пища другая, еще болѣе благородная, ради добыванія которой онъ не долженъ прибѣгать къ срѣзыванію или вырыванію стеблей, т. е. къ тому же убійству растенія. Къ радости кроткаго духа нашего, сама природа строенія тѣла человѣческаго учитъ насъ жить и кормиться чудной пищей, полной райскихъ ароматовъ дѣвственныхъ садовъ, бывшихъ на зарѣ прекраснаго утра земной жизни. Да! И строеніе зубовъ, и длина кишечника съ неопровержимой ясностью доказываютъ, что человѣкъ не хищное животное, проглатывающее растерзанную чужую жизнь. У него нѣтъ тѣхъ рѣдко-сидящихъ въ челюсти и остроконечныхъ зубовъ, какіе нужны хищнику. И длина кишечника у него гораздо больше, чѣмъ у хищныхъ животныхъ, у которыхъ кишечникъ короткій, потому что пища проходитъ болѣе короткій путь всасыванія. Эти два обстоятельства лучше всякихъ трактатовъ доказываютъ уродливость нашего питанія мясомъ. Оно не свойственно намъ, и никакое искусство нашей кухни съ ея виртуозами-поварами не въ состояніи обмануть нашу натуру.

Она противится чуждой пищѣ и мститъ намъ тяжелыми болѣзнями и нервными разстройствами, вплоть до безнадежнаго помѣшательства. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно также, что человѣкъ и не травоядное животное. Его кишечникъ для этого слишкомъ коротокъ, онъ долженъ бы быть вдвое длин-

нѣе, а зубы не такъ широки, какъ у травоядныхъ. Человѣкъ принадлежитъ къ иной категоріи животныхъ, которымъ свойственна пища другая — плоды. Не плотоядное, не травоядное, а плодоядное животное — человѣкъ. И изъ всѣхъ плодовъ лучше всего яблоки. Возьмите, напримѣръ, обезьянъ въ лѣсахъ. Онѣ питаются только яблоками, а какія онѣ гибкія, ловкія, сильныя. Ударомъ кисти горилла дробитъ черепъ льва, зубами сплющиваетъ дуло ружья.

А ѣстъ только яблоки.

Недаромъ Библія начинаетъ свое сказаніе о людяхъ, жившихъ въ садахъ и также ѣвшихъ яблоки. Память человѣчества вѣрно передаетъ ему прошлое. И какъ далеко мы ушли въ сторону отъ этого чистаго, хорошаго прошлаго!...

Безсильные въ своей злобѣ и дикой аргументаціи, мясоѣды прибѣгаютъ къ такимъ ухищреніямъ. 205
Они говорятъ, что употребленіе мяса — это благодѣтельный процессъ для высокаго совершенствованія неразвитой твари, ибо мясо животнаго таинственнымъ образомъ въ организмѣ человѣка уподобляется въ форму свѣтлой мысли, вдохновеннаго чувства, благороднаго поступка. Вещество несмысленной твари освящается и очищается черезъ тайну питанія, происходящаго въ нашемъ тѣлѣ. Что-жъ тутъ, говорятъ они, безнравственнаго? Наоборотъ, скоты намъ должны быть благодарны, что мы ихъ ѣдимъ.

Точь-въ-точь Ницше со своей теоріей сверхъ-человѣка. Онъ говоритъ, что вещественныя блага обездоленной массы должны итти на высокое дѣло развитія новаго типа. Очень можетъ быть, что низшее человѣчество и страдаетъ тамъ на поляхъ, въ шах-

тахъ, въ рудникахъ, на заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ и пр., и пр.,—очень можетъ быть. Но тѣ вещественныя блага, которыя добываются рабочимъ классомъ, претворяются таинственнымъ образомъ въ новый, чудный типъ цивилизованнаго человѣка. Страданія вполнѣ выкупаются въ общей экономіи природы, а нечистота капитализма освящается высотой сверхъ-человѣка...

— Я слушаю васъ и ваши прекрасныя сопоставленія, — подхватилъ Левъ Николаевичъ, — вспоминаю одну легенду, которую мнѣ монахи разсказывали въ Оптиной пустыни, когда я ходилъ туда молиться...

Вотъ эта легенда.

Впачалѣ Богъ сотворилъ міръ духовный, міръ ангеловъ. Они пѣли хвалу Господу и созерцали ве-
206 личіе Его. Но вотъ любимѣйшій изъ ангеловъ, объятый гордостью и завистью, возмутилъ цѣлый сонмъ небожителей и дерзнулъ возстать противъ Бога. Богъ низринулъ его съ тьмами его приверженцевъ въ мрачный Тартаръ.

Падшіе ангелы превратились въ духовъ злобы, а ихъ начальникъ сталъ называться Сатаной.

Оставшіеся на небѣ покорные Богу ангелы взмолились Господу:

— Горе, горе намъ! Ты лишилъ насъ товарищей, и число наше не пополнится...

И прогнѣвался на нихъ Господь:

— Маловѣрные! Не знаете силу Мою! Такъ вотъ вамъ: изъ мерзѣйшей въ мірѣ твари создамъ подобныхъ вамъ и пополню число ваше!...

И въ гнѣвѣ Своемъ сотворилъ Богъ человѣка.

Люди обременены тяжкимъ трудомъ, живутъ въ

страстяхъ, въ похоти, въ страданіяхъ, но все не напрасно. Среди нихъ есть святые уголки — монастыри, куда стекаются даянія и сыны страждущей твари, а въ монастыряхъ, по волѣ Божіей, изъ этой мерзѣйшей твари нарождаются ангелоподобныя существа, дабы восполнилось число павшихъ...

И тутъ же, за стѣной кельи, я слышалъ, раздавался свистъ большой продольной пилы: жвить!... жвить!...

Это наемные пильщики рѣзали доски для обителей «будущихъ ангеловъ».

Да, мой другъ, властно въ жизни царствуетъ обманъ, и вы безконечно правы.

Спасибо, спасибо вамъ за ваше умное и честное слово. Я непремѣнно брошу мясо и послѣдую вашему примѣру.

И, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ Левъ Николаевичъ не ѣстъ убоины и одно время доходилъ до питанія одной болтушкой изъ овсянки.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
и П. Л. ЛАВРОВЪ.

— Знаете, Левъ Николаевичъ, — сказалъ разъ Фрей Толстому, когда мы сидѣли внизу въ старинномъ кабинетѣ Л. Н. (это было въ 85 г.), — смотрю 211
я на васъ и поражаюсь тому удивительному сходству, какое замѣчаю между вами и Петромъ Лавровичемъ Лавровымъ. Такое же лицо съ крупными чертами, тѣ же глаза, тотъ же нажимъ бровей и даже та-же прическа чуть-чуть вьющихся и покрывающихъ уши волосъ. Наконецъ, та-же патріаршья борода и, кажется, такъ же одна половина длиннѣе... Удивительно!...

— Да, да, — подхватилъ Л. Н., чувствуя себя неловко подъ взглядомъ наблюдающихъ глазъ, — мнѣ ужъ нѣкоторые говорили это и письма писали. Въ одномъ письмѣ, искреннемъ и горячемъ, насъ стараются даже сблизить и духовно. Какой-то талантливый юноша изъ Кіева подробно и толково выписками изъ нашихъ писаній доказываетъ полное сходство взглядовъ и мыслей моихъ и Лаврова. Я

съ удовольствіемъ читалъ это и, заинтересованный письмомъ, еще разъ пробѣжалъ «Историческія письма» и еще нѣкоторыя вещи Лаврова, и вижу, что, дѣйствительно, есть много общаго, хотя мѣстами этотъ сухой и жесткій, подобно стальной бронѣ, научный жаргонъ мѣшаетъ выщелочить главную мысль.

«Но это общее... какъ бы вамъ сказать... напоминаетъ рельсовые пути на большой узловой станціи. Идутъ дороги рядомъ, потомъ скрещиваются и, соединенныя смычками и стрѣлками, опять вытягиваются рядомъ, и можно думать, что такъ безъ конца. Но это только въ предѣлахъ станціонной территоріи. За дискомъ начинается сильное расхожденіе, и дороги идутъ врозь.

«Общая для насъ узловая станція — это одинаковая наша ненависть и негодованіе противъ ужаса
 жизни, держащаго людей въ позорнѣйшемъ рабствѣ подъ пышнымъ флеромъ обманчивыхъ принциповъ.

«Протестъ противъ этого и обличеніе лжи родитъ и сближаетъ насъ и помогаетъ намъ видѣть нѣкоторыя вещи въ одинаковомъ освѣщеніи. Но дискъ и тѣ станціонныя ворота, за которыми замѣчается расхожденіе, начинаются съ того пункта, когда рѣчь заходитъ объ осуществленіи въ жизни «началъ истины и справедливости», какъ это часто любилъ называть Лавровъ. Я признаю, что ученіе жизни, просвѣтивъ человѣка и давъ ему познаніе истины, требуетъ отъ него и немедленнаго осуществленія ея. И требуетъ, и сообщаетъ силы для этого осуществленія. «Начни жить по новому и будешь жить такъ». Какъ человѣкъ, входящій въ воду, только тогда начнетъ плавать, когда окунется и бросится вплавь. Не вѣришь въ необходимость насилія надъ людьми, — и

не совершай его, не имѣй рабовъ, не повелѣвай, и вообще не служи Молоху ужаса и не будь ни жрецомъ, ни прихожаниномъ его.

«У Лаврова же это выходитъ иначе.

«Все ступеньчато, медлительно и расчитано не на личныя усилія каждаго, а на массовую работу. И конечное просвѣтлѣніе жизни отодвигается въ такое отдаленное будущее, которое можетъ совпасть съ уравновѣшеніемъ теплоты въ морѣ.

«Весь обманъ жизни въ томъ и заключается, что угодливый умъ говоритъ человѣку: «Не надо, не торопись. Ты самъ одинъ ничего не сдѣлаешь. Пусть всѣ возьмутся, тогда и ты будешь». Это такъ называемый вселенскій взглядъ на вещи, насквозь проникающій все клерикальное ученіе и отсюда ненарокомъ запмствованный и «научно» думающими людьми. Это все равно, какъ если бы человѣкъ, задумавшій развести утюгъ и выгладить одежду, вдругъ рѣшилъ бы, что для этого ему нужно накалить весь воздухъ и нагрѣть его до того, чтобы и утюгъ сдѣлался горячій. И человѣкъ сталъ бы жечь лѣса и дома и накалять атмосферу.

«Не лучше ли оставить эту затѣю и подложить нѣсколько горячихъ угольковъ въ утюгъ, раздуть ихъ,— и тогда все будетъ хорошо, и мятая одежда будетъ выглажена и чиста.

«Когда человѣку нужно сдѣлать его работу души и выгладить и выровнять ее, ему не надо ждать, покуда все кругомъ будетъ чисто и свято, ему надо подложить въ свой утюжечекъ искрящихся угольковъ вѣры, раздуть ихъ огонь усиліями воли и зажить по новому, — и работа будетъ сдѣлана. Сейчасъ, не-

медленно. Помятая и вся въ складкахъ отъ обмановъ и слабостей душа выровняется и чиста будетъ.

«Гораздо ближе сходятся наши взгляды въ томъ мѣстѣ, гдѣ Лавровъ говоритъ о вѣрѣ и о роли критики, т. е. разума въ дѣлѣ вѣры. Несомнѣнно, разумъ есть единственное условіе вѣры, это тотъ факелъ, который свѣтитъ намъ въ темномъ ущельи жизни, и только благодаря ему мы проходимъ опасныя тѣснины и взбираемся на свѣтлую вершину. Но и здѣсь нельзя говорить, какъ это дѣлаетъ Лавровъ, что сначала критика, а потомъ вѣра. Этой послѣдовательности въ работѣ души нашей нѣтъ. Нѣтъ того, какъ онъ думаетъ, вотъ что мы начинаемъ накоплять знанія, потомъ эти знанія порождаютъ въ насъ убѣжденіе, а убѣжденіе переходитъ въ вѣру, которая и воплощается въ жизни. Это такое же ис-
214 кусственное дѣленіе вещей, какъ искусственнымъ показалось бы то, если бы мы стали разливать одну и ту же жидкость по разнымъ сосудамъ, потомъ разставили бы эти сосуды въ ширину и стали бы утверждать, что это 1 сортъ, это 2 и т. д. Вездѣ одно. И знанія, и убѣжденіе, и вѣра — это работа души совершенно одного и того же сорта. И одинаково не можетъ быть знанія безъ вѣры, какъ и вѣры безъ знанія. Это двѣ ноги, на которыхъ мы ходимъ, и трудно сказать во время ходьбы, какой ногой мы это дѣлаемъ. Обѣ въ работѣ, и обѣ исходятъ изъ одного тѣла. Знаніе истины и вѣра въ нее, т. е. осуществленіе ея — одно и то же, и ступенекъ здѣсь никакихъ нѣтъ, какъ нѣтъ ступенекъ между лучемъ, ударившимъ въ пластинку, и изображеніемъ, получившимся на ней. Кто знаетъ правду, тотъ живетъ

въ ней, и — наоборотъ, — кто живетъ по правдѣ, тотъ и знаетъ ее.

«Вотъ въ чемъ мы расходимся.

«Самый же тонъ писаній Лаврова, согрѣтый любовью къ людямъ, его кристаллическая манера изложенія и поразительное дарованіе классифицировать явленія — мнѣ очень нравятся въ немъ. Какъ нравится и вся жизнь этого, хотя и страшнаго по слухамъ, а въ сущности кроткаго человѣка, — жизнь, проникнутая удивительнымъ умѣніемъ переносить несчастія.

«Мнѣ разсказывали очень трогательную исторію его двухъ племянницъ. Старшая вышла замужъ за нѣкоего Гончарова, который сталъ повсюду разсовывать прокламаціонные листки и былъ арестованъ. Снарядили судъ, и молодому человѣку грозила каторга. Его защитники не поладили между собой изъ-за плана защиты, и между ними состоялась дуэль на пистолетахъ. Утинъ (такъ звали одного изъ защитниковъ), тотъ самый Утинъ, который потомъ сталъ извѣстнымъ адвокатомъ, убилъ своего соперника, но былъ судимъ за это и на судѣ въ свое оправданіе говорилъ многое, что позорило честь племянницы Лаврова, намекая на ея близость съ убитымъ защитникомъ мужа ея.

«Она была тоже на судѣ, сидѣла среди публики и все слышала. Это ее до того потрясло, что, придя домой, она зарядила револьверъ и выстрѣлила себѣ въ сердце. Разсказываютъ, что она долго мучилась, ибо пуля попала не въ сердце, а въ легкое, и, промучившись нѣсколько дней, страдалица скончалась.

«Тогда къ Утину явилась молодая сестра покойницы и, спросивъ его: «Вы Утинъ?»—спустила ку-

рокъ. Грянулъ выстрѣлъ, Утинъ упалъ на полъ, а она вторымъ выстрѣломъ покончила съ собой и упала рядомъ. Потомъ оказалось, что въ Утина выстрѣлъ былъ не мѣткій, пуля миновала его, и онъ отдѣлался только контузіей.

«Стрѣлявшая-же была мертва.

«И вотъ передаютъ, что Петръ Лавровичъ, узнавъ объ ужасной трагедіи, отнесся къ этому, какъ истинный мудрецъ, и о виновникѣ ужаса мягко сказалъ:

— Ему не лучше. Онъ убилъ троихъ, но самъ онъ трижды мертвъ...

«Это хорошо сказано. Въ этихъ словахъ видна та истинная высота духа, которая влечетъ къ себѣ и покоряетъ и роднитъ, и которая одна стоитъ больше всякихъ трактатовъ и многотомныхъ трудовъ».

Л. Н. ТОЛСТОЙ
и ЕГО ДѢТИ.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Ясную Поляну (это было въ 85 году) Н. Н. Страховъ, восторженно любившій Льва Николаевича, со вздохомъ замѣтилъ ему:

— Любя васъ, дорогой мой, не скрою отъ васъ, что съ каждымъ моимъ пріѣздомъ я замѣчаю все больше и больше, насколько дѣти ваши далеко не напоминаютъ своего великаго отца. Я не говорю о малышахъ, которые пока только милы и рѣзвы, не говорю даже и о Лелѣ, отъ котораго требовать еще ничего нельзя и который настолько гордится своимъ именемъ, что обѣщалъ и своего сына тоже назвать Львомъ. «И ему накажу, чтобъ у него былъ сынъ Левъ. Всѣ будутъ Львы Львовичи»... Я не говорю уже о нихъ, но старшіе — Сережа, Илюша, которые сформировались и опредѣлили себя, и они далеко, далеко не то. Тоже и съ дѣвочками. Меня томитъ тоскливое чувство, и я съ болью думаю: Не будетъ продолжателей. Вы — одинокое дерево.

Л. Н. притянулъ къ себѣ Страхова и дружески обнялъ его.

— Вы бередите мою старую рану, милый другъ. Я сколько разъ говорилъ себѣ и думалъ: Будь я столяръ, я видѣлъ бы рядомъ съ собою за верстаками и своихъ сыновей, и мы работали бы плечо въ плечо ту-же работу и въ волнахъ душистыхъ стружекъ, пахнущихъ трудомъ и прелестью кроткой лѣсной жизни, крѣпла бы радость сближенія, и я зналъ бы, что работа моей жизни не умираетъ.

Если-бы я былъ крестьяниномъ, мы тоже вмѣстѣ косили-бы, пахали, молотили бы, ѣздили-бы въ ночное, возили-бы новину на мельницу, рубили бы лѣсъ, — и я тоже видѣлъ бы и чувствовалъ, что все, все у насъ одно, и, умирая, я былъ бы спокоенъ за себя и за нихъ. А теперь? Одинъ кончаетъ университетъ и норовитъ на казенную службу; другой, еще не кончивъ даже гимназіи, уже спитъ и видитъ себя въ мундирѣ военнаго и жалкіе чины уже кружатъ ему голову; третій — да что перечислять... ни третій, ни четвертый, ни дѣвочки не идутъ и не пойдутъ по одному пути, и не будетъ у нихъ общей радостной работы, и не будутъ они дѣлать того-же дѣла, что я.

Какъ ни мало цѣню я свою писательскую работу, но я люблю ее, я живу ею, и, кажется, живу ею для Бога.

По человѣчеству, по слабому чувству своему судя, мнѣ было бы хорошо и отрадно видѣть продолжателями тѣ родныя существа, которыя получили плотскую жизнь отъ меня.

Но, вдумываясь поглубже въ смыслъ и значеніе переживаемаго мною, я вижу, что все не спроста и

удивительный высшій порядокъ Божіей мудрости ярко вырисовывается предо мною.

Мнѣ представляется это такъ.

Богъ, или та высшая, о которой только мы можемъ думать, сила, призывающая къ жизни все живое, влагаетъ въ каждаго изъ насъ вмѣстѣ съ дыханіемъ жизни и неумолимый законъ воли призвавшаго насъ. И исполненіе этой воли требуется совершенное, сполна, какъ требуетъ сила тяготѣнія со свергающагося водопада всю воду его русла. Каждый изъ насъ долженъ весь жить для Него. Отсюда и то, что и говорится: «всѣмъ тѣломъ, всей душою и всѣмъ разумѣніемъ» и т. д. И каждый изъ насъ, вступая въ жизнь, съ радостной покорностью принимаетъ на себя это исполненіе. Но потомъ, когда начинается самая работа и человѣкъ, видя огромность ея, видитъ и слабость свою и невозможность идти по пути, онъ падаетъ и съ мольбой говоритъ Пославшему его: «Вотъ, не я, а этотъ пойдетъ». И родитъ дитя и передаетъ ему завѣтъ великой работы. Въ паденіи родитъ дитя. Въ безсиліи даетъ заступника. И только въ этомъ смыслъ рожденія.

И бываетъ, что у слабыхъ и тощихъ, сознающихъ свою немощь, родится мощное и сильное и дѣлается маякомъ на Божьемъ пути. Родится геній, талантъ.

Но если человѣкъ, которому даны силы и крѣпость, пристаетъ на пути и тоже говоритъ пославшему: «Вотъ, не я, а этотъ пойдетъ», и тоже родитъ дитя и ставитъ заступника, тогда Господь говоритъ:

— Не будетъ!

И отнимаетъ силы у рождающихся. Они выходятъ слабыми, бездарными и не только не могутъ продолжать дѣла своего отца, но даже становятся

противниками его, и то, что отцу казалось хорошо и дорого, имъ представляется жалкимъ и ничтожнымъ, и они ведутъ жизнь свою во прахѣ и въ туманѣ низины души.

Господь говоритъ одаренному:

— Отъ тебя не принимаю намѣстниковъ. Ты самъ служи мнѣ!

Суровъ, но справедливъ этотъ порядокъ. И, прикладывая его къ своей жизни, я вижу...

Л. Н. замялся, понизилъ голосъ и, приближаясь къ уху Страхова, полушепотомъ сказалъ:

— Мнѣ не слѣдовало имѣть дѣтей...

Страховъ былъ въ восторгѣ.

— Вы высказали великую мысль. Я не рѣшался дойти до такихъ выводовъ. Но то, что вы сказали теперь, безконечно огромно. Да, вамъ лучше было

 бы быть одному.

Впослѣдствіи, спустя 15 лѣтъ, когда третій сынъ Л. Н. сталъ уже Львомъ Львовичемъ и выступилъ въ печати съ полемикой противъ отца, Л. Н. съ грустью говорилъ:

— Ну, вотъ, дождался таки. Хотя я никогда не читаю вещей, направленныхъ противъ меня, какъ и не читаю одинаково хвалебныхъ гимновъ, но писанія «Льва Львовича» все таки читалъ, и не могу не поморщиться. Меня радуетъ только то, что онъ, полемизируя со мной, долженъ все-таки хоть что-нибудь читать изъ моихъ писаній и вдумываться въ нихъ, а это подаетъ надежду, что онъ отъ моихъ писаній перейдетъ къ евангелію и найдетъ тамъ отвѣты на вопросы, которые теперь онъ такъ слабо и такъ нехорошо рѣшаетъ.

Въ общемъ довольно тяжело, какъ тяжело и не-

пріятно должно быть возницѣ, когда его сѣдоки его же пинаютъ.

Еще съ большей горечью Л. Н. говорилъ о печали, испытываемой имъ по поводу тяжелыхъ «неудачъ» одного изъ младшихъ сыновей его.

— Здѣсь горе такъ велико, что ужъ жернововъ не хватаетъ для перемола. Не облегчишь его и словомъ, ибо передать трудно. Когда нибудь я разскажу это все, но разсчитываю это сдѣлать уже передъ самой смертью, на крутомъ краешкѣ ея, такъ, чтобы сказать и юркнуть сейчасъ.

Л. Н. сдѣлалъ выразительный жестъ, какъ онъ юркнетъ подъ крышку гроба.

ПАСХАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ Л. Н. ТОЛСТОГО.

На Пасху въ 1886 г. Л. Н. отправился пѣшкомъ изъ Москвы въ Ясную Поляну. Пути было 200 верстъ. Л. Н. сдѣлалъ этотъ путь въ 6 дней.

Онъ пришелъ въ Ясную Поляну веселый, бодрый, съ приливомъ новыхъ силъ.

Спутниками его были молодой Ге и М. А. Стаховичъ.

— Колечка Ге, — разсказывалъ потомъ Л. Н. въ Ясной, — шелъ первымъ, онъ легонькій, стройненькій и знаетъ секретъ скороходства. Я плелся вторымъ и все время вприпрыжку равнялся съ Колечкой.

Хуже всѣхъ держался Стаховичъ. Въ немъ много сырости и икры толстыя, а это сильно мѣшаетъ ходу. Онъ часто уставалъ, садился, постоянно поправлялъ лапти, то развязывая, то опять завязывая оборки. И у него почему то въ лаптяхъ всегда больше земли было, чѣмъ у насъ. Колечка говоритъ, что у него загребистая походка, онъ какъ бы черпаетъ

ногами и оттого онъ сильно сбиваетъ ноги и землей набиваетъ лапти. Надо не шаркать, а печатать ногами, и тогда походка будетъ легкая. Опять же и наклонъ тѣла много помогаетъ. Чуть-чуть впередъ туловищемъ поддался и ногами уже невольно будешь подпирать, чтобы не упасть, и ходъ будетъ вдвое быстрѣе, чѣмъ когда «ровно», гордо ходишь. Гордецы то, оказывается, на запяткахъ и остаются. Стаховичъ курса не выдержалъ и, кажется, съ полдороги сѣлъ на машину и засвисталъ въ Елецъ.

Л. Н. оживился, образно показалъ, какъ засвисталъ паровозъ, и продолжалъ:

— Съ Стаховичемъ еще и въ Москвѣ хлопотно было. Онъ долго собирался, закупалъ, прилаживался, ремней, тесемочекъ, сумочекъ припасалъ. Мало того, въ концѣ оказалось, что и паспорта нѣтъ у него. Гдѣ то онъ всѣ бумаги оставилъ, и всякій десятскій въ дорогѣ могъ его остановить и, какъ бродягу, представить по начальству. Что тутъ дѣлать? А идти хочется, да и намъ хотѣлось, чтобы онъ съ нами шелъ, онъ добрый, милый такой и самъ сознаетъ свои слабости. Идти къ полиціймейстеру въ Москвѣ и начать хлопоты—это цѣлая исторія и скучная, и нудная. Да и затѣя наша стала бы извѣстна, а мы это все ладили тихонько и неслышно. И вотъ, не помню, уже кто, Колечка или самъ Стаховичъ или кто другой, говоритъ намъ, что можно это дѣло съ паспортомъ устроить иначе. По россійскимъ законамъ де, паспортъ, хотя и нуженъ всякому, но не всегда требуется, чтобы паспортъ былъ паспортомъ, съ печатями и съ гербами и непремѣнно отъ надлежащаго начальства. Достаточно, особенно если человѣкъ дворянинъ, чтобы два другихъ дворянина под-

писали бумагу, въ которой они увѣрятъ, что знаютъ предъявителя сего. Намъ показалось это хорошимъ, и мы сейчасъ на цѣломъ листѣ плотной министерской бумаги написали, что симъ молъ удостовѣряемъ и свидѣтельствуемъ подписями и печатями личность извѣстнаго намъ дворянина Михаила Александровича Стаховича.

Первымъ подписалъ я и, по настоянію Колечки съ Стаховичемъ, всѣ свои титулы изложилъ. Я подписалъ: «Отставной артиллеріи поручикъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой». Подписалъ и Ге, но только не молодой, а старикъ, и тоже всѣ свои титулы изложилъ: «Профессоръ академіи художествъ Николай Николаевичъ Ге». Припечатали мы свои подписи сургучными печатками, сложили бумагу вчетверо и торжественно оффиціально вручили Стаховичу. Онъ радъ, радъ былъ и всю дорогу ждалъ случая, чтобъ кто нибудь придрался къ нему и чтобъ онъ могъ предъявить свой неотразимый паспортъ.

Но какъ на грѣхъ, въ дорогѣ все гладко было, на ночлегахъ никто документовъ не спрашивалъ, а днемъ мы себя смирно вели, ни съ кѣмъ не дрались, не ссорились, въ кабакахъ не сидѣли, къ прохожимъ не приставали и око начальства счастливо миновали. Такъ сложенную бумажку и не пришлось Стаховичу развернуть. Онъ увезъ ее съ собой въ Елецъ.

Послѣ его отъѣзда, на другой день, у насъ въ одной деревнѣ полицейскій спросилъ паспорта. Повертѣлъ, повертѣлъ бумаги въ рукахъ, смотрѣлъ на насъ и сверху внизъ, и снизу вверхъ и только покачалъ головой.

— Ой-ли!...

Мы говоримъ:

— Мы самые.

Онъ отпустилъ насъ и козырнулъ на прощанье.

Много еще разсказывалъ о своемъ путешествіи Л. Н.

— Эти 6 дней пути, это мой шестодневъ, шутилъ Л. Н.

Между прочимъ онъ разсказалъ объ обычаѣ христосоваться.

— Милая, славная и такая близкая русской душѣ черта. Идешь деревней и видишь какъ люди то и дѣло, снимая шапки, истово лобызаютъ другъ друга. Не деревня, а семья кажется.

На душѣ хорошо у нихъ, нѣтъ злобы, нѣтъ зависти, нѣтъ страха другъ передъ другомъ. Внѣшнее впечатлѣніе умилительное. И я много думалъ о тѣхъ,
 обычныхъ словахъ привѣтствія, которыя при этомъ произносятся. Мнѣ кажется, что здѣсь нужно что-то другое. Помню, Сютаевъ, когда былъ у меня, разсказывалъ, какъ онъ христосуется.

— Когда мнѣ говорятъ: «Христосъ воскресъ» — я цѣлую того и отвѣчаю: «Дай Богъ, чтобъ воскресъ».

Чтобы воскресъ въ насъ, конечно. Это глубоко и жизненно, и, какъ свидѣтельствуетъ Сютаевъ, у нихъ въ деревнѣ это вошло въ обычай.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
и КРЫЛОВЪ.

1885 годъ былъ годомъ кипучей дѣятельности Льва Николаевича. Онъ много писалъ, много работалъ въ полѣ, строилъ избы, шилъ сапоги, клалъ печи и тогда же затѣялъ рядъ народныхъ изданій. 233

Нарождался «Посредникъ», и всѣ вещи редактировались самимъ Львомъ Николаевичемъ, а потомъ отсылались въ Москву къ Сытину и тамъ печатались.

Вотъ получаемъ мы разъ въ Ясной Полянѣ транспортъ только что выпущенныхъ «Посредникомъ» изъ типографіи картинъ, въ листъ величиною, съ текстомъ и иллюстраціями къ баснямъ Крылова.

— Хорошо! — похваливалъ Л. Н. — Смотрите, какъ вышли «Лебедь, Ракъ и Щука». Живые! И оторопь беретъ, какъ вспомнишь, что такъ и среди людей: неразбериха, вражда, разноголосица... Въ особенности трогателенъ этотъ лебедь, «рвущійся въ облака». Вытянулъ шею, машетъ крыльями, вотъ-вотъ перервется. И во взорѣ тоска отчаянія. Это цѣ-

лая трагедія. Это — Прометей. Это мы, это каждый изъ насъ, въ комъ живутъ вопросы духа. И эта привязанность къ телѣгѣ жизни...

— Ахъ, какое сравненіе мнѣ сегодня вспало на мысль по поводу этой привязанности.

— Сильный, порывистый, готовый къ отлету воздушный шаръ дѣлаетъ смѣлые круги и крѣпко натягиваетъ канаты, которые крѣпко держатъ его и не пускаютъ вверхъ.

— Но вотъ раздалась команда, и люди начинаютъ рубить канаты.

— Одинъ за однимъ надаютъ отрубленные концы, шаръ качается, рвется, но не всѣ еще канаты отрублены, — одинъ-два держатъ его. И только, когда послѣдній ударъ топора разитъ послѣдній канатъ, связь съ землей теряется, и шаръ плавно подымается

вверхъ.

Такъ и мы. И мы готовы къ отлету и, наполненные легкимъ газомъ духовныхъ стремленій, готовы слиться съ горной стихіей и летѣть туда. Тамъ легко, тамъ благо, тамъ радость. Но канаты земныхъ страданій насъ крѣпко держатъ и, покуда не отрублена послѣдняя изъ нихъ, мы въ неволѣ... мы крѣпки къ землѣ. Рубите канаты!... Такъ и этотъ лебедь...

— Или вотъ эта, — указалъ Л. Н. на другую картину, — этотъ бѣдный богачъ, пожелтѣвшій, какъ золото его. Онъ хорошо вышелъ. Во взорѣ скорбь и страшная, подкупающая наивность.. я сказалъ бы: труда, потому что ему кажется, что онъ работаетъ, онъ дѣлаетъ серьезное дѣло, громоздя кучу на кучу желтыхъ ненужностей. Хорошо, и чисто текстъ вышелъ. Прекрасно работаетъ Сытинъ. И какое громадное распространеніе имѣютъ его изданія. Вы

знаете, «Чѣмъ люди живы» разошлись въ $1\frac{1}{2}$ милліонахъ экземпляровъ. Развѣ когда-нибудь снились такія цифры нашимъ рафинированнымъ издателямъ? Вотъ и эти картины, благодаря издателю, тоже будутъ имѣть огромное распространеніе.

И Левъ Николаевичъ усиленно сталъ перелистывать картины, внимательно останавливаясь на каждой.

— А это что?! — вдругъ вскрикнулъ Л. Н. — Батюшки! Вотъ такъ неожиданность? Нѣтъ, вы посмотрите только, что они сдѣлали?!

— Боже мой! Ахъ! Ахъ! Ну, и удружили! Видите — взяли басню «Котъ и Поваръ» и иллюстрацію какую ядовитую, какъ будто нарочно противъ меня. Стоитъ поваръ съ лицомъ, похожимъ на мое, въ бѣломъ фартукѣ и въ бѣломъ колпакѣ и читаетъ нотаціи коту. А котъ грызетъ цыпленка, облизывается и искоса поглядываетъ изъ-за упоровъ уксуснаго боченка. Досада какая! Ну, что вы скажете? И текстъ такой досадный: «А я бы повару иному велѣлъ на стѣнкѣ зарубить: рѣчей не тратить по пустому, гдѣ надо власть употребить!» Не правда-ли, какъ разъ подходитъ къ проповѣди непротивленія злу? Нѣтъ, вѣдь это они такое сдѣлали, что хоть волосы рви на себѣ. Остановить надо! Надо телеграфировать Сытину, чтобъ не пускалъ въ продажу, а что пустилъ, можетъ быть, можно назадъ забрать. Какъ на зло вышло. Вѣроятно, офени уже разнесли по селамъ и деревнямъ. Ну, что-жъ это!..

И Л. Н. въ досадѣ билъ себя руками по бедрамъ, кусалъ усы, но вскорѣ успокоился и сталъ смѣяться.

— Ну, и Крыловъ! Изъ всѣхъ неумныхъ басенъ его эта самая неумная, но здѣсь она очень мѣт-

ко пришлась. Лучше всякихъ критикъ, дергающихъ и «шуицу», и «десницу» мою.

Въ Москву былъ посланъ приказъ: задержать!— и картина была изъята изъ серіи.

ГОЛОДЪ.

Помню, въ августѣ 91-го года, проѣздомъ съ сѣвера на югъ, я заглянулъ въ Ясную, чтобъ повидаться съ Львомъ Николаевичемъ.

239

Я засталъ его удрученнымъ и взволнованнымъ.

— Вы слышали, — сказалъ онъ мнѣ съ тревогой въ голосѣ, — ужъ начинается. У насъ еще люди не обмолотились, а тамъ уже ѣсть нечего. Уже по домамъ сидятъ. Вотъ пишутъ изъ Воронежской губ.

Это первые стоны надвигающагося ужаса. Я чувствую это, и во мнѣ все ноетъ, какъ ноетъ тѣло ревматика передъ дурной погодой. Въ этой стихіи, отнимающей у людей кусокъ хлѣба, а у дѣтей — материнское молоко, мнѣ видится нѣчто болѣе страшное, чѣмъ въ стихіи пожара и наводненія. Тамъ — бездушіе мертвой природы, дѣйствующей по своимъ законамъ физики и химіи, и, когда достаточно тепло, кислородъ набрасывается на горючіе элементы вещей и жжетъ ихъ, ликуя при яркомъ освѣщеніи, а когда достаточно низко и воды

нагонитъ сверху, — влага выступаетъ изъ береговъ и, смѣясь, заливаетъ округи и затопляетъ деревни и города.

Это понятно, ясно и даже красиво, если хотите. Но здѣсь, въ этомъ мрачномъ ужасѣ коварно ползущаго голода все мрачно, дико и полно безобразія.

Здѣсь люди виноваты, а не стихія.

Это они систематическимъ, давнимъ порабощеніемъ другихъ, безропотныхъ и кроткихъ, доводятъ до крайнихъ размѣровъ нужду въ хлѣбѣ. И тогда кажется, что это стихійное явленіе.

Люди отнимаютъ у другихъ и время, и руки, и сѣмена, засоряютъ поля ихъ и, не давая имъ какъ слѣдуетъ обработать, превратили тучныя нивы въ безплодную, пыльную труху, — и говорятъ, что небо стало мѣдное, а земля желѣзная.

240 Люди — желѣзные.

Надо удивляться только благости земли и воздуха, которые изъ щедрости своей дарятъ людямъ иногда обилье злаковъ, такъ что, при всей жадности обирающихъ, кое-что остается и для обираемыхъ.

А не будь этого, мы вплоть наблюдали бы картины голода, и всѣ давно перемерли бы.

Когда видишь это, когда съ удручающей ясностью предстанетъ предъ тобой вся эта гадкая, грѣховная повадка тунеядцевъ, то, признаюсь вамъ, трудно удержаться отъ гнѣва и гнѣвныхъ проклятій, которыя иногда вырывались и изъ устъ даже близкихъ къ Христу людей, желавшихъ молнію и громъ низвести.

Что они дѣлаютъ? Что они думаютъ? Вѣдь, какъ ни бѣжитъ ихъ жизнь вѣчнымъ праздникомъ, но вѣдь сутки же 24 часа имѣютъ, и хоть одинъ часъ,

полчаса бываютъ же они наединѣ, сами съ собой, и неужели они не видятъ тьму пропасти, въ которую летятъ очертя голову. И если не они, не всѣ эти ликующіе и праздно болтающіе, то хоть тѣ сторожевые посты, которые они выставили въ своемъ хищническомъ лагерѣ, — почему они ничего не видятъ? Вѣдь не пройдетъ же это такъ, не обмаслается, какъ косари говорятъ на шершавое косье или ручку отъ грабель. Здѣсь слишкомъ много шершавости, да и не хватитъ уже масла-терпѣнія у людей.

Пріѣзжалъ на-дняхъ камергеръ изъ Петербурга. Важеватый, выхоленный, чистый господинъ съ баками и поворачивается задомъ. Это у нихъ самое почетное мѣсто, тамъ ключъ виситъ. Ѣдетъ въ I классѣ и везетъ милліонъ денегъ для голодающихъ. Швырнули кусокъ оттуда. Но даже и этотъ кусокъ, вы думаете, попадетъ прямо въ ротъ нуждающимся. Онъ прежде обойдетъ длинный путь десятковъ инстанцій, и вездѣ его будутъ мять и давить десятки чиновныхъ рукъ, которыя будутъ себѣ отщипывать понемногу, и, когда останется только маленькій, крохотный катышокъ, его бросятъ съ презрѣніемъ въ обнищалую деревню.

Нѣтъ, если ужъ помогать то помогать, надо иначе. Надо жить съ ними, надо быть тамъ.

Что могутъ значить эти мелкіе наскоки легкихъ джентльменовъ, проводящихъ вечера съ помѣщиками и разсказывающихъ имъ веселые анекдоты изъ петербургской жизни, — когда нужны руки, ноги, глаза, постоянно тутъ же находящіеся и слѣдящіе за нуждой ежеминутно. Нужно видѣть эту нужду, нужно дышать ею, чтобъ имѣть возможность зво-

нить о ней и звать людей на помощь, какъ зовутъ набатомъ на пожаръ...

И Левъ Николаевичъ поселился въ Воронежской губ. и сталъ кормить голодающихъ.

Но и здѣсь его чуткая душа, никогда не боящаяся правды и всегда привыкшая видѣть корень вещей, не могла не чувствовать той ѣдкой лжи, какую обычно скрываютъ отъ себя люди въ его положеніи. Его мучило сознаніе того, что онъ — потомокъ тунеядцевъ и самъ, въ сущности, живущій еще на счетъ работающихъ — кормитъ работниковъ и кормитъ ихъ тѣми жалкими крохами и отбросами, какіе прибывали на его имя по почтѣ каждый день. Эти мелкія, частичныя «пожертвованія» богатыхъ и сытыхъ людей волновали и возмущали его такъ же, какъ и тотъ милліонъ, брошенный че-
 резъ камергера изъ Петербурга. И тяжело ему было раздавать эти отъ излишковъ идущія крохи и раздавать по своему усмотрѣнію, беря на себя отвѣтственность правильной раздачи. Кто могъ услѣдить за тѣмъ, какой изъ просящихъ нуждается, а какой нѣтъ?

Наконецъ, на одного Льва Николаевича взвалили огромную работу, непосильную для одного человѣка.

И хотя ему помогали нѣкоторые изъ его друзей, но помощь эта была слишкомъ незначительна. Ни земство, стѣсняемое въ своей дѣятельности, ни чиновная каста, мало чувствительная къ высокимъ обязанностямъ, — не вѣдали дѣломъ кормленія и оставались въ сторонѣ.

Измученный Л. Н. написалъ мнѣ въ декабрѣ того же года полное отчаянія и ропота письмо.

Вотъ оно:

«Спасибо вамъ, дорогой Исаакъ Борисовичъ, что извѣстили о себѣ. Я очень, очень былъ радъ узнать о всѣхъ васъ и о томъ, какъ вы живете. Я живу скверно. Самъ не знаю, какъ меня затянуло въ работу по кормленію голодныхъ. Не мнѣ, кормящемуся ими, кормить ихъ. Но затянуло такъ, что я оказался распредѣлителемъ той блевотины, которою рветъ богачей. Чувствую, что это скверно и противно, но не могу устраниться,—не достаетъ силъ.

«Я началъ съ того, что написалъ статью по случаю голода, въ которой высказывалъ главную мысль ту, что все произошло отъ нашего грѣха отдѣленія себя отъ братьевъ и порабощенія ихъ, и что спасеніе и поправка дѣла одна: измѣненіе жизни, разрушеніе стѣны между нами и народомъ, возвращеніе ему похищеннаго и сближеніе, сліяніе съ нимъ, невольное, вслѣдствіе отреченія отъ преимуществъ насилія.

«Со статьей этой, которую я отдалъ въ «Вопросы Психологіи», Гротъ возился мѣсяцъ и теперь возится. Ее и смягчали, и пропускали, и не пропускали, и кончилось тѣмъ, что ея до сихъ поръ нѣтъ.

«Мысли же, вызванныя статьей, заставили меня поселиться среди голодающихъ, а тутъ жена написала письмо, вызвавшее пожертвованія, и я самъ не замѣтилъ, какъ я очутился въ положеніи распредѣлителя чужой блевотины и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ въ извѣстныя, обязательныя отношенія къ здѣшнему народу.

«Бѣдствіе здѣсь большое и все растетъ, а помощь увеличивается въ меньшей прогрессіи, чѣмъ бѣдствіе, и поэтому, разъ попавши въ это положеніе,

не возможно, не могу отстраниться. Дѣлаемъ мы вотъ что: покупаемъ хлѣбъ и другую пищу и по деревнямъ у самыхъ бѣдныхъ хозяевъ устраиваемъ,— не устраиваемъ, потому что все дѣлаютъ сами хозяева, — а только даемъ средства, т. е. продовольствіе на столовыя, и кормятся слабые, малые, иногда и средніе голодные.

«Много тутъ и дурного, много и хорошаго, т. е. не въ смыслѣ нашего дѣла, а въ смыслѣ проявленія добрыхъ чувствъ. На-дняхъ калужскій разбогатѣвшій крестьянинъ предложилъ изъ голодной мѣстности сослать на зиму въ Масальскій уѣздъ 80 лошадей. Ихъ тамъ прокормятъ зиму и пришлютъ весною.

«Калужскій крестьянинъ предложилъ, а здѣшніе въ одинъ день набрали всѣ 80 лошадей и готовы отправить, довѣряясь чужимъ невиданнымъ братьямъ.

«Ну, пока прощайте, передайте мой братскій привѣтъ всѣмъ вашимъ знакомымъ мнѣ и не знакомымъ сотрудникамъ. Пишите подробнѣе о себѣ.

«Левъ Толстой.

«P. S. Собираемый вами хлѣбъ направьте въ болѣе близкія къ вамъ мѣста, равно и деньги. У насъ избытокъ ихъ соотвѣтственно не нуждѣ, а силамъ распредѣленія.

«Л. Толстой».

— А вѣдь лошади-то по веснѣ возвратились цѣлы и сыты, — смѣясь и довольный сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ, когда мы потомъ свидѣлись съ нимъ. — Это наиболѣе свѣтлое изъ всѣхъ дѣлъ за эту зиму!..

ВЪ ОПАЛѢ.

За свою смѣлую и правдивую статью о голодѣ, которая была напечатана въ «Times», а потомъ «услужливо» переведена «Моск. Вѣдом.», — Левъ Николаевичъ подвергся жестокой опалѣ. 247

Спокойное и затянувшееся было на время плотной тиной приказное болото заволновалось, и всѣ глазастые, холоднотѣлые обитатели его дружно заквакали. Раздались грозныя требованія репрессивныхъ мѣръ и, несмотря на высокій авторитетъ геніальнаго старца, озлобленный хоръ раздраженныхъ голосовъ вопилъ:

— Долой его!

Дѣла нѣтъ, что это означало: долой правду, долой гордость и красу страны, которая за всѣ свои столѣтія темнаго существованія выдвинула яркую звѣзду необыкновеннаго дарованія, лучезарно сверкающую для всякаго міра, — дѣла нѣтъ, — для этихъ закусившихъ удила полулюдей нѣтъ святого ничего. Перейдена буква ими же самими надуман-

ныхъ уложеній и положеній, — и довольно. Дерзнувшаго на это надо сжить со свѣта.

И они съ энергіей, со страстью принялись за свое темное мытарство. Стаи приспѣшниковъ, охотно вторящихъ чиновному хору, распустили слухъ, что Толстой анархистъ и революціонеръ, грозящій основамъ страны, и поэтому не уважать, а презирать его нужно.

И сотни, тысячи людей, еще вчерашніе поклонники и почитатели, поспѣшили засвидѣтельствовать свое презрѣніе и стали рвать портреты Толстого у себя.

Когда объ этомъ узналъ Левъ Николаевичъ, онъ добродушно замѣтилъ:

— А тѣ, что рвутъ портреты, напрасно ихъ и имѣли.

Но вслѣдъ за портретами, за изображеніемъ, за тѣнью писателя, гонители взялись за него самого.

Имъ крови его захотѣлось — и они стали посягать на его жизнь.

По крайности, лишеніямъ подвергнуть его, заточить его, сослать или выслать за предѣлы Россіи навсегда!

Я жилъ тогда въ Полтавской общинѣ, и до насъ донеслись тревожные слухи, что Толстой подвергнутъ аресту, а затѣмъ будетъ сосланъ. Говорили, что былъ произведенъ грубый обыскъ, что перерыли и забрали всю частную переписку и не увезли Толстого только потому, что онъ заболѣлъ и при смерти.

Приходили также вѣсти о томъ, что къ Толстому пріѣзжало какое-то духовное лицо, и это ставили въ связь съ тѣмъ, что воскресъ опять забытый

было планъ заточенія Л. Н. въ Суздальскій монастырь съ лишеніемъ права писать.

Я отправилъ Льву Николаевичу письмо и не помню ужъ точно выраженій, но помню, что поздравилъ его съ высокой радостью, выпадающей на его долю свидѣтельствовать міру истину не только словомъ проповѣди, но и дѣломъ страданія.

И долго не было отвѣта отъ Л. Н—ча. Наконецъ, пришло письмо:

«Давно уже получилъ ваше письмо, и тогда не успѣлъ отвѣтить. Очевидно, вы писали подъ впечатлѣніемъ слуховъ, что меня посадили или сдѣлали надо мной какое-либо насиліе. Къ сожалѣнію для меня и къ счастью для дѣлающихъ насиліе, ничего подобнаго не случилось, и я вижу, что вокругъ меня насилуютъ моихъ друзей, а меня оставляютъ въ покоѣ. Хотя, если кто вреденъ или бы долженъ быть, — то это я. Очевидно, я еще не стою гоненія. И мнѣ совѣстно за это. Хилкова водворяютъ среди духоборцевъ. Это все, что я знаю про него. Свѣдѣніе это я получилъ черезъ Бирюкова, который теперь въ Самарѣ съ сыномъ Львомъ. Надняхъ же узналъ, что Р. взяли съ жандармами и свезли въ воронежскій острогъ.

«Письмо ваше во всякомъ случаѣ мнѣ было радостно и очень благодарю васъ за него. Кабы привелъ Богъ въ такое положеніе, въ которомъ оно бы было кстати.

«Я теперь въ Москвѣ, на святки возвращаюсь въ Бѣгичевку. Друзья наши тамъ живутъ, трудятся и тяготятся той нравственной тяготой, которая связана съ дѣломъ кормленія голодныхъ. Нельзя представить себѣ, до какой степени тяжело быть въ по-

ложеніи распорядителя, раздавателя и по своему выбору давать или не давать. А все дѣло въ этомъ.

«Очень тяжело, по уйти нельзя. И томлюсь поскорѣе выбраться отсюда. Я все кончаю свое писаніе («Царствіе Божіе внутри васъ»), а все не могу кончить. Какъ вы живете? Не забывайте меня, пишите хоть изрѣдка. П-о съ вами или нѣтъ? Я получилъ отъ него письмо съ приговоромъ Павловскихъ крестьянъ, но не разобралъ — откуда, передайте ему мой привѣтъ.

«Любящій васъ **Л. Толстой**».

Когда мы потомъ свидѣлись, я узналъ, что въ Петербургѣ было засѣданіе комитета министровъ и что дѣйствительно было рѣшено сослать Толстого, но Государь сказалъ:

250 — Хотя ужаснѣе этой статьи я никогда ничего не читалъ, — все-таки Толстого не трогайте!..

Л. Н. ТОЛСТОЙ.
И ДЕНЬГИ

Это было въ 1899 году.

Группа членовъ духовно-библейскаго братства, основаннаго въ Елисаветградѣ, твердо рѣшила оставить городскую жизнь и перейти на землю. Вся община съ радостью встрѣтила такое рѣшеніе братства и изъ скудныхъ средствъ своихъ (почти всѣ они были ремесленниками) стала откладывать скромную лепту для «земельнаго фонда». Братство видѣло въ этой маленькой будущей колоніи залогъ своей крѣпости и расцвѣта и начало дѣйствительнаго осуществленія высокихъ идеаловъ новой жизни, той святой, чистой, трудовой жизни, отъ которой 2-хъ-тысячелѣтнимъ плѣномъ такъ жестоко оторванъ гонимый народъ.

Лица, сочувствовавшія братству и его трудовому стремленію, стали, со своей стороны, тоже хлопотать о пріумноженіи средствъ для колоніи и обращались для этого къ своимъ знакомымъ и друзьямъ.

Написалъ я и Льву Николаевичу объ этомъ но-

вомъ теченіи среди еврейства и просилъ его помочь общинѣ.

Левъ Николаевичъ вскорѣ прислалъ мнѣ такой отвѣтъ:

«Получилъ ваше письмо, дорогой другъ, и оно произвело на меня грустное впечатлѣніе.

Ну, развѣ можетъ это быть, чтобы Божье дѣло остановилось и даже вовсе не вышло отъ недостатка денегъ?

Много я думалъ, и не только думалъ, но выживалъ этотъ вопросъ, и пришелъ къ тому несомнѣнному положенію, что потребность въ деньгахъ показываетъ неправильность положенія, и, чѣмъ больше потребность, тѣмъ больше неправильность, и что когда испытываешь эту потребность, то дѣло не въ томъ, чтобы добыть деньги, а въ томъ, чтобы уничтожить эту потребность.

Все равно какъ при чесоткѣ, — надо не чесать, а прекратить болѣзнь.

И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно, чтобы люди, не признающіе ничего своимъ, хотѣли бы посредствомъ денегъ сдѣлать своей... собственность земельную? Эту ошибку дѣлаютъ очень многіе: такъ противна жизнь городская, такъ радостна деревенская, такъ хочется поставить себя въ такія условія, чтобы можно было учесть себя, установить свой балансъ съ людьми, сказать себѣ: я живу своимъ трудомъ и имъ же служу другимъ, — какъ будто это возможно, какъ будто вездѣ и всегда мы не будемъ въ неоплатномъ долгу?

Дѣло только въ томъ, чтобы мы его чувствовали, этотъ долгъ, всегда и вездѣ. Ахъ, милый другъ, какъ

все просто и какъ все, казавшееся мнѣ столь трудно разрѣшимымъ, теперь кажется яснымъ!

Въ денежномъ вопросѣ все сводится къ тому, что деньги есть та злая, антихристіанская сила, которая замѣнила владѣніе рабовъ.

Что же надо дѣлать?

Никогда не пользоваться рабами, т. е. деньгами.

Что дѣлать, чтобъ не было нужды въ пользованіи деньгами?

Уменьшить свои потребности.

Какія потребности самыя денежныя, т. е. для удовлетворенія которыхъ нужно больше всего денегъ?

Потребность... не свободы («познаете истину, и истина освободитъ васъ»), а того, что называется свободой, возможностью измѣнять свое положеніе. — Это самая большая роскошь.

И эту-то роскошь дьяволъ представляетъ въ видѣ 255
обратномъ, въ видѣ опрощенія. Надо не попадаться на это.

Что-жъ плохого въ томъ, что христіанинъ живетъ въ городѣ? Онъ принимаетъ участіе въ городской эксплоатаціи.

Да вѣдь онъ знаетъ, радуютъ его или нѣтъ выгоды городской жизни.

Онъ поглощаетъ больше, чѣмъ даетъ?

Да кто это счелъ?

Развѣ христіанинъ даетъ что-нибудь матеріальное? Онъ даетъ то, что велѣно Іисусомъ, чтобы «свѣтъ вашъ свѣтилъ не передъ людьми, и они прославляли бы»...

Дѣло это для искренняго человѣка всегда будетъ выражаться въ формѣ матеріальныхъ дѣлъ, но само оно не матеріальное.

Да вы все знаете, какъ и я.

Нужно одно, что я послѣднее время постоянно повторяю себѣ: радостно исполнять волю Отца въ чистотѣ, смиреніи и любви, т. е.: 1) жить, избѣгая нечистоты душевной (похоти, тщеславія и другого грѣха не противъ людей); 2) въ смиреніи, т. е. какъ бы впередъ готовясь на то, что люди будутъ презирать или хоть не понимать и ставить въ неловкое положеніе тебя, и 3) въ любви, т. е. затишая въ себѣ все то, что можетъ вызвать нерасположеніе, и возбуждая все, что можетъ вызвать любовь.

И когда удается такъ жить, то, въ какихъ бы ты ни былъ условіяхъ, — радость всегда будетъ непрестанная, вѣчная.

Левъ Толстой».

256 Помню, когда братья узнали, мы всѣ въ первый вечеръ собрались въ молитвенный домъ и, открывъ собраніе обычнымъ псалмомъ объ «обиліи хлѣба на землѣ», прочли письмо Льва Николаевича.

На лицахъ слушавшихъ отразилось глубокое недоумѣніе.

— И онъ могъ такъ отвѣтить?.. — слышенъ былъ сдержанный шопотъ.

— Что-же теперь?..

— Самъ говоритъ о святости земельнаго труда, а теперь: «и въ городѣ жить хорошо»?!.

— Это ужасно!..

Впечатлѣніе было тяжелое.

Но вотъ на каѳедру взошелъ самъ наставникъ общины.

— Братья! — началъ онъ подавленнымъ голосомъ, — мы заслужили укоръ великаго писателя.

Онъ правъ, онъ тысячу разъ правъ. И мудрецы нашей древности тоже учили такъ. Они говорили: «Празднуй субботу по будничному, но не прибѣгай къ помощи людей». Богу угодно только то, что собственными усиліями вѣрующаго дается Ему. Трудъ нашъ Ему нуженъ, и только нашъ личный трудъ. Вспомните, братья, старца Гилеля, эту лучезарнѣйшую звѣзду народа своего. Онъ былъ простымъ поденщикомъ и весь день таскалъ дрова и тяжести, а къ вечеру приходилъ въ академію послушать мудрости мудрецовъ и изъ скуднаго заработка своего удѣлялъ половину привратнику за пропускъ. Но вотъ однажды наканунѣ субботы, въ холодный зимній день Гилель ничего не заработалъ, и у него не было денегъ, чтобы заплатить привратнику. Тогда онъ взобрался на крышу, припалъ къ слуховому окну и оттуда слушалъ поученія мудрыхъ. Въ увлеченіи онъ не чувствовалъ, какъ его засыпало снѣгомъ, а на утро его сняли съ крыши почти окоченѣвшимъ.

Такъ велика была жажда знанія, и эту великую жажду Божьей истины завѣщалъ онъ народу своему.

Да! Останемся въ городахъ, будемъ столярами, колесниками, поденщиками, но будемъ близки къ слову Божію и не будемъ протягивать для лучшей жизни руку съ просьбой подаянія, какое бы благо деревенскихъ прелестей ни сулило намъ это подаяніе и въ какіе бы цвѣтистые лепестки благородныхъ порывовъ и отзывчиваго чувства ни родилось это подаяніе. Оно не нами будетъ заработано и не на эти деньги можно Божью жизнь создать. Это глубокая, вѣрная и живительная мысль, которой дышетъ все письмо, прослушанное нами сегодня. На-

станетъ день и люди отбросятъ всѣ свои мѣновые знаки, и стѣна между бѣдными и богатыми исчезнетъ, какъ таетъ тьма тумана въ утреннемъ блескѣ зари. Будетъ этотъ день, братья, и къ этому дню мы стремимся. И будетъ тогда новая земля и новое небо надъ нами. Но стезя къ этому счистливому дню ведетъ черезъ ущелья и тѣснины нашего труда. Поработаемъ еще, поживемъ здѣсь и будемъ благодарны учителю нашему, такъ просто и такъ ясно умѣющему говорить поразительную правду.

Братья разошлись успокоенные и бодрые.

Спустя короткое время основатель смоленской общины толстовцевъ прислалъ небольшую сумму денегъ, «мякину», какъ онъ добродушно называлъ это въ письмѣ своемъ, и на эту мякину былъ взятъ въ аренду клочекъ земли въ 70 верстахъ отъ города, куплены хаты и утварь, — и нѣсколько семействъ изъ братства выѣхало въ колонію.

Прожили они тамъ общиной зиму и лѣто, но вскорѣ пошли нелады и неудачи и община распалась. Всѣ вернулись опять къ городскому труду. Не проченъ фундаментъ мякины.

Слово Л. Н. оказалось пророческимъ.

ПРОЛИТАЯ КРОВЬ.

Въ первые годы нашего знакомства (это было лѣтъ 20 тому назадъ) Л. Н. сильно увлекался еврейской литературой и усердно читалъ все, что касалось библіи и талмуда, и въ особенности очарованъ былъ волшебнымъ міромъ древнихъ легендъ, полныхъ свѣтлаго, лучистаго вдохновенія.

— Въ нихъ есть что-то, — говорилъ онъ, — необыкновенно мягкое и трогательно-величественное, какъ розовая заря въ тихое утро. И что болѣе всего дорого въ нихъ — это постоянство вѣчной темы о вѣчныхъ тайнахъ души человѣка. И какъ близко тутъ христіанство, — какъ небо на горизонтѣ отъ земли — вотъ-вотъ, кажется, рукой подать!..

И Левъ Николаевичъ, читая легенды по различнымъ переводнымъ сборникамъ, обрабатывалъ сказанія въ христіанскомъ духѣ и, помню, часто дѣлился со мной вдругъ набѣгавшими яркими образами старины, освѣщенными кроткимъ свѣтомъ новаго ученія, которому Л. Н. предался всей душой, и которымъ онъ такъ мастерски умѣетъ заразить и чужую душу.

. . . .

— Эти забытыя легенды — это синѣющее тихое море поэзіи съ уединенными берегами, отъ которыхъ давно ушелъ океанъ, но которое мѣстами сохранило еще узкія ленточки проливовъ, заросшихъ кустарникомъ забвенья. Вотъ, напр., одна изъ такихъ легендъ, легенда о пролитой крови.

Когда царь Навуходоносоръ взялъ Іерусалимъ и вступилъ въ храмъ, его привели въ палату священниковъ.

Царь въ ужасѣ отпрянулъ и остановился у входа. На полу, подобно горячей водѣ въ котлѣ, кипѣла кровь и бурлила, вздымаясь пышной розовой пѣной.

Паръ опьянилъ Навуходоносора, и онъ, какъ прикованный, не двигался съ мѣста.

— Это жертвенная кровь воловъ, барановъ и
 овецъ, — смущенно вставили священники.

Царь велѣлъ зачерпнуть изъ большого жертвенника ковшъ крови и сравнилъ.

Кровь не походила на ту, что кипѣла на полу. Навуходоносоръ воспылалъ гнѣвомъ и закричалъ:

— Скажете-ли вы мнѣ, что это за кровь, или я сдеру съ васъ мясо желѣзными гребнями и трупы брошу на съѣденье хищнымъ птицамъ!..

Испугались священники.

— Помилуй, государь! Мы откроемъ тебѣ всю истину. Жилъ среди насъ священникъ Захарія, и праведной жизни онъ былъ человѣкъ. Голосомъ, подобнымъ прибою морскому, онъ звалъ людей на служеніе Богу и громомъ громилъ наши недуги, предсказывая пожары, моръ и рабство. Все, что сбылось теперь. Но встала на него злоба людей, и его убили. Его закололи здѣсь въ храмѣ Божьемъ,

предъ алтаремъ, въ то самое время, когда проповѣдь лилась изъ устъ его. И вотъ, съ тѣхъ поръ кровь товарища нашего кипитъ и вопіетъ къ небу о мщеніи и обвиняетъ убійцъ предъ праведнымъ престоломъ Бога.

— О, если такъ, — воскликнулъ царь, — то я умиротворю и искуплю, и успокою ее.

И онъ велѣлъ зарѣзать всѣхъ священниковъ надъ кипучей кровью пророка.

Кровь продолжала кипѣть и не успокаивалась.

Разгнѣвавшись, царь велѣлъ зарѣзать на томъ же мѣстѣ еще множество учениковъ школъ и маленькихъ дѣтей.

Но кровь продолжала кипѣть и не успокаивалась.

Тогда онъ собралъ тысячи прекрасныхъ юношей и дѣвицъ, зарѣзалъ ихъ всѣхъ на одномъ камнѣ и смѣшалъ ихъ кровь съ кровью пророка.

Кровь продолжала кипѣть и не успокаивалась.

— Захарія! Захарія! — воскликнулъ тиранъ. — Неужели тебѣ еще мало? Хочешь-ли ты, чтобы я уничтожилъ всю Іудею?

Кровь продолжала кипѣть и не успокаивалась.

— Горе мнѣ, горе мнѣ! — схватился за голову царь. — Если за кровь одного человѣка должно столько людей пострадать, то что-жъ ожидаетъ меня, проливавшаго кровь десятковъ и сотенъ тысячъ людей?

И неудержимо одна за другой хлынули слезы изъ глазъ.

Онъ плакалъ и билъ себя въ грудь.

И какъ только первая капля слезы, скатившись со щеки, упала на землю и смѣшалась съ кровью пророка, — кровь перестала кипѣть и успокоилась.

УПОЕНІЕ СМЕРТЬЮ.

Когда стали извѣстны страшныя подробности трагедіи, совершившейся въ Терновскихъ плавняхъ, гдѣ сектантомъ Ѳедоромъ Ковалевымъ были заживо 267
похоронены въ склепѣ и мужчины, и женщины, — Левъ Николаевичъ, потрясенный и взволнованный, сказалъ:

— Это ужасно, ужасно! Но трудно оторваться отъ приковывавшей мысли... Что-то есть здѣсь примиряющее, здѣсь есть какое-то искупающее упоеніе смертью. При всей мрачности этого ужаса, отъ него вѣетъ такой тишиной, такимъ спокойствіемъ... И, странная вещь, всѣ поражены, всѣ считаютъ это чѣмъ-то неслыханнымъ, и думаютъ, что никогда этого не было.

Между тѣмъ, возьмите старину, возьмите сохранившуюся легенду о смерти ветхозавѣтнаго Аарона— и вы увидите, какъ все поразительно повторяется.

Смерть Аарона по этой легендѣ тоже была похожа на смерть терновскихъ мучениковъ,

Вотъ эта легенда.

Получилъ Моисей повелѣніе отъ Бога извѣстить брата о послѣднемъ часѣ его.

Всю ночь провелъ онъ безъ сна, и едва забрезжило утро, онъ всталъ и въ сильномъ волненіи пошелъ къ Аарону.

Братъ удивился его раннему приходу.

— Я размышлялъ, — сказалъ Моисей, — о трудныхъ мѣстахъ Священнаго Писанія и вотъ пришелъ къ тебѣ, чтобы обсудить ихъ вмѣстѣ.

Братья открыли святую книгу Торы и стали читать съ самаго начала.

На каждомъ мѣстѣ они прерывали чтеніе и восклицали: «Это свято, это велико, это справедливо»!

Когда они дошли до мѣста, гдѣ говорится о грѣхѣ Адама и о томъ, какое наказаніе послѣдовало

ему, Моисей вздохнулъ и произнесъ:

— О, Адамъ, Адамъ! Зачѣмъ принесъ ты міру смерть?

Ааронъ прервалъ его:

— Къ чему скорбѣть, мой братъ? Не ведетъ-ли смерть къ блаженству вѣчному и неизъяснимымъ радостямъ рая?

Тогда Моисей вдругъ спросилъ его:

— Какъ полагаешь, сколько тебѣ еще осталось жить?

— Полагаю, лѣтъ двадцать, — отвѣтилъ Ааронъ, недоумѣвая, зачѣмъ это вдругъ его спрашиваютъ объ этомъ.

— О, гораздо меньше! — возразилъ съ грустью Моисей.

— Быть можетъ, пятнадцать, — уступилъ Ааронъ.

— И того меньше, братъ мой!

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, десять...

— О, еще меньше!..

— Пять?..

— Меньше!..

Ааронъ началъ догадываться объ ужасной тайнѣ, и душой его овладѣло предсмертное волненіе.

— Любезный братъ! — сказалъ Моисей, — если бы Богъ извѣстилъ тебя, что ты умрешь черезъ сто лѣтъ, что сказалъ бы ты?

— Я сказалъ бы, что Господь справедливъ.

— А если Онъ извѣстилъ бы тебя, что ты долженъ умеретъ сейчасъ же?..

И Моисей опустилъ глаза долу.

— Я сказалъ бы, — отвѣтилъ съ покорностью Ааронъ, — что Предвѣчный справедливъ и желаетъ мнѣ того, что лучше для меня.

— Такъ слѣдуй за мною, братъ!

И Моисей повелъ за руку Аарона.

Они взошли на высокую гору, и на вершинѣ горы открылась передъ ними глубокая пещера.

Въ пещерѣ стоялъ гробъ.

Ааронъ легъ въ гробъ и сталъ готовиться къ смерти.

— Горе мнѣ, — воскликнулъ Моисей, едва удерживая слезы, — при смерти сестры нашей мы оба были, при твоей — нахожусь я; кто же будетъ при моей смерти?

И голосъ послышался съ неба: «Предвѣчный»!..

Тогда Моисей поцѣловалъ умирающаго въ лобъ и принялся разоблачать его.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ тѣло Аарона обнажалось, ихъ окружало и покрывало чудное небесное облако.

Воцарилась тишина, и Ааронъ, казалось, погружался въ сладкій сонъ.

Моисей тихо вышелъ изъ пещеры и привалилъ камень у входа.

— Что чувствуешь, братъ? — спросилъ Моисей, плотно затыкая и замуровывая всѣ отверстія входа.

— Чувствую, что легкое облако окружаетъ меня.

Моисей продолжалъ муровать и, когда кончилъ, снова спросилъ:

— Что чувствуешь теперь, Ааронъ?

— Чувствую, какъ облако наполняетъ меня небесною отрадой.

— А теперь? — спросилъ Моисей, постоявъ.

Едва слышный голосъ донесся:

— Такъ хорошо!..

И Моисей увидѣлъ подымавшуюся къ небу душу
270 брата.

— Счастливецъ! — воскликнулъ онъ ему вслѣдъ. — О, еслибъ и моя смерть была такою!..

Такова легенда,

Л. Н. ТОЛСТОЙ и КОНСТИТУЦІЯ.

I.

Левъ Николаевичъ въ бесѣдѣ, происходившей въ іюлѣ 1907 г., сказалъ:

— У насъ развилась такая нестерпимая партійность, такая гражданская глухота, что прямо говорить нельзя.

Всякій слышитъ и хочетъ слышать только то, въ чемъ онъ натасканъ и нахлестанъ либо партійными катехизисами и шпаргалками, либо правительственными циркулярами и предписаніями. Дѣло дошло до того, что люди готовы оспаривать общепризнанныя теоремы, разъ это говоритъ противная партія.

И если, напримѣръ, кадеты стали бы утверждать, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ, то вся министерствующая братія тотчасъ ощетинилась бы и назвала бы это хитрымъ политическимъ іезуитизмомъ. Да!..

То же испытываю и я на себѣ. Я высказываю, кажется, свои взгляды ясно и открыто и, насколько умѣю, безъ возможности кривотолковъ, а между

тѣмъ только потому, что я дерзаю кое въ чемъ усомниться и думать не такъ, какъ это требуетъ застывшее уже въ опредѣленныхъ формахъ политическое правовѣріе, люди разнесли легенду, будто я не только противникъ конституціи, но даже противъ освободительнаго движенія вообще.

Что за нелѣпая вещь! Я — противъ движенія, да еще освободительнаго?!.

Единственнымъ признакомъ истинной жизни я считаю движеніе, и только движеніе къ свободѣ, но всегда думалъ и теперь продолжаю думать, что свобода эта лежитъ не въ циркулярахъ или обрядностяхъ парламента, а въ томъ, что издавна люди считаютъ и дѣйствительно составляетъ священнѣйшій смыслъ жизни человѣка, — въ Богѣ. Онъ призываетъ насъ къ лучшей жизни, и только тогда, когда въ

насъ проснется любовь къ Нему и мы начинаемъ жить для Него, работая на людей, только тогда и начинается настоящее движеніе къ свободѣ, и человѣкъ пріобрѣтаетъ ее.

А мы, какъ только въ народѣ проснулось движеніе души, и онъ заговорилъ о новомъ, мы спѣшимъ подмѣнить его настроеніе и преподносимъ ему игрушку за игрушкой въ видѣ штучекъ заграничнаго образца съ русской наклейкой.

Чиновнику, нажившему лысину на проектахъ, вздумалось склеить и скомпановать по разнымъ выкройкамъ что-то удивительно несуразное съ сословнымъ душкомъ и ничтожными полномочіями, и назвать это несуразное старымъ русскимъ словомъ, и люди глубокомысленно уставились лбами и готовы были уже начать «считаться» съ булыгинской Думой. Потомъ, когда господа изъ департаментовъ уви-

дѣли, что это къ добру не приведетъ, они нѣсколько расширили полномочія, нѣсколько раздвинули клѣтки и созвали первую Думу.

Оно и вышло смѣшно тогда.

Смѣшно, что чиновники вздумали вогнать въ карточный домикъ все огромное стремленіе народа къ обновленію жизни и овладѣть этимъ стремленіемъ, — и такъ же смѣшно было видѣть, какъ люди съ серьезными лицами сидѣли въ этомъ домикѣ и что-то серьезно обсуждали, не видя и не желая видѣть, что на этотъ домикъ только дунуть надо, и все полетитъ.

И дѣйствительно дунули, и дѣйствительно все полетѣло.

А меня хотятъ увѣрить, что это и есть настоящая конституція, что это и на Западѣ такъ, что и тамъ созываютъ и распускаютъ парламентъ. 275

Въ этомъ то и ужасъ нашего положенія, что мы не видимъ всей смѣхоты его. На Западѣ? Благодаримъ покорно! Мало-ли что на Западѣ? А вотъ у насъ надо бы, чтобъ этого не было. Если созываютъ уже народное представительство, то, во-вторыхъ, нужно, чтобъ это представительство было дѣйствительно народное, а не какое-то бутафорское съ чиновничье-помѣщичьимъ отливомъ, и во-вторыхъ, разъ оно уже созвано, то будьте милостивы, прислушайтесь къ голосу народныхъ представителей, а не держите бумажку за спиной и чуть что не по вашему: — «До свиданья, можете уходить!»

Это непорядокъ, и такъ оно не должно быть!

Дѣло приняло оборотъ какой-то странной игры въ дурачки. Сѣли играть, роздали карты, пошли дѣлать ходы, вдругъ чиновники говорятъ:

— Нѣтъ, переиграемъ!

И перетасовали карты.

Хотя въ карточной игрѣ такого порядка нѣтъ, но въ политикѣ, говорятъ, это можно, и въ Западной Европѣ такъ дѣлается, и поэтому переиграли.

Ладно. Опять усѣлись, опять роздали карты, стали дѣлать ходы, чиновники опять на дыбы.

— Переиграемъ! — закричали они снова и смѣшали колоду.

А теперь имъ кажется, что они отобрали себѣ всѣ козыри, разложили напередъ карты и снова садятся за столъ.

Что же это?

Я слишкомъ старъ и слишкомъ много видѣлъ жизнь и дѣла людей, чтобъ политическій маргаринъ принять за настоящее масло.

276 Съ такимъ же маргариномъ выступали и выступаютъ ученые, давая людямъ не науку, служащую народу и его широкому благу, а тонкости и усовершенствованія языческой жизни, ведущія къ разложенію и упадку человѣчества.

И, наконецъ, съ такой же фальшью и поддѣлкой истинной вѣры выступаютъ церковники, опутавъ жизнь людей догматами и обрядами и скрывъ отъ человѣка высокій и радостный смыслъ единой религіи, обновляющей жизнь и пріобщающей человѣка къ Богу.

Три крупныхъ лжи — ложная политика, ложная наука и ложная церковь — сплелись и перепутались вмѣстѣ и создали свирѣпую, драконовидную антитроицу ада, и яростнымъ виномъ обмана своего напоили всѣ народы.

Напоили и насъ.

Я и говорю: настоящая, необманная народная политика, — гдѣ все для народа и черезъ народъ; такая же настоящая необманная наука и — еще болѣе, еще важнѣе — такая же настоящая, необманная, истинная народная вѣра, — вотъ что нужно!

Для народа, черезъ народъ и къ Богу—вотъ моя программа!

II.

Левъ Николаевичъ еще сказалъ:

— Когда строили желѣзныя дороги, наши строители имѣли передъ собой уже готовые образцы на Западѣ, со строго выработанными формами, порядками и системами. А между тѣмъ, строители эти не во всемъ слѣпо пересаживали западное и не преподносили намъ точную копію заграничнаго.

Вагоны, напр., у насъ далеко не такіе, не съ короткими скамейками, не съ боковыми выходами, стѣсняющими и неудобными и, очевидно, удержавшимися тамъ потому, что надо же дать вагонамъ дослужить свое время. Наши вагоны, — взять хотя бы на новой владикавказской дорогѣ, — и просторны, и удобны, и со всѣми усовершенствованіями.

Почему же въ области желѣзнодорожнаго строительства мы позволяемъ себѣ дѣлать отступленія и вводить новое, хорошее и приноровленное къ нашимъ разстояніямъ и климату, а въ области политическаго строительства наши техники съ Фонтанки и гранитной набережной ничего лучшаго не нашли, какъ съ умиленіемъ преподнести блѣдный снимокъ

съ узкихъ и неудобныхъ парламентскихъ вагоновъ на Западѣ? Почему это?

Почему, напр., главнѣйшій изъ вопросовъ, вопросъ о землѣ, чиновники наши, подражая Западу, непремѣнно желаютъ рѣшить на началахъ незыблемой собственности, неотъемлемой у помѣщиковъ и насаждаемой у крестьянъ?

Развѣ мы не видимъ, что народъ нашъ, тотъ самый народъ, который и создалъ всю эту пресловутую государственность, чуждъ совершенно идеи земельной собственности и считаетъ глубокимъ несчастьемъ всѣ эти дѣлежки, отрубы и отдѣльные чуланчики? Народъ совершенно не понимаетъ (и въ послѣднее время даетъ это чувствительно понять другимъ), почему земля должна считаться собственностью того, кто не работаетъ надъ ней? Только тотъ, кто пашетъ и засѣваетъ ее, только тотъ и хозяинъ ея, и хозяинъ только до тѣхъ поръ, покуда онъ это все дѣлаетъ. А пересталъ или не можешь совладать — передай другимъ.

И только такое рѣшеніе земельнаго вопроса народъ признаетъ народнымъ, и только такого рѣшенія онъ ждетъ.

А всѣ эти опыты съ неотчуждаемостью или даже принудительнымъ отчужденіемъ, но съ передачей въ собственность, — все это нежизненно, мертво и именно принудительно и отдаетъ затхлой надуманностью и какой-то аптечной рецептурностью.

Землю нужно передать народу такъ, какъ сама жизнь велитъ. Надо, чтобы, переложивши всѣ подати на землю, сдѣлать владѣніе ею убыточнымъ и недоступнымъ для того, кто хотѣлъ бы только владѣть, а не обрабатывать собственнымъ горбомъ.

Если бы, напр., за каждую десятину земли нашей и южной полосы владѣльцу пришлось бы платить въ казну 5 руб. въ годъ, то, конечно, онъ бы ушелъ съ земли очень скоро и отдалъ бы ее тѣмъ, кто, самъ работая на ней, могъ бы платить за нее 5 руб.

Да такъ оно теперь уже происходитъ. За послѣднiе годы пришлось значительно понизить арендную плату, и уже теперь слышенъ общiй вопль помѣщиковъ, что нѣтъ возможности хозяйничать. И уходятъ, и бросаютъ. Чуть задолженность есть, — все летитъ въ банкъ.

Я это вижу и въ нашемъ округѣ и особенно слышу объ этомъ изъ южныхъ мѣстъ.

Тамъ, говорятъ, еще годъ-два такого положенiя, какъ сейчасъ,—и отъ помѣщиковъ слѣда не будетъ. Ихъ будутъ, какъ рѣдкость, показывать.

Не лучше-ли поэтому пойти навстрѣчу жизни, а не ломать и коверкать ее по дурному, только потому, что этого желаетъ горсть мало знающихъ свою собственную жизнь и желанiя людей, и еще потому, что на Западѣ никто не рѣшалъ такъ вопроса. 279

Тамъ ѣздятъ еще въ тѣсныхъ вагончикахъ земельной собственности.

Не лучше-ли жизни отдать живое, а о мертвомъ перестать хлопотать?

Вѣдь, уже умерло, уже нѣтъ того, что прежде было. Нѣтъ уже рабства.

И не потому, что это 46 лѣтъ тому назадъ 19 февраля было оповѣщено, и даже не потому, что 2 года назадъ 17 октября оно было подтверждено еще больше и еще громче, а потому, что самъ народъ уже не тотъ.

Старики уже не тѣ. Пройдитесь въ деревню и

посмотрите, что сталось съ ней за послѣдніе годы. Вы не узнаете прежнихъ тихонь и смирныхъ приверженцевъ начальства. И такія рѣчи вы теперь услышите, о чемъ и думать раньше нельзя было. И старики даже больше, чѣмъ молодые. «Все равно,— говорятъ они, — помирать надо». И ихъ взяло отчаяніе. Дышать трудно. Работать не на чемъ. Кормиться не съ чего. И всѣ мысли и помыслы направлены только на землю.

И если конституція дастъ народу эту землю, она будетъ крѣпка и сильна и поведетъ по новому жизнь страны, а если нѣтъ, то лучше бы ей и не бывать. Игра въ такомъ ужасно огромномъ и важномъ дѣлѣ возмутительна и преступна.

О народѣ помните!

ІОАННЪ КРОНШТАДТСКІЙ.

Въ родовитой и знатной семьѣ княгини Хилковой случилось несчастье.

Единственный и люибмый сынъ княгини — молодой, красивый, умный Дмитрій Александровичъ, уже бывшій на пути къ чинамъ, не нынче-завтра генералъ (онъ былъ командиромъ казачьяго полка), вдругъ оставляетъ службу, свѣтъ и карьеру, поселяется въ деревнѣ и начинаетъ работать простую работу.

Мало того, онъ разбилъ доставшуюся ему по наслѣдству отъ отца землю на мелкіе участки и роздалъ эти участки крестьянамъ. И самъ сталъ жить на такомъ же участкѣ въ простой крестьянской хатѣ.

Мать сначала уговаривала сына, «доказывала», потомъ стала молить, упрашивать Диму. Но Дима неумолимъ.

— Это не мое, — говорилъ онъ. — И я обязанъ имъ отдать. Если вы меня любите, мама, если вы

вѣрите моей искренности, то, ради Бога, уймите свою печаль, осушите слезы и будьте мнѣ истинной матерью. Не мѣшайте мнѣ жить для души.

— Если ты это дѣлаешь потому, что ты христіанинъ...

— Да, я христіанинъ, я хочу заслужить это имя и поэтому-то и прошу васъ...

— Но вѣдь христіанинъ не можетъ дѣлать зла другому. А ты дѣлаешь. Ты мнѣ дѣлаешь, Дима, то, чего никогда мой злѣйшій врагъ не сдѣлалъ бы. Ты отнимаешь у меня всю мою радость, всю гордость мою, всю надежду мою...

И въ отчаяніи мать поставила на ноги родню, знакомыхъ, пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы образумить молодого князя и вернуть его на «правый путь».

Все было испытано.

Но молодой князь неумолимъ. Живетъ съ крестьянами и работаетъ.

Въ это время пріѣхалъ въ Харьковъ Іоаннъ Кронштадтскій къ какому-то больному купцу.

Это было въ 1890 г.

Княгиню озарила счастливая мысль — использовать авторитетъ уважаемаго пастыря, чтимаго всей Россіей священника. О его высокомъ дарѣ глубокаго печальника и исцѣляющаго молитвенника гремѣли тогда повсюду, и имя о. Іоанна сіяло еще незапятнанное и чистое.

Отъ Харькова до с. Павловокъ, гдѣ расположено имѣніе княгини, было недалеко, и о. Іоаннъ вскорѣ прибылъ съ большой торжественностью въ княжескій домъ, сопровождаемый секретаремъ и цѣлой свитой приближенныхъ.

— Помню, — разсказывалъ потомъ Хилковъ мнѣ и Толстому, — то чувство невыразимой робости и какой-то оторопи, которое охватило меня, когда пришли люди и сказали мнѣ, что «батюшка васъ ждетъ, хочетъ видѣть васъ». Мнѣ впервые за всю мою жизнь представилось это слово «батюшка» во всемъ его таинственномъ, мрачномъ, антихристіанскомъ значеніи. Оно звучало для меня такъ же, какъ слово шаманъ, кудесникъ, волховъ.

Но благоговѣніе, съ которымъ это слово было сказано, и тѣ ожиданія, которыя, какъ я зналъ, возлагались моей матерью на этого пріѣзжаго человѣка съ мистическими качествами молитвенника и чудотворца, поколебали духъ мой, — и я шелъ не безъ трепета на зовъ. — Богъ его знаетъ, въ состояніи ли я буду держать отвѣтъ предъ этимъ человѣкомъ, который, кажется, умѣетъ все видѣть и предъ которымъ словъ и одной діалектики, очевидно, мало будетъ. И я звалъ на помощь себѣ все, что было во мнѣ искренняго, пережитаго, выстраданнаго, какъ полководецъ вызываетъ ветерановъ, испытанныхъ въ бою, когда видитъ предъ собой грозный обходъ врага и когда нужно дѣйствовать съ отвагой. Я шелъ и тысячу разъ провѣрялъ себя, дѣлалъ внутренній смотръ себѣ, не ошибаюсь-ли я, не всталъ-ли я на путь упорства, и не совершаю-ли я насилія надъ самимъ собой, уговаривая себя, что я мужикъ и простой человѣкъ и долженъ жить, какъ всѣ они.

Не слишкомъ-ли рано я выдолбилъ скорлупу и объявилъ себя зрѣлымъ къ новой жизни, когда, можетъ быть, я не въ силахъ буду перенести ее и окажусь только чахлымъ цыпленкомъ, который вскорѣ протянетъ безпомощно ножки—и т. д., и т. д.

Однимъ словомъ, самыя мрачныя мысли овладѣвали мной, и мнѣ казалось, что я уже чувствую себя побѣжденнымъ этой величественной фигурой пріѣзжаго шамана, который своими таинственными нашептываніями перевернетъ во мнѣ все вверхъ дномъ. Я больше всего боялся его искренности и проникновеннаго знанія чужой души.

Когда я вошелъ во дворъ и увидѣлъ стоявшую въ сторонѣ карету, запряженную цугомъ, и форейтора и кучера съ натянутыми возжами (это онъ пріѣхалъ въ этой каретѣ), мнѣ сдѣлалось еще почему-то страшнѣе, и я не рѣшался сразу зайти въ домъ.

Я черезъ стеклянную галлерею видѣлъ суету и бѣготню людей, хлопотавшихъ о чемъ-то, и повернулъ въ садъ къ пруду.

Тамъ на берегу сидѣлъ какой-то моложавый съ сладенькими манерами человѣкъ и, согнувшись по-дѣтски, удилъ рыбу, какъ-то глупо-сосредоточенно держа въ рукахъ длинное удилище съ длинной лесой на согнутомъ концѣ. Поплавокъ дѣлалъ круги и вздрагивалъ отъ теченія, и видно было, что вмѣстѣ съ поплавкомъ вздрагивалъ и мужчина, державшій удилище. Онъ увидѣлъ меня и, улыбнувшись полуоборотомъ головы, быстро процѣдилъ:

— Не по апостольски, не такъ, какъ они сѣтями ловили, угодники Божіи... Но люблю и сіе... Святости много въ немъ. Сидишь этакъ, задумаешься, и молитвы въ душѣ складываются... А не видалъ тамъ, — пришелъ уже этотъ толстовецъ къ батюшкѣ? — вдругъ отрѣзалъ онъ меня вопросомъ, очевидно, принимая меня за двороваго человѣка.

— Какой толстовецъ? — спросилъ я.

— А сынъ княгини, молодой князь? Вѣдь онъ въ толстовскую вѣру перешелъ, а батюшка-то и присоединить пріѣхалъ его назадъ къ христовой вѣрѣ, образумить, значитъ. А я у батюшки секретарь буду. Всѣ дѣла его вѣдаю.

Такимъ непріятнымъ, пискливо-рѣжущимъ голосомъ были произнесены эти слова, — такимъ пустымъ хвастовствомъ и ненужнымъ пристегиваньемъ Христа и апостоловъ дышали они, и вся фигура этого секретаря-рыболова, съ рѣдѣющей макушкой и бѣгающими глазами, была до того отталкивающая, — что я, не пожелавъ даже воспользоваться своей неузнанностью, поспѣшилъ уйти.

Я понялъ только одно, что если секретарь хоть немного похожъ на своего патрона, то борьба значительно облегчается. И я чувствовалъ, какъ сердце запылало жаждой схватки, и мозгъ горѣлъ желаніемъ диспутировать и возражать. Сотни, тысячи доводовъ и блестящихъ мыслей и изреченій роились въ головѣ, и я шелъ въ домъ, уже не подавленный и слабый, а, наоборотъ, съ большимъ подъемомъ мужества, и наскоро вырабатывалъ планъ атаки.

Вхожу и вижу большой съѣздъ гостей, толпящихся у стола, уставленнаго яствами и бутылками всевозможныхъ цвѣтовъ. Два-три человѣка что-то особенно суетились около одной бутылки, каждый разъ отставляя и мѣняя на другую.

— Батюшка любитъ «красное»! — слышны были возгласы. — Дайте другую!

— А у Дитяткиныхъ батюшка пилъ марсалу, я самъ видѣлъ, — раздавалось въ другомъ мѣстѣ.

— А у Бахрушина и шампанское пробовалъ... Ей Богу!..

Все это говорилось полушопотомъ, порывисто, съ сдержаннымъ дыханіемъ и трепетно-благоговѣйно.

Минутъ черезъ пять въ дверяхъ показался тощій съ длиннымъ лицомъ мужчина и съ необыкновенно блѣдными, оловянно-молочными глазами, тревожно бѣгавшими въ сдавленныхъ орбитахъ.

Онъ увидѣлъ меня и порывисто поднесъ свою правую руку къ моимъ губамъ.

— Багословеніе Божіе!.. — кажется, произнесъ онъ и ждалъ, чтобъ я приложился къ его рукѣ.

Я чувствовалъ, что этого ждали и десятки глазъ, которые были, какъ стрѣлы, уставлены въ меня, и ужъ болѣе не сомнѣвался, что я теперь лицомъ къ лицу съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который такъ гипнотически дѣйствуетъ на всѣхъ.

288 Признаюсь, я не ожидалъ этого пріема, очень ловкаго по своей стратегической неожиданности (я готовился къ диспуту, къ разговорамъ), но когда я увидѣлъ около губъ своихъ эту обросшую въ безпорядкѣ торчавшими сухими волосами руку, съ крупными, выбугрившимися синими жилами на ней, которую я долженъ былъ почему-то цѣловать, — мнѣ сдѣлалось такъ омерзительно-гадко на душѣ, и такимъ маленькимъ показался мнѣ этотъ человѣкъ.

Я слегка отстранился и, взявъ въ свою руку его руку, потрясъ ее въ воздухѣ.

— Здравствуйте! — коротко отрѣзалъ я.

Его оловянные глаза на мигъ застыли противъ меня. Онъ, видимо, былъ озадаченъ, озадачены были и окружающіе. Они робко шушукались по угламъ.

Но «батюшка» нашелся. Не выпуская моей руки,

онъ строго сдвинулъ брови и, опустивъ глаза внизъ, процѣдилъ:

— Не хорошо, молодой человѣкъ. Вы законъ нашей вѣры переступаете. Да, не хорошо это. Вы знаете, какія страшныя наказанія васъ ждутъ на томъ свѣтѣ, когда вы предстанете предъ Вѣчнымъ Судьей! И вы, и лжеучитель вашъ Толстой понесете такую кару, какая еще никогда не была уготовлена грѣшникамъ. Вы — грѣшники, вы оба великіе грѣшники, и силу ада я вижу уже на васъ, она окружила васъ, она властвуетъ надъ вами!.. Отвернитесь отъ пагубы и слѣдуйте за мной!..

И онъ притянулъ меня слегка къ себѣ.

Я выдернулъ руку.

— Простите, г. Сергіевъ. Но такъ могъ говорить только Тотъ, Чей голосъ слышали и Петръ, и Матѳей, а не вы. Простите меня, — вы не Христосъ, и даже, кажется, не христіанинъ...

— Дима! Дима! что ты сказалъ? — бросилась ко мнѣ мать.

— Князь, что вы говорите? — окружили меня всѣ и, ласкаясь въ то же время передъ «батюшкой», всячески изъявляли ему знаки почтенія.

— Да, онъ не христіанинъ, — крикнулъ я, — онъ фарисей!..

И, хлопнувъ дверью, я ушелъ къ себѣ на хуторъ.

Левъ Николаевичъ слушалъ этотъ разсказъ съ глубокимъ вниманіемъ, ни разу не прервавъ Хилкова.

Когда онъ кончилъ, Л. Н. мягко улыбнулся и сказалъ:

— Правда, это немножко напоминаетъ огненную

запальчивость Зеведеевичей, «сыновъ грома», — но вы были правы, Дмитрій Александровичъ, именно на эту сторону и слѣдовало указать.

На этомъ соблазпенномъ поклоненіемъ другихъ человѣкѣ, какъ нельзя болѣе, ярко видна глубокая мудрость христовыхъ словъ: «и отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ»...

Ни отцомъ и ни батюшкой—слѣдовало бы добавить въ наши дни.

Вы увидите, какъ этотъ худолицый батюшка съ своими нашептываніями выраститъ въ глазахъ умиленцевъ въ гигантскую фигуру, и, чего добраго, его портретамъ и статуэткамъ будутъ кланяться и возжигать огни.

Вокругъ его имени выраститъ новая теорія во-
 площенія, и то причастіе, которымъ онъ угощаетъ многихъ, получитъ дикій кощунственный смыслъ, и люди будутъ набрасываться на него и будутъ царапать и грызть его, чтобъ крови полизать.

Одна потерявшая разумъ баба уже это сдѣлала, но, погодите, всѣ его поклонники такими станутъ. Народится новый толкъ особыхъ богомолокъ и, пожалуй, его живьемъ съѣдятъ.

Я содрогаюсь отъ мысли, но съ ужасомъ предчувствую, что эти экзальтированныя бабы въ одинъ прекрасный день во всеуслышаніе его Христомъ назовутъ и окружатъ его синклитомъ евангельскихъ героевъ. А онъ, молитвенникъ и исцѣлитель, утопая въ клубахъ ѳиміама, будетъ смиренно принимать дары и приношенія умиленныхъ душъ, и ѣдкой кислотой своего ласкательства и лицемѣрія обожжетъ и обуглитъ эти самыя души. Онѣ превра-

тятся въ смрадныя головешки, наполняющія гарью и чадомъ и безъ того чадную жизнь нашу.

И вотъ, знаете, мнѣ почему-то думается, что вдругъ, когда онъ доберется до макушки всевластія и на согнутыхъ спинахъ обманутыхъ людей создастъ свое крохотное величіе, — вдругъ ему сдѣлается ясно все, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ. Все, вся чернота его глумленія надъ совѣстью людей, весь ужасъ его унизительной работы надъ порабощеніемъ души ихъ.

У меня есть задуманный сюжетъ, и, если Богъ приведетъ, я обработаю его выпукло и широко. Героемъ его именно и будетъ такой священникъ, какъ Кронштадтскій, который, много натворивъ и возвеличивъ себя въ глазахъ людей, удаляется на сѣверъ въ монастырь, и тамъ, въ тиши, начинаютъ вставать передъ нимъ одно за другимъ его лживыя, черныя дѣла, и, главнѣй всего, его кощунственная торговля именемъ Христа. Подъ флагомъ ученія Іисуса онъ всю жизнь свою везъ контрабанду язычества и, разсѣявъ много по пути, былъ, наконецъ, пойманъ сторожевымъ судномъ совѣсти, и при свѣтѣ прожекторовъ ея начинается выкладываніе всей контрабанды и нещадное истребленія ея.

Все жгутъ, взрываютъ, портятъ и, подъ конецъ, ударомъ мины пускаютъ и самое судно ко дну. Онъ чувствуетъ идущую смерть.

Да!..

Странно, почти 15 лѣтъ тому назадъ это говорилъ Л. Н., и какой пророческой правдой оказались его слова. Я вспомнилъ ихъ теперь, когда слышно стало, что Іоаннъ Кронштадтскій въ самомъ

дѣлѣ уѣзжаетъ въ монастырь, и, Богъ ето знаетъ, не предстоитъ-ли ему тамъ пережить то, что такъ проникновенно угадалъ въ немъ Л. Н., этотъ истинно глубокій сердцевѣдъ.

РАЗУМЪ.

— Я знаю, — сказалъ разъ Левъ Николаевичъ, —меня будутъ много ругать. Но я долженъ все-таки повторять одно:

Разумъ, разумъ и разумъ. Нѣтъ иныхъ путей постигновенія истины, и только черезъ разумъ мы питаемся, какъ черезъ ротъ питается тѣло наше. И какъ нельзя поддерживать жизнь человѣчества искусственнымъ питаніемъ черезъ другіе пути, такъ нельзя говорить, что жизнь духа поддерживается одною вѣрою. Это — или увлеченіе обманомъ, или самый обманъ.

Получилъ я отъ одной баронессы письмо. Очень теплое и задушевное. Интересуется религіозными темами и, правда, нѣсколько запутанно, но искренно и правдиво ставитъ вопросъ о значеніи разума. Я все время обдумываю отвѣтъ ей; и вопросъ этотъ для меня все болѣе и болѣе уясняется.

Черезъ нѣсколько дней былъ готовъ слѣдующій отвѣтъ:

«Вы спрашиваете:

1) Слѣдуетъ-ли людямъ, не особенно выдающимся умственно, искать выраженія въ словахъ постигнутыхъ ими истинъ внутренней жизни?

2) Слѣдуетъ-ли добиваться въ своей внутренней жизни полной сознательности?—

и 3) Чѣмъ намъ руководиться въ минуты борьбы и колебанія, чтобы узнать, говоритъ-ли въ насъ дѣйствительно наша совѣсть или разсужденіе, подкупленное нашей слабостью?

Три вопроса эти, по моему, сводятся къ одному — второму, потому что, если не слѣдуетъ добиваться полной сознательности своей внутренней жизни, то и не слѣдуетъ и невозможно будетъ выразить словами постигнутыя нами истины, и въ минуты колебаній нечѣмъ будетъ руководиться для того,
296 чтобы узнать, говоритъ-ли въ насъ наша совѣсть или ложное разсужденіе.

Если же слѣдуетъ добиваться наибольшей, доступной разуму человѣка (какой бы ни былъ этотъ разумъ) сознательности, то и слѣдуетъ выражать словами постигнутыя нами истины и этими-то самыми, доведенными до полной сознательности и выраженными истинами и слѣдуетъ руководиться въ минуты борьбы и колебаній.

И потому я отвѣчаю на средній и коренной вопросъ вашъ положительно, именно, что всякій человѣкъ для исполненія своего назначенія на землѣ и для достиженія истиннаго блага (что всегда сходится) долженъ всѣ силы своего ума напрягать на уясненіе для самаго себя тѣхъ религіозныхъ основъ, которыми онъ живетъ, т. е. смысла своей жизни.

Я часто встрѣчалъ между безграмотными рабо-

чими землекопами, которымъ приходится вычислять кубическія мѣры, распространенное убѣжденіе, что математическое вычисленіе обманчиво, и что не надо довѣрять ему. Оттого-ли, что они не знаютъ математики, или оттого, что люди, математически вычислявшіе за нихъ, часто умышленно или неумышленно обманывали ихъ, но мнѣніе о недостовѣрности и негодности для опредѣленія мѣръ математики установилось между рабочими и сдѣлалось для большинства несомнѣнной истиной, которую они даже не считаютъ нужнымъ доказывать.

Такое же мнѣніе установилось и между людьми, — смѣло скажу, нерелигіозными, — мнѣніе о томъ, что разумъ не можетъ рѣшать вопросовъ религіозныхъ, что приложеніе разума къ этимъ вопросамъ есть главная причина заблужденій, что рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ разумомъ есть преступная гордость. Я говорю это къ тому, что выраженное въ вашихъ вопросахъ сомнѣніе о томъ, нужно-ли добиваться сознательности въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, можетъ быть основано только на этомъ предположеніи, именно о томъ, что разумъ не можетъ быть прилагаемъ къ рѣшенію религіозныхъ вопросовъ, а между тѣмъ такое предположеніе столь же странно и очевидно ложно, какъ и предположеніе о томъ, что вычислніе не можетъ рѣшить вопросовъ математическихъ.

Человѣку дано прямо отъ Бога только одно орудіе познанія себя и своего отношенія къ міру, — другого нѣтъ, — и орудіе это разумъ, и вдругъ ему говорятъ, что разумъ онъ можетъ употреблять на уясненіе своихъ домашнихъ, семейныхъ, хозяйственныхъ, политическихъ, научныхъ, художественныхъ

вопросовъ, но только не на уясненіе того, для чего онъ данъ ему;—что для уясненія самыхъ важныхъ истинъ, тѣхъ, отъ познанія которыхъ зависитъ вся жизнь его, человѣкъ никакъ не долженъ употреблять разумъ, а долженъ познавать эти истины помимо разума, тогда какъ помимо разума человѣкъ ничего познать не можетъ.

Говорятъ: познавай откровеніе вѣрой. Но и вѣрить человѣкъ не можетъ помимо разума. Если человѣкъ вѣритъ въ то и не вѣритъ въ это, то только потому, что разумъ его говоритъ ему, что въ это не надо, а въ это надо вѣрить. Сказать, что человѣкъ не долженъ руководиться разумомъ — это всеравно, что человѣку въ темномъ подземельѣ, несущему лампочку, сказать, что для того, чтобы ему выбраться изъ подземелья и найти путь, надо по-
298 тушить лампочку и руководиться не свѣтомъ, а чѣмъ-то другимъ.

Но, можетъ быть, скажутъ, какъ и вы говорите въ своемъ письмѣ, что не всѣ люди одарены большимъ умомъ и особенной способностью выражать свои мысли, и поэтому неумѣлое выраженіе своихъ мыслей о религіи можетъ повести къ заблужденію. На это отвѣчу словами Евангелія: «Что скрыто отъ мудрыхъ, открыто то младенцамъ». И это изреченіе не есть преувеличеніе и не парадоксъ, какъ принято судить о тѣхъ изреченіяхъ Евангелія, которыя намъ не нравятся, а это утвержденіе самой простой и несомнѣнной истины о томъ, что всякому существу въ мірѣ данъ законъ, которому существо это должно слѣдовать, и для познанія этого закона даны каждому существу соотвѣтственные органы.

И потому каждый человѣкъ одаренъ разумомъ и

въ разумѣ этомъ открытъ каждому человѣку законъ, которому онъ долженъ слѣдовать. Скрытъ этотъ законъ только отъ тѣхъ людей, которые не хотятъ слѣдовать ему, а для того, чтобы не слѣдовать закону, отрекаются отъ разума и вмѣсто того, чтобы для познанія истины пользоваться даннымъ для этого разумомъ, пользуются для этого взятыми на вѣру указаніями такихъ же, какъ и они, людей, отказавшихся отъ разума.

Законъ же, которому долженъ слѣдовать человѣкъ, такъ простъ, что онъ доступенъ каждому ребенку, тѣмъ болѣе, что человѣку не приходится самому вновь открывать законъ своей жизни. Люди, прежде него жившіе, открыли и выразили его, и человѣку нужно только провѣрить его своимъ разумомъ, принять или не принять тѣ положенія, которыя онъ находитъ выраженными въ преданіи, т. е. не такъ, какъ это совѣтуютъ дѣлать люди, желающіе не исполнять законъ, — преданіемъ повѣрять разумъ, а, напротивъ, разумомъ повѣрять преданіе. Преданія могутъ быть отъ людей и ложныя, а разумъ навѣрно прямо отъ Бога и не можетъ быть лживъ. И потому для познанія и выраженія истины не нужны никакія особенныя выдающіяся способности, а нужно только вѣрить въ то, что разумъ есть не только высшее божественное свойство человѣка, но и единственное орудіе познанія истины.

Особенный умъ и дарованія нужны бываютъ не для познанія и изложенія истины, а для придумыванія и для изложенія лжи. Разъ отступивъ отъ указаній разума, не повѣривъ ему, а повѣривъ на слово тому, что выдается за истину, люди нагромождаютъ и принимаютъ на вѣру обыкновенно въ видѣ

законовъ, откровеній, догматовъ такія ложныя, неестественныя, противорѣчивыя положенія, что для того, чтобы изложить ихъ и связать съ жизнью, нужна дѣйствительно большая тонкость ума и особенное дарованіе.

Только стоитъ представить себѣ человѣка нашего міра, воспитаннаго на религіозныхъ основахъ какого бы то ни было христіанскаго исповѣданія: католическаго, православнаго, протестантскаго, — который захочетъ уяснить себѣ религіозныя основы, привитыя ему съ дѣтства, и захочетъ связать ихъ съ жизнью, — какую сложную умственную работу онъ долженъ продѣлать, чтобы примирить всѣ противорѣчія, находящіяся въ привитомъ ему воспитаніемъ исповѣданіи.

Богъ, творецъ и благой, сотворилъ зло, казнитъ
300 людей и требуетъ искупленія и т. п., и мы исповѣдуемъ законъ любви и прощенія и казнимъ, воюемъ, отнимаемъ у нищихъ собственность и т. п., и т. п.

Такъ вотъ для распутыванія этихъ-то неразрѣшимыхъ противорѣчій, или, скорѣе, скрытія ихъ отъ себя нужно много ума и особенныхъ дарованій. Но для того, чтобы узнать законъ своей жизни или, какъ вы выражаетесь, привести въ полную сознательность свою вѣру не нужно никакихъ особенныхъ умственныхъ дарованій, нужно только не допускать ничего противнаго разуму, не отрицать разума, а религіозно беречь свой разумъ и вѣрить только ему.

Если смыслъ жизни человѣка представляется ему неяснымъ, то это доказываетъ не то, что разумъ не годится для уясненія этого смысла, а только то, что

допущено на вѣру слишкомъ много неразумнаго и надо откинуть все то, что не подтверждается разумомъ.

И потому отвѣтъ мой на коренной вопросъ вашъ о томъ, нужно ли добиваться сознательности въ своей внутренней жизни, — тотъ, что это самое нужное и важное дѣло, которое мы можемъ дѣлать въ жизни. Нужно и важно оно потому, что единственный разумный смыслъ нашей жизни состоитъ въ исполненіи воли пославшаго насъ въ эту жизнь Бога. Воля же Бога познается не какимъ-либо необыкновеннымъ чудомъ, написаніемъ божественнымъ пальцемъ закона на скрижаляхъ или составленіемъ черезъ посредство Святого Духа непогрѣшимой книги, или непогрѣшимостью какого-либо святого лица, или собранія людей, а только дѣятельностью разума всѣхъ людей, передающихъ другъ другу и дѣломъ, и словомъ все болѣе и болѣе уясняющіяся ихъ познанію истины. 301

Познаніе это никогда не бывало и не будетъ полное, а постоянно увеличивается по мѣрѣ движенія жизни человѣчества: чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ яснѣе и полнѣе мы познаемъ волю Бога и, слѣдовательно, и то, что мы должны дѣлать для исполненія ея.

И потому я думаю, что уясненіе каждымъ человѣкомъ, — какимъ бы онъ самъ и его ни считали маленькимъ (маленькіе-то и бываютъ большими),— всей той религіозной истины, которая доступна ему, и выраженіе ея словами (слова будутъ свидѣтельствовать о ясности мысли) — есть одна изъ самыхъ главныхъ и священныхъ обязанностей каждаго человѣка.

Очень радъ буду, если мой отвѣтъ хотя отчасти удовлетворитъ васъ. Извините, что долго не отвѣчалъ.

Левъ Толстой».

Ноябрь, 1894 г.

Письмо это было разослано въ спискахъ по общинамъ и пріобрѣло характеръ окружнаго посланія, которое потомъ породило много споровъ; такъ, къ тому времени среди послѣдователей Льва Николаевича ярко забила струя мистическаго догматизма и вызвала расщепъ движенія.

Многіе объявили открытую войну «разумности» и, пройдя небольшой путь исканій, снова плюхнули въ старую стихію привитаго имъ съ дѣтства исповѣданія. Были и такіе, что закончили монашествомъ и, какъ вѣрно предчувствовалъ Левъ Николаевичъ, ополчились на него за его раціонализмъ и желаніе все «уяснить».

— Знаю, знаю, — твердилъ Левъ Николаевичъ, когда до него доходили эти вѣсти. — Но я все-таки долженъ повторять одно: разумъ, разумъ и разумъ!.,

ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ.

О жизни и теперешнихъ трудахъ великаго писателя лица, прибывшія изъ Ясной Поляны, сообщаютъ много интересныхъ подробностей.

Полоса небывалыхъ снѣжныхъ заносовъ захватила и тихую Ясную Поляну съ ея 70 домишками, разсыпанными на отлогомъ взморьи у самыхъ границъ казенной засѣки.

Хатенки, лежащія внизу, занесены почти до крышъ.

Заметены и дороги.

Но Левъ Николаевичъ каждый день совершаетъ свои далекія прогулки верхомъ, кутаясь въ большой теплый платокъ, которымъ онъ чрезвычайно оригинально обвязывается. Середину наматываетъ на животъ, а концы захлестываетъ на плечи, потомъ на шею и завязываетъ узломъ на затылкѣ.

— Такъ теплѣе! — смѣется онъ. — Никуда продувать не будетъ. А, главное, животъ въ охранѣ.

— Но это ужъ усиленная охрана! — пробуютъ возразить домашніе.

— Именно, усиленная. Погодите, дойдемъ и до чрезвычайной.

Навѣщаетъ Л. Н. своихъ друзей почти ежедневно, дѣлая для этого верстъ шесть въ одну сторону, въ д. Овсянниковку, гдѣ живетъ старушка, удивительной души женщина, М. А. Шмидтъ, — и верстъ восемь въ другую сторону, гдѣ живетъ его другъ и послѣдователь П. А. Булыгинъ.

По утрамъ же Л. Н. усиленно занимается. Современные вопросы его очень волнуютъ и всякаго разріѣзжающаго свѣжаго человѣка онъ подробно разспрашиваетъ о теченіяхъ мысли и общественной жизни. Иногда пробѣгаетъ и газету. Его поражаетъ умѣніе нѣкоторыхъ публицистовъ писать такъ много и такъ спѣшно.

Объ одномъ изъ такихъ публицистовъ онъ скаламбурилъ:

— Онъ скорѣе Мельниковъ. И въ водѣ никогда не нуждается,— всегда черезъ край.

Задумалъ теперь Л. Н. большую работу, гдѣ намѣренъ изложить всѣ свои переживанія и вѣрованія, но такъ, чтобы и для дѣтей было понятно.

— Это мое завѣщаніе. Кажется, больше уже не успѣю ничего написать.

Очень часто зоветъ къ себѣ деревенскихъ дѣтей и читаетъ имъ написанное. Потомъ проситъ ихъ пересказать и уже съ ихъ пересказа все поправляетъ.

Это его старинный методъ, по которому написаны лучшія вещи его. Его знаменитая сказка «Богъ правду видитъ», которую онъ самъ считаетъ самымъ

выдающимся изъ всѣхъ его произведеній, написана тоже со словъ пересказа его маленькихъ учениковъ.

Готовящаяся книга носитъ характеръ дневника, и читавшіе ее разсказываютъ, что она изобилуетъ несравненными красотами, напоминающими перлы «Войны и Мира», и полна захватывающей глубины.

О юбилеѣ и предстоящихъ торжествахъ Л. Н. знаетъ и съ великой скромностью встрѣчаетъ всякую новую вѣсть объ этомъ.

— Ну, зачѣмъ? Сколько шума! Можно подумать, что я въ самомъ дѣлѣ замѣтный человѣкъ.

— Одно только хорошо, — добавилъ онъ,—это еще разъ сильнѣе напоминаетъ мнѣ о смерти. Напишите эпитафію и прочитайте обратно, — выйдетъ юбилей. И наоборотъ.

Когда близкій другъ его В. Г. Чертковъ, пріѣхавшій изъ Англіи и поселяющійся теперь около Ясной Поляны, спросилъ у Льва Николаевича, какой самый пріятный былъ бы для него юбилейный даръ отъ людей, онъ уклонился отъ отвѣта. 307

Но когда затѣмъ Чертковъ напомнилъ объ изданіи его сочиненій и о томъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными для всѣхъ, Л. Н. оживился и горячо подхватилъ:

— Ну, конечно, это было бы самое лучшее, что можно сдѣлать для меня.

Когда ему сказали, что съѣдутся со всего міра люди и пожелаютъ его привѣтствовать, онъ былъ очень тронутъ обнаруживающимся здѣсь единеніемъ.

— Только объ одномъ просилъ бы, — замѣтилъ онъ, — чтобы депутаціи не были многолюдны. Мнѣ хотѣлось бы съ каждымъ поговорить, каждому ска-

зать нѣсколько словъ и близко почувствовать его, а если соберется много, надо будетъ говорить ко всѣмъ сразу, а я этого не умѣю, — застыжусь и перезабуду, что нужно сказать.

Въ началѣ недѣли, въ воскресенье днемъ, Левъ Николаевичъ спустился сверху по лѣстницѣ въ кабинетъ, чтобъ поискать старинную, очень любимую имъ книгу индійскихъ сказаній, о которыхъ Л. Н. самаго высокаго мнѣнія. Его сопровождалъ молодой секретарь его, нѣкій г. Гусевъ, тотъ самый Гусевъ, который недавно, безвинно арестованный, былъ освобожденъ по просьбѣ Льва Николаевича, обра-

тившагося съ письмомъ къ П. А. Столыпину. Премьеръ-министръ отнесся съ большимъ вниманіемъ къ заступничеству великаго писателя и немедленно отдалъ въ Тулу приказъ выпустить Гусева.

Съ тѣхъ поръ молодой человѣкъ и живетъ въ домѣ Л. Н., которому онъ теперь помогаетъ въ его обширной перепискѣ съ лицами всѣхъ странъ. Г. Гусевъ шелъ сзади Л. Н., и, какъ только они приблизились къ большому до потолка березовому шкафу, Левъ Николаевичъ слегка покачнулся, протянулъ руки впередъ и, согнувъ голову, сталъ медленно опускаться на полъ. Гусевъ тотчасъ подхватилъ Л. Н., но не могъ удержать. На крикъ прибѣжали люди, и съ ихъ помощью Л. Н. былъ уложенъ на диванъ.

Дали знать Черткову, который тогда гостилъ тамъ, графинѣ, дочери и, когда они спустились

внизъ и подбѣжали къ дивану, Л. Н. уже раскрылъ глаза и съ мягкой, милой улыбкой, вздохнувъ, произнесъ:

— Какъ хорошо!.. Я такую радость испыталъ... Вы знаете...

Но тутъ окружающіе напомнили, что ему вредно теперь говорить.

— Нѣтъ, нѣтъ, — заторопился Л. Н. — Я хочу сказать, что былъ близокъ туда, — и такъ хорошо. Что-же будетъ, когда я совсѣмъ туда приду!?..

Потомъ Левъ Николаевичъ разсказывалъ:

— Когда я былъ въ обморокѣ, я переживалъ тоже, что чувствовалъ лѣтъ 25 тому назадъ, когда рѣшался вопросъ моей жизни. И такъ же, какъ тогда, мнѣ сначала казалось, что иду внизъ, что скольжу спиной въ ужасную пропасть, что я вишу надъ ней, а потомъ, когда я поднялъ голову и сталъ глядѣть вверхъ, я почувствовалъ, что тѣло мое держится на крѣпкихъ помочахъ и подъ головою столбъ, прочно утвержденный. Это и есть чувство вѣры. И я радуюсь, что оно не оставляетъ меня въ самыя темныя для разума минуты. Я даже думаю теперь, что въ эти темныя минуты закрѣпляется въ душѣ высшее чувство, какъ закрѣпляется въ темной же комнатѣ снимокъ фотографа. Получилъ онъ его при свѣтѣ, а закрѣпляетъ въ темнотѣ.

Такъ и съ душой. Работаетъ она при свѣтѣ разума и отпечатлѣваетъ образъ Его, но закрѣпить этотъ образъ и знать, что онъ твой навсегда, можно только тогда, когда ты чувствуешь его въ минуты, далекія отъ сознанія. Тогда можешь сказать себѣ, что ты дѣйствительно сроднился съ нимъ. И я радъ, что чувствую это.

На другой день Л. Н. уже принимался за свою обычную работу — въ формѣ дневника излагать свои переживанія и вѣрованія. Онъ даже на этой недѣлѣ началъ писать новую большую статью подъ названіемъ: «Современное положеніе человѣчества».

Читавшіе черновикъ передаютъ, что въ статьѣ много новыхъ, своебразныхъ мыслей, и вопросъ о положеніи всего рода людского освѣщенъ съ большой глубиной и неподражаемымъ проникновеніемъ въ основу человѣческой жизни.

— Разъ Онъ меня оставляетъ еще жить, — говоритъ Л. Н., — значитъ, Онъ хочетъ, чтобъ я это сказалъ. И я постараюсь сказать.

Еще многое можетъ дать міру великій духъ геніальнаго мыслителя и художника.

КЪ СЛУХАМЪ
о Л. Н. ТОЛСТОМЪ.

Въ Ясной Полянѣ и ближайшемъ округѣ такъ объясняютъ возникновеніе нелѣпыхъ слуховъ о трагической кончинѣ великаго писателя.

Недѣли двѣ тому назадъ была ограблена въ с. Ясенкахъ (6 вер. отъ Ясной Поляны) почта на 900 руб. и нападавшіе, скрываясь отъ погони, забѣжали въ сосѣднюю съ имѣніемъ дочери Толстого рощу, принадлежащую генеральшѣ Звегинцевой.

Тотчасъ со двора имѣнія генеральши отправились люди съ ружьями и собаками; роща была обложена со всѣхъ сторонъ и грабители были выслѣжены и схвачены.

Начался жестокій самосудъ и схваченныхъ полумертвыми передали въ руки властей.

Спустя недѣлю у опушки лѣса, принадлежащаго къ яснополянскому имѣнію, появились какіе-то молодые люди и стали спрашивать, чье это имѣніе. Имъ сказали, что имѣніе графа Толстого.

— Та-акъ! — многозначительно произнесли спрашивавшіе. — А гдѣ же имѣніе Звегинцевой?

Имъ показали.

Когда молодые люди (ихъ было 7 человѣкъ) подошли къ рощицѣ генеральши, на барскомъ дворѣ уже знали, что появились «забастовщики», какъ въ той мѣстности называютъ анархистовъ, что они отмстить пришли, и изъ рощи показались скакавшіе всадники: охотникъ, кучеръ и стражникъ.

Увидавъ скачущихъ, «забастовщики» повернули и, пересѣкши дорогу, — Муравку, Кіевскій большакъ, — подбѣжали къ околицѣ с. Кочаковъ. Всадники догнали ихъ въ этомъ мѣстѣ, окружили и крикнули: «Руки вверхъ! Сдавайтесь!».

Молодые люди подняли руки, а одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ кармана револьверъ.

Охотникъ слѣзъ съ коня, нагнулся, чтобы поднять револьверъ, но въ это время одинъ изъ анархистовъ,
314 со словами: «вотъ тебѣ руки вверхъ!» — всадилъ ему пулю въ затылокъ. Охотникъ палъ мертвъ. Послѣдовалъ еще одинъ выстрѣлъ и съ лошади свалился кучеръ. Третьимъ выстрѣломъ была убита лошадь подъ стражникомъ, и стражникъ, побросавъ винтовку и шашку, въ страхѣ пустился бѣжать и скрылся въ деревнѣ.

Анархисты пристрѣлили и остальныхъ двухъ лошадей, чтобъ не было погони, и убѣжали.

Это видѣли многіе изъ крестьянъ, но никто не рѣшался погнаться за ними, не рѣшаясь даже подойти къ убитымъ.

Такъ они и пролежали до прубытія властей.

Вѣсть о событіи вмигъ облетѣла всю округу и породила легенду о Толстомъ, и люди второпяхъ, не разобравъ по началу, въ чемъ дѣло, и слыша только, что говорили объ имѣніи Толстого и что есть

убитые, создали легенду о потрясающей катастрофѣ, постигшей семью писателя, и о томъ, что убитъ самъ **Толстой.**

Воображеніе рисовало ужасы и тѣ подробности, какія на лету схватывались объ убійствѣ кучера и охотника, превращались въ ужасную картину нападенія на семью Толстого, и легенда рисовала знаменитаго писателя распростертымъ на землѣ, истекающимъ кровью, и даже какія-то прощальныя слова вкладывали ему въ умирающія уста.

Легенда быстро домчалась до Москвы, докатилась до Петербурга, перебралась въ Европу, полетѣла за океанъ, — и сотни запросовъ посыпались въ Ясную.

Когда Левъ Николаевичъ узналъ объ этомъ, онъ добродушно замѣтилъ:

— Ну, что жъ? Всѣ помирать будемъ. А умереть въ постели, на морѣ или отъ чего другого, — это Онъ знаетъ уже, что лучше.

КЪ ОБСТРѢЛУ ДОМА
Л. Н. ТОЛСТОГО.

По поводу нашумѣвшаго обстрѣла дома Л. Н. Толстого я получилъ изъ Ясной Поляны сообщеніе, что никакого обстрѣла дома не было.

Крестьяне и не думали нападать на домъ, а тѣмъ болѣе на великаго старца, очень чтимаго ими.

Былъ споръ изъ-за присваиваемаго крестьянами барскаго лѣса, давно уже перешедшаго во владѣніе графини С. А. Толстой, и крестьяне попугали сторожей.

Между тѣмъ, къ губернатору въ Тулу послана была тревожная эстафета о разгромѣ Ясной Поляны, и губернаторъ немедленно прислалъ стражниковъ и приставовъ.

А по всему міру полетѣли телеграммы о «покушеніи» на гр. Л. Н. Толстого.

Стражники находятся и до сихъ поръ въ деревнѣ, и это только сильно тяготитъ впечатлительную душу Льва Николаевича, который лишенъ теперь дорогого для него общенія съ крестьянами. Какъ только онъ выйдетъ за ограду своего стариннаго дѣдов-

скаго парка и увидитъ всегда мирную и тихую, а теперь наполненную вооруженными людьми деревню, сожмется болью и досадой его сердце, и онъ съ поникшей головой бредетъ назадъ. Онъ въ заточенiи.

АДРЕСЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Въ почтовомъ отдѣленіи на Итальянской длинная
лента подавателей покорно вытянулась вдоль длин-
323 ной полированной стойки и покорно ждетъ.

Посылки поставлены ребромъ, сопроводительныя бланки у всѣхъ въ рукахъ, всѣ мнутся, переминаются съ ноги на ногу, а впередъ не двигаются.

— Заторъ! — шутятъ нѣкоторые.

— Застопорилось — добавляютъ другіе. — Ишь, съ одной посылкой уже скоро полчаса возятся и все ходу нѣтъ.

— Барышня, барышня! Нельзя-ли поскорѣе?

Барышня, раскраснѣвшись и волнуясь, нервно перелистываетъ старые засаленные съ загнутыми кончиками листы толстой справочной книги.

— Да вотъ не найду никакъ! — пробуетъ она оправдаться. — Семенъ Матвѣевичъ, можетъ быть вы знаете? Какая ближайшая станція Ясной Поляны. Какъ туда посылку адресовать?

Семенъ Матвѣевичъ, черненькій съ лукавыми

глазками и высокимъ, туго подпирающимъ бритый подбородокъ воротникомъ чиновникъ мягко перегнулся черезъ спинку стула, посмотрѣлъ на посылку, посмотрѣлъ на чиновницу и съ видомъ не то укора, не то удовольствія, что къ нему обратились, — шепчетъ ей:

— Козлово-Засѣка!..

Та не разслышала.

— Я говорю Козлово-Засѣка! — уже громко крикнулъ чиновникъ, и видно было, что съ натуги надулись у него жилы на лбу. — Я знаю навѣрное.

Чиновница взяла, исправила на посылкѣ надпись: вмѣсто Ясная Поляна—Козлово-Засѣка, — и собиралась уже квитанцію писать; но, вспомнивъ что-то, опять взяла книгу и опять стала засаленные листы перелистывать...

324 Публика ждетъ, волнуется. Уже слышны сердитые окрики:

— Когда же конецъ?

Долго возилась съ книгою барышня и, видя что-то, торжествующе вскрикнула:

— Вы ошиблись, Семенъ Матвѣичъ. Во-первыхъ, не Козлово-Засѣка, а Козловка Засѣка, во-вторыхъ, на Козловку нельзя посылокъ посылать, тамъ нѣтъ почтовой станціи... Господи, ну, да что же это будетъ?

Подаватель въ формѣ служителя публичной библіотеки виноватымъ голосомъ тихо говорилъ:

— Ужъ и самъ не знаю. У насъ всегда такъ пишутъ. Просто: Ясная Поляна, графу Толстому. Мы много книжекъ ему посылаемъ. Все заграничныя больше. Вотъ и въ этой посылкѣ американскія книж-

ки изъ Америки прислали, а коммисія по международному обмѣну изданій графу посылаетъ.

— Хороша коммисія, — слышенъ изъ публики голосъ. — Не знаетъ точнаго адреса Толстого. Пишите, барышня: въ село Ясенки, Крапивинскаго уѣзда, Тульской губерніи. Тамъ почта есть, и туда можно посылки посылать. Отъ Ясной Поляны 6 верстъ, и каждый день верховой ѣдетъ за письмами въ Ясную. Это ближайшій адресъ для посылокъ и денегъ.

Барышня быстро нашла въ книгѣ с. Ясенки.

— Вѣрно, говоритъ, есть! Теперь будемъ и мы знать адресъ Толстого.

Она быстро исправила надпись, выдала квитанцію, — и струя подавателей потекла обычнымъ теченіемъ.

Служитель публичной библіотеки продолжалъ объяснять:

— Раньше мы отправляли казенными пакетами и писали просто въ Ясную Поляну, и ничего, доходило, а теперь отняли у коммисіи льготу и надо посылать частной посылкой, надо платить деньги и надо писать адресъ точно.

Тѣмъ удивительнѣе такая халатность со стороны коммисіи по международному обмѣну.

Если иностранцы пишутъ: Россія, Толстому, а одинъ французъ даже разъ написалъ: Россія, автору: «Въ чемъ моя вѣра?», то имъ это простительно и на границѣ почтамтскій чиновникъ дополнилъ адреса.

Но ученому учрежденію и въ самой Россіи, кажется, подъ стать было обнаружить большія познанія.

ЛЕГЕНДА ОБЪ
АЛЕКСАНДРѢ МАКЕДОНСКОМЪ.

Зашла рѣчь о праздничной литературѣ, и Л. Н. сказалъ:

— Конечно, это какъ будто бы эффектнѣе, если въ рождественскомъ разсказѣ говорится о Рождествѣ, а въ пасхальномъ — о Пасхѣ. Но вымученность, нарочитая подогнанность и вслѣдствіе этого худосочіе сюжета съ трафаретнымъ сантиментализмомъ убиваютъ вещь и дѣлаютъ ее похожей на жалкую «кондитерію», непитательную и нездоровую, которую тоже къ этимъ праздникамъ обильно выставляютъ въ окнахъ магазиновъ и булочныхъ. Людямъ хлѣбъ нуженъ, а не сахарные и плохо раскусываемые барашки. И мнѣ всегда казалось мизерной и недостойной для писателя работой стряпаніе праздничныхъ разсказовъ или легендъ. И я ни одной такой вещи не написалъ.

Я понимаю, что хочется читателямъ преподнести матеріалъ и не очень сложный, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимательный и поучительный, — это всегда хо-

рошо, а праздниками тѣмъ болѣе, — но тогда зачѣмъ же ограничивать выборъ литературной вещи, именно, рождественскимъ или пасхальнымъ сюжетомъ? Сколько есть, напримѣръ, легендъ прекрасныхъ и глубокихъ по замыслу, но сырыхъ и не обработанныхъ, и если немного ихъ отдѣлать, то былъ бы превосходный, удобочитаемый и поучительный матеріалъ для всѣхъ круговъ праздничныхъ читателей, хотя въ этихъ сказаніяхъ и легендахъ нѣтъ и помина о Рождествѣ или Пасхѣ.

Недавно, напримѣръ, я просматривалъ сборникъ старинныхъ еврейскихъ сказаній и съ большимъ удовольствіемъ набрелъ на сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ, которое можно было бы немного обработать, и вышла бы хрошая вещь для любого праздника.

330 Вотъ это сказаніе.

Углубившись въ своихъ походахъ далеко на Востокъ, пришелъ Александръ въ дивную страну, гдѣ все цвѣло и радовалось.

Жители вышли его встрѣтить и вынесли на золотомъ столѣ золотой хлѣбъ и золотыя яблоки.

— Развѣ у васъ ѣдятъ золото? — спросилъ ихъ изумленный завоеватель.

— Нѣтъ, — отвѣчали послы. — Но если тебѣ нуженъ хлѣбъ, то развѣ его нѣтъ въ твоей странѣ, что ты пошелъ такъ далеко искать его?

Понравился Александру отвѣтъ, и онъ пожелалъ видѣть жизнь этихъ людей.

Вотъ сидитъ онъ у царя той страны и видитъ, какъ пришли къ нему судиться два человѣка.

— Государь, — началъ одинъ изъ нихъ, — я купилъ у этого человѣка пустошь. Хотѣлъ построить-

ся, началъ рыть землю, чтобъ заложить основу дому, и нашелъ кладъ. Много золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Я и говорю ему: — «Твой кладъ. Возьми себѣ. Я купилъ у тебя только землю, но не кладъ». Не правъ-ли я, великій государь? Вели ему взять найденное.

Тогда другой началъ:

— Праведный царь! И я боюсь чужое взять себѣ. Я продалъ ему пустошь и все, что въ ней находится. Кладъ его. Вели ему взять.

Подумалъ царь, подозвалъ того, который первымъ говорилъ, и спрашиваетъ:

— Есть-ли у тебя сынъ?

— По милости Бога, есть, государь.

— А у тебя есть дочь? — спросилъ онъ у другого.

— Господь удостоилъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ спросите ихъ, — если они желаютъ стать мужемъ и женой, то выньте кладъ изъ земли и отдайте имъ въ приданое. А если не пожелаютъ,— обратился онъ къ купившему пустошь, — то зарой кладъ опять и строй домъ на немъ.

Судившіеся ушли довольные и счастливые.

Александръ былъ изумленъ и воскликнулъ:

— Ну, и страна!

— Развѣ я не хорошо разсудилъ? — спросилъ царь. — А какъ бы рѣшили у васъ?

— У насъ, — отвѣтилъ Александръ, — сослали бы и того, и другого, а кладъ забрали бы въ казну.

Царь поднялъ глаза къ небу:

— Великій Боже! И свѣтитъ солнце въ вашей странѣ?

— Свѣтитъ.

— И дождь падаетъ?

— Падаетъ.

— Стало быть, у васъ есть животныя, ради которыхъ солнце свѣтитъ и дождь идетъ. Ибо люди, столь грѣшные и неправосудные, недостойны небесной благодати.

И устыдился Александръ...

КОЛОНИЗАЦІЯ ЕВРЕЕВЪ.

Лѣтомъ 1894 года получилъ я въ Полтавѣ такое письмо:

«Многоуважаемый Исаакъ Борисовичъ! Пишущій эти строки ѣздилъ по порученію редакціи «Восхода» въ Ясную Поляну совмѣстно съ американскимъ проповѣдникомъ д-ромъ Іосифомъ Крауснопфомъ. Д-ръ К. желалъ выслушать мнѣніе графа Льва Николаевича по вопросу о евреяхъ, вообще, и о возможности ихъ колнизаціи въ предѣлахъ Рсссіи, въ частности. Л. Н. отнесся очень сочувственно къ проекту д-ра К., внимательно выслушалъ нѣкоторыя указанія, сдѣланныя мною, и обѣщалъ спеціально написать по этому вопросу. Между прочимъ Левъ Ник. снабдилъ д-ра К. письмецомъ къ вамъ, какъ къ убѣжденному стороннику идеи колонизаціи. Но, къ сожалѣнію, д-ру К. никакъ не удается устроиться такъ, чтобы при поѣздкѣ по югу Россіи побывать въ Полтавѣ. Завтра утромъ мы ѣдемъ въ Александровскъ, чтобы осмотрѣть еврейскія колоніи Алек-

сандровскаго уѣзда, а оттуда д-ръ К. поѣдетъ въ Одессу. Нельзя-ли какъ-нибудь вамъ, многоуважаемый И. Б., выѣхать либо въ Александровскъ, либо въ Одессу и предварительно увѣдомить о томъ д-ра Крауснопфа по телеграфу? Докторъ охотно бы съ вами побесѣдовалъ, но ему невозможно измѣнить свой маршрутъ, къ тому же въ Александровскѣ я съ нимъ разстаюсь и уѣзжаю обратно въ С.-Петербургъ, такъ что ему труднѣе будетъ оріентироваться. Итакъ, сообразите, поскольку осуществима такая встрѣча, и сообщите о вашемъ рѣшеніи. Съ истиннымъ почтеніемъ Л. Брамсонъ».

Меня обрадовало это письмо не тѣмъ, что въ Россію пріѣхалъ американецъ и что-то хочетъ сдѣлать для евреевъ, — меня порадовало то, что Левъ Николаевичъ сталъ близокъ дѣлу колонизаціи, и
 что, можетъ быть, теперь, наконецъ, это святое дѣло приметъ радостный, высокій оборотъ. — Я тотчасъ отправилъ ему письмо съ запросомъ объ американцѣ, о томъ, стоитъ-ли къ нему ѣхать. Левъ Николаевичъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Американецъ-еврей, проповѣдникъ, пріѣхалъ ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы русскимъ евреямъ отвели землю для колонизаціи въ Россіи. Они же въ Америкѣ соберутъ капиталы для обзаведенія этихъ колоній и пришлютъ руководителей. — Планъ хорошъ, но сомнительно, чтобы правительство согласилось. Все-таки я имъ выразилъ свое полное сочувствіе и далъ записку къ вамъ, думая, что вы можете ему дать хорошій совѣтъ. Ѣхать вамъ къ нему не стоитъ. Человѣкъ совсѣмъ чуждый по духу. Онъ оставилъ мнѣ книжку своихъ проповѣдей, въ одной изъ которыхъ доказывается,

что не слѣдуетъ подставлять другую щеку и отдавать кафтанъ, а слѣдуетъ показать кулакъ и кнутъ, чтобы васъ не ударили еще и не взяли кафтанъ.

Радуюсь вашей дѣятельности. Прощайте пока, привѣтъ вашимъ друзьямъ. Любящій васъ Л. Толстой».

Такъ я и не поѣхалъ къ американцу. Миссія его, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ, и это огорчило Льва Николаевича.

— Что-то возмутительно-нелѣпое, — сказалъ онъ, — лежитъ въ этомъ дикомъ упрямствѣ одичавшаго чиновничества, которое съ свирѣпой послѣдовательностью мучитъ и угнетаетъ уже и такъ измученный еврейскій народъ. Что мѣшаетъ этимъ бумажнымъ департаментамъ Петербурга дать возможность истомленному народу вновь взяться за свою старую, давнюю и такъ глубоко чтимую имъ земельную работу. Вѣдь важно только отвести какой-нибудь уголъ или, не отводя угла, просто разрѣшить повсемѣстное селеніе въ деревняхъ земледѣльцамъ-евреямъ, и окоченѣвшія ноги засидѣвшагося на корточкахъ народа выпрямятся, и онъ снова оживетъ. Но наши приказывающіе люди, отдавшись своей страсти приказывать, не любятъ разрѣшеній. Они скорѣе согласились бы снова возродить къ жизни насильственное переселеніе евреевъ на землю съ палочными надзирателями, какъ это было при Аракчеевѣ и при Фараонахъ въ Египтѣ,— чѣмъ убрать на время свои когти запретовъ и исключеній.

Но будетъ часъ — и вы увидите, какъ все пойдетъ по-иному. Уже черезчуръ устали мы отъ ужасовъ приказа.

СІОНИЗМЪ.

Левъ Николаевичъ шелъ по парку, совершая свою утреннюю прогулку, и нарочно избѣгалъ тропочекъ и натоптанныхъ мѣстъ. Онъ шелъ быстро (я едва-едва поспѣвалъ за нимъ) и напроломъ, умѣло лавируя между деревьями и ловко во-время нагибаясь подъ вѣтками тѣсно сгрудившихся высокихъ липъ, съ ихъ задумчиво нависшими шапками густой листвы, отъ которой исходила благоговѣйная тѣнь и тихая прохлада.

Бесѣда сначала шла о клерикализмѣ во Франціи (1901 г.), а потомъ незамѣтно перешла на сіонизмъ.

— Это движеніе, — сказалъ Левъ Николаевичъ, когда мы вышли на поляну, — всегда интересовало меня не тѣмъ, что оно даетъ народу своему выходъ изъ тягостнаго положенія, — выхода этого оно не даетъ ему, — а тѣмъ яркимъ примѣромъ огромнаго вліянія, которому могутъ поддаться иногда много пережившіе люди и испытавшіе въ своей жизни всю тщету извѣстной затѣи. — На нашихъ глазахъ ста-

рый, умный и многоопытный народъ, давно переболѣвшій одной изъ ужасныхъ болѣзней человѣчества, — теперь вновь заболѣваетъ ею. Въ немъ вновь заговариваетъ жажда государственности и недоброе желаніе править и играть роль. Вновь хочется обзавестись всей этой бутафоріей внѣшняго націонализма, съ ея войсками, знаменами и собственной формулой на заголовкахъ приговоровъ суда. Мнѣ кажется только — жаль, я не живу съ евреями и мало знаю этотъ народъ (вотъ вы это должны знать лучше меня), — мнѣ кажется только, что далеко не всѣ охвачены этой мрачной страстью, ведущей къ вѣрной гибели людей путемъ раздора и истощенія и неизбѣжной остановки свѣтлой работы духа напрасно волнуемаго тревожными желаніями насилій и захвата. — Я думаю, что этой болѣзнью «возрожденія», а въ сущности вырожденія заболѣли только краевые стебли народной нивы, наиболѣе слабая и податливая часть народа, любящая умствовать и завидующая ложному блеску европейскихъ націй.

Вожди движенія, сами не сознавая, впали въ ужасный грѣхъ отдѣленія себя отъ другихъ и нарочито утрамбовываютъ этотъ грѣхъ въ сознаніи людей, которымъ они представляютъ это дѣло совсѣмъ не въ томъ видѣ, какой оно на самомъ дѣлѣ имѣетъ.

Они все время твердятъ, что сіонизмъ — это прогрессивное движеніе народнаго духа, желающаго сбросить, наконецъ, оковы плѣна и дать возможность народу жить свободной самостоятельной жизнью на святыхъ холмахъ старины, гдѣ погребено ихъ великое прошлое. Кажется, вы сами мнѣ разсказывали о томъ проповѣдникѣ, который въ Тулѣ, въ синагогѣ билъ себя въ грудь и рыдая звалъ людей въ

Палестину и говорилъ: «Мы тамъ увидимъ камень, на которомъ сидѣлъ Іаковъ, и будемъ топтать дорогу, по которой ходилъ Авраамъ. Это будитъ чувства наши!»

Но въ томъ-то и ужасъ весь, что движеніе это и не прогрессивно, и не народно, и не будетъ никакихъ чувствъ.

Камень Іакова или тропинка Авраама — это такія далекія для духа вещи, которыя не могутъ поднять народъ и дать ему страннический посохъ въ руки. Народъ не археологъ и для раскопокъ онъ не двинется 10-милліонной ордой съ привычныхъ мѣстъ, гдѣ уже многія поколѣнія живутъ, и гдѣ онъ чувствуетъ себя болѣе роднымъ, чѣмъ среди камней Іакова и тропинокъ Авраама. — Это видно на тѣхъ, которые уѣзжаютъ въ Америку и потомъ не выносятъ мукъ разлуки и, настрадавшіеся и истомившіеся, возвращаются опять и цѣлуютъ землю родины, черную землю той самой Россіи, которую они все-таки любятъ, несмотря на то, что желчные притѣснители до потери совѣсти и стыда стараются создать здѣсь изъ жизни евреевъ полуадъ мученій.

Наконецъ, если бы память о святыняхъ Палестины была дѣйствительно такъ сильна и жажда жить тамъ была бы такъ присуща еврейскому народу, то, Боже мой, сколько случаевъ было за всѣ эти 1800 лѣтъ 20 разъ вернуться туда и опять зажить на старыхъ мѣстахъ.

Но народъ сознательно не желалъ этого, какъ онъ не желаетъ этого впрочемъ и теперь. Да, и поэтому-то я и считаю сіонизмъ не народнымъ. Истинная глубина еврейскаго духа противъ обособленнаго территоріальнаго отечества.

Онъ не хочетъ старой игрушки государства и разъ и на всегда отказался отъ нея. — Я не могу безъ умиленія вспомнить прекрасное сказаніе объ одномъ еврейскомъ мудрецѣ временъ паденія Іерусалима. Онъ оказалъ большую услугу Веспасіану, и тотъ предложилъ ему просить все, что угодно, — онъ все исполнитъ. Казалось-бы, былъ прекрасный случай просить о снятіи осады и возвращеніи прежней свободы для страны. Но мудрецъ сказалъ:

— Позволь мнѣ съ учениками моими удалиться въ городъ Ямнію и основать тамъ школу для изученія Торы.

Дикъ и страшенъ былъ этотъ отвѣтъ мудреца для озвѣрѣлаго въ походахъ и рѣзнѣ римлянина.

Но это былъ сознательный высокой силы и красивый отвѣтъ всего народа.

344 Мудрецъ вѣрно понялъ сокровенную тайну духа его и требовалъ малаго на видъ. Но это малое было то горчичное зерно, которое меньше всѣхъ, но которое на самомъ дѣлѣ даетъ злакъ, размѣромъ большій всѣхъ.

Этотъ добровольный удѣлъ мудреца — эта мѣна тлѣна на духовное — есть наиболѣе величественный моментъ въ исторіи еврейства, моментъ еще недостаточно оцѣненный и, можетъ быть, еще даже не использованный самимъ народомъ.

И народъ это чувствуетъ, и всѣми силами противится, не желая ринуться въ старую авантюру, чуждую его душѣ.

Не земля, а Книга сдѣлалась его отечествомъ. И это одно изъ великолѣпнѣйшихъ зрѣлищъ въ исторіи, лучшее призваніе, какое только можетъ пожелать себѣ человѣкъ. — Погруженный въ эту Книгу-

книгъ, онъ не замѣтилъ, какъ надъ его головой прошли вѣка, толпились и сметались народы съ лица земли, какъ новыя страны были открыты и паръ заклокоталъ на землѣ, а черный ѣдкій дымъ фабричныхъ трубъ застлалъ ясное небо для людей, въ слѣпотѣ разгуливающихъ подъ густою сѣткой проволокъ, по которымъ нѣмая, но жестокая сила натираемаго янтаря разноситъ вѣсти одна другой жесточе, одна другой кровавѣе и безумнѣе, какихъ еще никогда не слышалъ міръ.

Этотъ шумъ каскадомъ несущейся въ пропасть культуры, разжигающей въ людяхъ только жалкія хотѣнія ничтожныхъ удобствъ, не коснулся ушей великаго странника, занятаго чтеніемъ великой Книги. И только ѣдкая пѣна брызжущаго каскада силится захлеснуть святыя страницы и покрыть ихъ ржавыми пятнами насмѣшки и невѣрія.

А вожди сіонизма еще помогаютъ работѣ этой пѣны, величественно игнорируя религіозный вопросъ и выставляя на видъ одну только эмиграцію и политику, политику и эмиграцію.

— Соберемся раньше со всѣхъ сторонъ, — говорятъ они, — а потомъ и религію выработаемъ.

Это столько же неестественно и неумно, сколько и не народно, и именно по отношенію къ евреямъ. Вспоминается великолѣпная глава Второзаконія, гдѣ послѣ громовыхъ словъ о проклятіи и благословеніи молодой духъ нарождающагося народа проникновенно говоритъ слова глубокаго значенія: «Когда придутъ на тебя всѣ слова сіи — благословеніе и проклятіе, и примешь ихъ къ сердцу своему среди всѣхъ народовъ, въ которыхъ разсѣетъ тебя Господь, и обратишься къ Господу Богу твоему и послуша-

ешь гласа Его и сыны твои отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей — тогда Господь Богъ твой возвратитъ плѣнныхъ твоихъ и умилосердится надъ тобою и опять соберетъ тебя отъ всѣхъ народовъ, между которыми разсѣетъ тебя Господь Богъ твой, и приведетъ тебя въ землю, которою владѣли отцы твои и т. д.».

Вотъ чаяніе народа.

Прежде обратиться къ Богу, а Богъ уже самъ сдѣлаетъ Свое дѣло и дастъ народу мѣсто и облагодѣтельствуетъ его болѣе, чѣмъ отцовъ.

Вожди сіонизма разсуждаютъ иначе.

Они какъ бы помѣнялись ролями съ Богомъ. Они хотятъ собрать евреевъ отъ всѣхъ народовъ въ страну отцовъ, а тамъ уже Богъ позаботится о томъ, чтобы народъ обратился сердцемъ къ Нему.

346 И Богъ говоритъ имъ:

— Попробуйте. Сдѣлайте Мою работу.

И отворачивается отъ нихъ.

И вотъ въ тѣни Божьяго участія возникаютъ дѣтскіе колоніальные банки, игрушечные конгрессы съ малыми и большими comités которые, никѣмъ не уполномоченные, ведутъ никому ненужные переговоры о дѣтскихъ хлопушкахъ вродѣ чартера и милостей султана. Народъ видитъ всю тщету этихъ затѣй и тоже отворачивается отъ этого движенія. Не Божье оно дѣло, слишкомъ много въ немъ человѣческаго, надуманнаго, рецептурнаго.

Вотъ почему, я слышу, раздаются даже проклятія среди раввиновъ, осуждающія сіонизмъ, какъ чуждое народу ученіе и грозящее ему большимъ несчастіемъ. И, право, несмотря на то, что это говорятъ ортодоксы, обыкновенно занимающіе темную

позицію въ духовныхъ вопросахъ, но здѣсь еврейская ортодоксія стоитъ на твердой почвѣ и ея сопротивленіе вполнѣ законное.

Обычное мнѣніе, будто сіонизмъ содѣйствуетъ подъему національнаго самосознанія (такъ любятъ пышно выражаться адепты этого ученія), на самомъ дѣлѣ, какъ оказывается, не оправдывается. Истинно національнаго въ немъ ничего нѣтъ. Интересуясь этимъ вопросомъ, который пресса взбиваетъ, какъ женщины взбиваютъ бѣлокъ въ высокую, пышную пѣну, я просматривалъ нѣкоторыя сіонистскія изданія съ старой эмблемой въ видѣ двухъ переплетшихся треугольниковъ. Въ одной изъ этихъ книжечекъ мнѣ попалось изображеніе маленькой дѣвочки съ милымъ, круглымъ лицомъ и съ пухлыми ручками, сложенными на груди. Глазки молитвенно смотрятъ вверхъ и бесѣдуютъ съ Богомъ въ синевѣ небесъ. 347

Подъ этой картиной можно было бы смѣло подписать: «Pater noster», «Fater unser», «Отче нашъ», и вообще какой угодно европейскій переводъ знаменитой молитвы Христа, потому что лицо дѣвочки — выхоленное, изнѣженное, круглое со всѣми наслѣдственными признаками арійской расы, населяющей Европу, и меньше всего похоже на еврейское дитя. Между тѣмъ, подъ картинкой надпись: «Ma tovu», т. е. первыя слова утренней еврейской молитвы. Въ этой маленькой фальши ярко отразилась вся неудачливость націоналистической окраски, въ которую рядится сіонизмъ. Онъ самъ кость отъ кости и плоть отъ плоти современнаго европеизма, его изнѣженное слабое дитя, подражающее игрѣ старшихъ, создающихъ карточные домики государствъ, а на головѣ повязка съ надписью изъ еврейскихъ буквъ,

Не глубокое море народности, не высокой пробы націонализмъ!

Но еще менѣе въ этомъ движеніи, скроенномъ на европейскій манеръ, передового духа, нѣтъ характера прогресса, о которомъ такъ рѣчисто говорятъ на конгрессахъ.

И это поражаетъ больше всего.

Если вожаки сіонизма, вообще люди чуткіе и умные, но далекіе отъ народа своего, не могли создать здороваго народнаго движенія, то ихъ въ этомъ винить нельзя. Они желаютъ что-то сдѣлать, но не въ состояніи. Если же эти самые люди, при всей своей чуткости ко всему передовому и выдающемуся, не уразумѣли того, чѣмъ дѣйствительно движется высшая жизнь Европы и чѣмъ такъ сильны верхи европейскаго ума, — то этого ужъ имъ
 простить никакъ нельзя. Повѣривъ, будто сила Европы въ ея государственности, т. е. пушечной силѣ со всѣми ужасами сопутствующаго ей милитаризма, они надумали и своего старца нарядить въ доспѣхи воина и дать ему штуцеръ въ руки. Захотѣлось создать Jvdenstaat. Вѣдь теперь все лучшее въ Европѣ, да и въ Америкѣ, все думающее сколько-нибудь правдиво и искренно, все это до глубины души возмущается безуміемъ и ужасомъ этой пучины, куда очертя голову летитъ кубаремъ одичалое человѣчество, называемое цивилизованнымъ.

Все свѣтлое, умное и не-порабощенное страхомъ и деньгами — всѣми силами старается образумить людей и напоминать имъ что вовсе не силой пушечной государственности сильно человѣчество и не въ страсти обособляться и жить въ чуланчикахъ будущее для людей. Истинно передовое, истинно про-

грессивное видитъ счастье людей какъ разъ въ обратномъ, въ широкомъ единеніи и въ полномъ отсутствіи пушекъ и мортиръ и тѣхъ групповыхъ соединеній, которыя теперь только и держатся силою мортиръ и губятъ этимъ жизнь людей. Противъ обособленной государственности вся разумная работа разумной части человѣчества. А они хотятъ дать жизнь ветшающему старью и называютъ такое дикое стремленіе прогрессомъ.

Это крупный грѣхъ. Это граничитъ съ хулой на самое святое, что есть теперь въ жизни у насъ.

Не государства намъ новыя нужны, а любящіе люди, видящіе въ любви своей призваніе жизни и служеніе Богу.

Грѣхъ ковать новые мечи и сѣять между людьми вражду и ложь. А называть этихъ кроваво красныхъ кузнецовъ людьми, служащими прогрессу, двойной грѣхъ. 349

Еще можетъ быть извиненіе людямъ, живущимъ въ старомъ строѣ и по слабости не умѣющимъ сбросить съ себя это тяжелое иго вооруженнаго общежитія; еще можетъ быть споръ и колебаніе у человѣка, приросшаго больнымъ мѣстомъ къ привычнымъ, хотя и вреднымъ и ужаснымъ порядкамъ жизни, — какъ привыкаютъ люди къ своимъ ранамъ и тяжелымъ затяжнымъ надугамъ. Но нарочито, наново, сознательно, съ горделивой бравадой и захлебывающимся волненіемъ начать постройку стараго ужаса и надѣть на цѣлый народъ подъ видомъ освобожденія тѣсный, жмущій и усѣянный иглами хомутъ обособленной государственности, — это ужасно, этому имени нѣтъ! Это гибель лучшихъ надеждъ и поруганій лучшей святыни народа. — Что соблазнило

ихъ, что имъ понравилось въ этомъ націоналистиче-
скомъ, а въ сущности пушечно солдатскомъ движе-
ніи среди европейскихъ народцевъ, которымъ вожди
сіонизма, очевидно, стараются изъ всѣхъ силъ по-
дражать? Игрушечная свобода Сербіи, гдѣ слово ав-
стрійскаго посланника больше значитъ, чѣмъ указы
короля, и гдѣ на самомъ дѣлѣ вся свобода сводится
къ безконечной рѣзнѣ и интригамъ между партіями
и въ концѣ концовъ къ раззору крестьянства и исто-
щенію земли, обремененной налогами для содержанія
огромной оравы чиновниковъ и бутафорскаго вой-
ска, котораго можетъ хватить на два-три залпа не-
большой батареи? Это имъ нравится? Или кажуща-
яся свобода Болгаріи, которая вылѣзла изъ кулька
Стамбула и попала въ рогожку Стамбулова, и кото-
рая тоже, раздираемая смутами изъ-за временныхъ
350 царьковъ, не нынче-завтра попадетъ къ кому-нибудь
въ ротъ? Или Румынія, Македонія, Черногорія,
Критъ, Греція, — что нравится сіонизму? Я не го-
ворю уже объ Италіи, Франціи, Англіи, Германіи и
странахъ еще ближе къ намъ, — гдѣ тоже стонъ
стоитъ подъ небомъ отъ растерзываемаго тѣла на-
родовъ, дичающихъ и переходящихъ въ нищенство
благодаря раззору вооруженія и организаціи. Эти
народы, предчувствуя наступающее нищенство, на-
бросились теперь на дальнія страны мирныхъ «не-
культурныхъ» людей и хищнически стремятся за-
брать у нихъ все, что можно, и безсовѣстно пора-
ботить ихъ, какъ это мы видимъ въ Индіи, Африкѣ,
Китаѣ...

Да что говорить!.. У кого только глаза открыты
и умъ не ослѣпленъ, — тотъ ясно видитъ грозящее
вырожденіе людей и полное оцѣпененіе ихъ духов-

ной жизни, если кровожадный призракъ обособленнаго господства не будетъ разсѣянъ силою разумной работы искреннихъ, правдивыхъ людей. — Никогда еще человѣчество не было близко къ такому поголовному истребленію и полному уничтоженію, какъ теперь, и никогда еще не было оно такъ удручено духомъ, благодаря сознаваемой ненужности и безцѣльности этихъ колоссальныхъ затратъ на колоссальное безуміе.

И этому содѣйствовать?! Сюда направлять работу людей и уговаривать ихъ тоже громоздить на безуміе безуміе?!.

Гдѣ-же глаза сіонистовъ? гдѣ ихъ совѣсть?

То здоровое зерно переселенческаго движенія, которое стремится раздѣлить скученность евреевъ и вернуть ихъ къ давно забытому земельному труду,— это несомѣненное чистое и прекрасное движеніе, которое теперь сіонисты выдаютъ за свое, вовсе не принадлежитъ сіонизму. Стремленіе къ колонизаціи была и раньше, — сіонизмъ только дерзко узурпировалъ его и придалъ ему несвойственную и ненужную ему политическую окраску и этимъ совершенно затормозилъ возвратъ евреевъ къ землѣ. Былъ раздутъ призракъ еврейскаго государства, который напрасно только осложнилъ простое и ясное само по себѣ желаніе людей уйти изъ городовъ и взяться за единственно-свойственную всѣмъ намъ здоровую, живую и честную Божью работу — земельную. И призракъ этотъ отбилъ охоту содѣйствовать переселенческому движенію у народовъ Европы и отбилъ охоту участвовать въ этомъ движеніи у самихъ евреевъ. Слишкомъ рискованна авантюра и слишкомъ грозна будущность...

Л. Н. ТОЛСТОЙ
О ЮДОФОБСТВѢ.

Когда въ 1889 году, какъ и теперь, на верхахъ страны зацвѣлъ ядовитымъ цвѣтомъ антисемитизмъ и грозилъ тучей новыхъ репрессій цѣлой народно- 355
сти, въ обществѣ заговорили и среди лучшихъ людей возникла мысль о гласномъ протестѣ. Помню, Диллонъ прислалъ тогда Толстому для подписи текстъ составленнаго въ сильныхъ выраженіяхъ протеста, который долженъ былъ быть опубликованъ въ русской и иностранной печати. Левъ Николаевичъ въ волненіи и полный негодованія противъ гонителей подписалъ протестъ, долго и горячо говорилъ о безуміи и ужасѣ юдофобства.

— Мнѣ очень трудно, — сказалъ онъ, — представить себѣ состояніе души людей, одержимыхъ этимъ безуміемъ. Я никогда за собою не помню такихъ чувствъ и не наблюдалъ ихъ въ народѣ; но вдумываясь поглубже, я все яснѣе и яснѣе вижу, что юдофобство—не мнѣніе, не политическое убѣжденіе, не партійный взглядъ, а болѣзненное состояніе, ди-

кая страсть, и страсть ближе всего подходящая къ области половыхъ низменныхъ страстей, съ особымъ извращеннымъ оттѣнкомъ. Есть люди, — и въ особенности это поражаетъ среди спившихся и потерявшихъ стыдъ площадныхъ женщинъ, которыя безъ удержу и до пѣны у рта ругаются скверными словами и грязной руганью, и въ апогеѣ безумія, когда доходятъ уже до полнаго забвенія, онѣ, обнажая срамоту свою, бросаютъ ее въ лицо людямъ, какъ верхъ гадости. И, дѣйствительно, трудно придумать что-нибудь болѣе гадкое... Такая же гадливая срамота обнажается и одержимыми юдофобіей. И они безъ удержу и всласть ругаютъ извѣстной, опостылѣвшей руганью евреевъ. Они какъ дорвутся до этого, то ужъ до пѣны у рта шипятъ этими шипящими звуками и этимъ шипѣньемъ, пропитаннымъ ненавистью и смрадомъ, они, какъ ужи, прыскаютъ на другихъ, и видно, что это шипѣнье вызываетъ у нихъ особое чувство гнуснаго довольства и гнусной сладости... И это одинаково: въ словесной и письменной брани. Вы возьмите лучшаго изъ писателей-юдофобовъ, который въ другихъ воросахъ и трезвъ, и способенъ связывать мысли и не повторяться: какъ только доберется до евреевъ, то что ни строка, то слово: «жидъ», а иногда и два въ строкѣ встрѣчается. Какъ та срамница со сквернословіемъ. Трудно подыскать другое сравненіе для нашей (простите, мнѣ даже противно выговорить это слово) жидоѣдской литературы. Но сходство это идетъ еще дальше... Есть люди, несомнѣнно больные, которые потомъ и попадаютъ къ врачамъ, и люди эти развиваютъ въ себѣ на почвѣ срамоты утонченное сладострастіе. Это одинъ изъ видовъ содомскаго грѣха.

Такіе люди узнаютъ другъ друга въ толпѣ по блеску глазъ, по особой улыбкѣ, по нажиму бровей и, узнавъ другъ друга, тѣшатся срамотами, губя душу свою и чистоту ея. И юдофобы тоже таковы. И они по особой, только имъ одной свойственной странной, смѣшанной съ коварствомъ и дѣланной болью улыбкѣ, по кивку головы, по нажиму бровей, въ особенности когда рядомъ съ ними еврей, или прошелъ мимо, — узнаютъ другъ друга, узнавъ, тотчасъ начинаютъ обнажать срамоту души своей и шипѣть излюбленнымъ шипящимъ звукомъ «ж» и выкапывать изъ облюбованнаго слова глаголы, существительныя и прилагательныя: «жидовскій», «жидюга», «жидовина» и т. д. Только это и слышишь. То, что они говорятъ при этомъ о политикѣ, объ экономіи, объ исторіи и даже о религіи, о всемірномъ господствѣ, о кагальномъ строѣ, — это никакого значенія не имѣетъ, все это оболочки, заверки и та труха, которой пересыпаютъ скоро портящіеся фрукты. Главное это—фруктъ, который они сосутъ, находя въ этомъ удовольствіе и отраду. Мнѣ доводилось иногда на пароходахъ и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ по цѣлымъ часамъ слушать эти рѣчи, и я прямо поражался скучному однообразію темы и тѣмъ особымъ взвизгиваньямъ и хихиканьямъ, которыя сопровождаютъ такія бесѣды. Удивительно это напоминаетъ хохотъ и взвизгиваніе распутной компаніи, гдѣ и мужчины, и женщины, источая маркія сальности, топчутся со сладострастіемъ въ этомъ липкомъ мѣсивѣ затхлой гнили духа. И тоже какъ въ той компаніи, находятъ мѣсто глупые анекдоты и пошлыя представленія въ лицахъ съ кривляніями... Я не играю сравненіемъ и не хочу во всѣхъ подробно-

стяхъ проводить аналогію, но хочется установить ту несомнѣнную мысль, что юдофобство — больное, позорное любострастное чувство и что цвѣтетъ оно и наблюдается среди тѣхъ народовъ и въ тѣ эпохи, когда грязная волна разврата заливаетъ умы и сердца людей. Таковы были Египетъ, Римъ со своими половыми извращеніями, монашество и папы съ содомскими грѣхами, такова Франція съ ея садизмомъ и другими гадостями. И такъ и у насъ въ этомъ гниломъ основаніи, въ этихъ гнилыхъ и смрадныхъ верхахъ, откуда несетъ удушіемъ ада, и гдѣ та же извращенность страсти принимаетъ тѣ же безобразныя и отвратительныя формы, что и у древнихъ.

И только этимъ и объясняется то, что юдофобія именно въ этихъ кругахъ и гнѣздится, и отсюда эта гніющая жижа истекаетъ и отравляетъ долину на-
358 родной жизни, какъ отравляютъ округу гніющіе отбросы и жидкости съ заводовъ и фабрикъ. Народъ чуждъ юдофобскаго чувства, какъ чуждъ онъ разнымъ извращеніямъ и прочему. И между всѣми срамотами юдофобство самая отвратительная и адообразная. Здѣсь все есть: и желчь ненависти, и слюна бѣшенства, и улыбка предательства, и видъ разбоя и ухарства, и пьянства, и изнасилованія, и поджигательства, и все, что только могутъ извергнуть самые темные низы души человѣческой. И пусть не говорятъ, что евреи такіе, что евреи иные, что ихъ жизнь, ихъ вѣра, поступки вызываютъ чувство юдофобіи,—нѣтъ!—чистое юдофобство не разбираетъ вины и не о винѣ хлопочетъ. Оно есть просто похоть злобы. Очень откровенно говорилъ объ этомъ еще императоръ Адріанъ. Съ нимъ встрѣтился однажды еврей и поклонился ему. «Кто ты, — спросилъ импе-

раторъ.—Еврей?» «Еврей»... «И ты посмѣлъ кланяться мнѣ, какъ будто я твой знакомый... Умертвить его!» Въ другой разъ другой еврей, знавшій уже объ этомъ случаѣ, при встрѣчѣ съ Адріаномъ прошелъ мимо и не посмѣлъ поклониться. «Кто ты?»—остановилъ его Адріанъ. «Еврей». «Еврей?!! И ты дерзнулъ пройти мимо меня и не поклониться?.. Умертвить его!» — послѣдовалъ приказъ. Когда приближенные императора полунамеками выразили свое удивленіе, Адріанъ прямо заявилъ имъ: «Я ненавижу ихъ и пользуюсь всякимъ случаемъ, чтобы истребить ихъ». И таковы всѣ юдофобы. Что же это? Въ какую бездну ужасовъ влекутъ насъ эти одурѣлые, черной похоти люди и какой развалъ готовятъ они для страны, если это безуміе разовьется и охватитъ большіе круги? Не смуты и не полки вражескихъ армій губятъ народности и страны, а распадъ внутренней силы и омраченіе чистоты душевной, ростъ похотливости, злобы и безпутства съ окаряченіемъ другихъ націй, — вотъ что губитъ и сметаетъ съ лица земли народы, страны и государства. «Люди! — хочется крикнуть всѣмъ, — что вы дѣлаете? Зачѣмъ вы умножаете беззаконія свои и неслыханною жестокостью къ другимъ дѣлаетесь участниками гнѣва судьбы и этотъ гнѣвъ наклинаете на свою собственную жизнь? Эта громада страны, которая кажется теперь нерушимой, колоссальной и вѣчной, прогніетъ насквозь и разсыплется, какъ трухлявое дерево, если дастъ этимъ червякамъ ненависти точить свою сердцевину и разъѣдать кору. Не устоитъ громада и съ трескомъ и шумомъ великимъ падетъ въ пучину забвенья, куда падали уже многіе народы за ту же вину. И Римъ, и Египетъ,

и Вавилонъ разсыпались за ненависть къ народамъ, населявшимъ страну ихъ, ибо ненависть, какъ ледъ, не можетъ быть цементомъ въ государствѣ. И ледяному дому не быть жилищемъ для человѣка, какъ бы ни казалась причудливой его постройка и какъ бы ни были велики ледяныя плиты его. И горе той странѣ, которая уподобляется ледяному дому, гдѣ, облитые злобою и замороженные жестокостью, покоренные и плѣнные народы служатъ столбами и опорою для стѣнъ и потолка! Не уподобляйте страну нашу этому ледяному дому, и не замораживайте ненавистью народностей, живущихъ среди насъ. Отогрѣвайте свое оледенѣвшее сердце и простритe свою руку обиженнымъ и попираемымъ. Живя между нами, евреи дожили до того, что надъ ними исполнилось тяжелое предсказаніе: «и не будетъ мѣста покоя для ноги твоей, и дано тебѣ будетъ трепещущее сердце, истаиваніе очей и изнываніе души». Какіе же мы ужасные и страшные люди, если мы имъ все это сдѣлали и безконечными выселеніями не даемъ покоя для ноги ихъ, а погромами и убійствами вселили въ нихъ трепещущее сердце, истаиваніе очей и изнываніе души.

«Одумайтесь же и опомнитесь, люди! И не доводите ужасовъ до конца».

КЪ ЮБИЛЕЮ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

Левъ Николаевичъ получилъ письмо отъ княгини Д., написанное въ странномъ тонѣ полуукора, полуубѣжденія. Княгиня укоряетъ великаго писателя за то, что онъ даетъ свое молчаливое согласіе на предстоящія чествованія, и позволяетъ себѣ утверждать, что эти чествованія оффиціально отлученнаго отъ церкви человѣка будутъ обидны и отзовутся горькой скорбью въ сердцахъ всѣхъ православныхъ.

Л. Н. заволновался:

— Повѣрьте, — сказалъ онъ окружающимъ, — я давно уже забылъ о своемъ отлученіи и давно пересталъ чувствовать тѣ слѣды, какіе внесъ въ мою жизнь этотъ злобный шагъ недобрыхъ людей. И менѣе всего ожидалъ я, чтобы та, къ слову сказать, напрасная и тяжелая для меня самого юбилейная шумиха могла всколыхнуть въ людяхъ ржавое чувство отчужденія и религіознаго раздраженія.

То, что оно религіозное и какъ бы зиждется на фундаментѣ вѣры, это меня еще больше огорчаетъ и волнуетъ.

Я могу не раздѣлять извѣстныхъ догматическихъ взглядовъ и господствующихъ богословскихъ воззрѣній, но люди, и именно православные вѣрующіе люди,—нужно-ли говорить, какъ они мнѣ близки и дороги? Если хоть немного права эта дама, которая пишетъ мнѣ, то, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что я пожелаю какихъ-либо юбилеевъ и чествованій.

Я не хочу, чтобъ вокругъ меня бурлила злоба и разъединеніе.

Я въ ужасъ прихожу отъ одной мысли, что предстоящее чествованіе можетъ быть пріятно невѣрующимъ и огорчительно для вѣрующихъ. Я молчаливо соглашался на все затѣваемое только потому, что видѣлъ въ этомъ залогъ единенія, маленькій опытъ сліянія людей въ одномъ порывѣ, не ко мнѣ, конечно, не къ этому угасающему и сморщивающимся тѣлу, которое всѣ зовутъ Левъ Николаевичъ, а къ тому, куда онъ рвется душою и мыслями...

Меня трогалъ и умилялъ именно этотъ возможный подъемъ духовной радости и сближенія людей. Но разъ здѣсь имѣетъ мѣсто другое чувство, разъ здѣсь закипаетъ другое, то, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо торжествахъ и чествованіяхъ. Богъ съ ними, съ этими торжествами. Я отказываюсь отъ нихъ и не хочу ихъ, и, прошу васъ, передайте всѣмъ, что единственное мое желаніе — работать для мира людей и видѣть вокругъ себя такую радость растущей въ Богѣ жизни. Распрей и раздоровъ не хочу, шума и волненій не желаю.

Я сейчасъ отвѣчаю писавшей мнѣ дамѣ и выскажу ей это самое. Кромѣ того, я напишу Стаховичу

и попрошу его прекратить работу по устройству всѣхъ этихъ чествованій и торжествъ.

Присутствующіе стали возражать:

— Вы напрасно, дорогой Левъ Николаевичъ, такъ близко принимаете къ сердцу слова писавшей вамъ дамы.

Она тысячу разъ неправа и говоритъ вещи, совсѣмъ далекія отъ жизни.

Васъ любятъ русскіе люди, и именно тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе вѣрующи, васъ больше цѣнятъ и прошлому отлученію никакого значенія не придаютъ.

Благодаря вамъ, и только вамъ, въ обществѣ, до того равнодушномъ къ вопросамъ вѣры, заговорили о религіи, о Богѣ, о смыслѣ жизни. Сколькихъ вы спасли отъ отчаянія, отъ смерти; сколькихъ поддержали на пути ихъ нравственнаго обновленія. А сколько людей зачитывалось и воспитывалось на вашихъ художественныхъ твореньяхъ! Всѣ знаютъ это, всѣ чувствуютъ это и, полные благоговѣнія, желаютъ чѣмъ-нибудь выразить свой восторгъ. Не противьтесь этому, вы даже не вправѣ противиться.

Изъ всѣхъ Божьихъ дѣлъ, можетъ быть, это наиболѣе изъ великихъ, насущныхъ и чреватыхъ хорошими плодами. Голосъ писавшей вамъ женщины — это голосъ небольшой, крохотной партіи, взявшей теперь монополію на патріотизмъ.

Это крикливая, шумящая и неудержная кучка людей, и кому, какъ не вамъ знать, что русскій народъ далекъ отъ всего того, куда желаетъ толкать его эта горсть. Васъ желаетъ почтить человѣчество, а вы обращаете вниманіе на полудикое завыванье мрачныхъ филиновъ. Подумайте, дорогой, какой обидой покажется вашъ отказъ всѣмъ людямъ. Да

развѣ вы сами, напр., если бы теперь чествовали Диккенса или Рескина, развѣ вы не приняли бы участія въ этомъ чествованіи? Развѣ это не лучшій, не чистѣйшій способъ радостнаго единенія людей?

Такъ говорили близкіе къ Л. Н. люди, между прочимъ, и В. Г. Чертковъ.

Л. Н. сказалъ:

— Да. Вы, конечно, правы. Къ чествованію Рескина я присоединился бы. Дѣлайте, какъ знаете. Только, ради Бога, безъ шума. Въ шумѣ и въ бурѣ Бога нѣтъ.

ОТКАЗЪ ОТЪ ЮБИЛЕЯ.

Произошло это такъ. Княгиня Дондукова-Корсакова написала Льву Николаевичу письмо, въ которомъ она, напоминая о состоявшемся отлученіи отъ церкви, утверждаетъ, что при такихъ условіяхъ торжественныя чествованія писателя могутъ быть обидны для религіознаго чувства вѣрующихъ православныхъ, и что ему лучше всего отказаться отъ юбилейныхъ торжествъ.

Письмо это сильно взволновало великаго писателя и онъ тутъ-же отвѣтилъ ей, что сильно скорбитъ о замѣчаемой розни, что чувства вѣрующихъ людей ему очень дороги, и что если его юбилей вызываетъ въ комъ нибудь озлобленіе, то не можетъ быть и рѣчи о юбилеѣ.

Онъ отказывается отъ него.

Одновременно съ этимъ письмомъ Л. Н. написалъ также и М. А. Стаховичу, главному иниціатору празднованія, и просилъ его въ письмѣ больше не утруждать себя заботами о предстоящихъ торжествахъ.

Бывшій въ то время въ Ясной Полянѣ В. Г. Чертковъ и еще нѣкоторые приближенные позволили себѣ не согласиться съ великимъ писателемъ и всячески стали доказывать ему, что, во-первыхъ, княгиня, приславшая ему письмо, неправа, что никто изъ православныхъ ничего не можетъ имѣть противъ чествованія, что только небольшая кучка непроходимыхъ реакціонеровъ могутъ еще позволить себѣ строить недовольныя мины, и во-вторыхъ, такъ какъ празднованіе имѣетъ міровой характеръ, то Л. Н. даже и не вправѣ отказываться.

Люди хотятъ праздновать торжество духа, величіе человѣческаго генія. Это ихъ радость и радость величайшая.

Л. Н. смягчился и сказалъ:

— Пожалуй, вы правы! — и просилъ только не дѣлать большого шума.

Такъ, казалось, этотъ инцидентъ и былъ исчерпанъ.

Между тѣмъ отправленное Стаховичу письмо цѣлыхъ двѣ недѣли странствовало по Петербургу по разнымъ почтовымъ отдѣленіямъ и прибыло по назначенію съ громаднымъ опозданіемъ. Получивъ это письмо, М. А. Стаховичъ, которому уже былъ извѣстенъ финалъ разговора въ Ясной Полянѣ, написалъ все-таки Льву Николаевичу отвѣтъ и просилъ его сообщить ему, какъ поступить съ письмомъ: передать-ли его въ комитетъ и огласить его, или считать его ненаписаннымъ.

М. А. Стаховичъ писалъ также и Софьѣ Андреевнѣ, супругѣ Льва Николаевича, прося и ее разъяснить это недоразумѣніе.

Графиня отвѣтила, что, оберегая здоровье и стра-

шась волненій со стороны Льва Николаевича, она, всѣ домашніе и самъ Левъ Николаевичъ считаютъ положительно невозможнымъ прибытіе въ Ясную Поляну какихъ-либо депутацій съ рѣчами, торжественными подношеніями и т. д.

Будетъ только въ юбилейный день обѣдъ въ семейномъ кругу, и на обѣдъ будутъ приглашены трое друзей Льва Николаевича. Вотъ и все.

Отъ Л. Н. Толстого же ко дню полученія письма отъ графини прибыла телеграмма, въ которой онъ просилъ Стаховича доложить комитету и его письмо, и письмо Софьи Андреевны.

23 марта 1908 г. въ квартирѣ М. М. Ковалевскаго состоялось засѣданіе комитета, на которомъ Стаховичъ огласилъ и телеграмму, и оба письма Л. Н. и С. А. Толстыхъ.

М. М. Ковалевскій, предсѣдатель комитета, заявилъ, что въ виду такого отказа онъ не считаетъ для себя возможнымъ продолжать работу въ комитетѣ и слагаетъ съ себя обязанность и предсѣдателя, и члена комитета.

Съ такимъ же заявленіемъ выступилъ и М. А. Стаховичъ и тоже сложилъ съ себя обязанности секретаря и члена комитета.

Остальные члены комитета въ горячихъ и продолжительныхъ рѣчахъ доказывали, что изъ письма Софьи Андреевны видно нежеланіе только личнаго чествованія Л. Н., сопряженнаго съ волненіями, опасными для его здоровья. Общія же юбилейныя торжества остаются въ неприкосновенности.

И Л. Н. своей телеграммой, гдѣ онъ рекомендуетъ прочесть вмѣстѣ съ его письмомъ и письмо супруги его, именно это и хотѣлъ сказать:

— Меня не чествуйте. Мнѣ это тяжело и по многимъ причинамъ нежелательно. Но юбилей трудовъ моихъ остается юбилеемъ. Чествуйте, если цѣните ихъ.

Таковъ смыслъ сопоставленія этихъ двухъ писемъ. Поэтому члены комитета полагаютъ, что никоимъ образомъ не слѣдуетъ прекратить дѣятельность по организаціи юбилейныхъ торжествъ, которыя пріобрѣтаютъ міровое значеніе.

Но въ виду того, что отказывающіеся отъ дальнѣйшей работы М. М. Ковалевскій и М. А. Стаховичъ являются главными иниціаторами комитета и занимаютъ виднѣйшіе посты въ немъ, собраніе рѣшило считать комитетъ упраздненнымъ и организовать новый кружокъ имени Л. Н. Толстого съ тѣми же задачами, какія имѣлъ комитетъ, за исключеніемъ какихъ бы то ни было личныхъ чествованій Л. Н. Толстого.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
О ПОРНОГРАФІИ.

Еще задолго до «Крейцеровой Сонаты», когда рѣчь зашла о половой распущенности въ жизни и о порнографіи въ литературѣ, Л. Н. сказалъ: 375

— Что наше блудное и развращенное рабствомъ общество выдвигаетъ кадры блудниковъ и утонченныхъ развратниковъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Удивляться надо было бы обратному. Но что находятся люди, имѣющіе дерзость называться писателями и старающіеся всячески въ своихъ писаніяхъ размазать этотъ смрадъ и представить его въ видѣ тонкаго соблазна, — это удивительно. Какъ можетъ человѣкъ, не говорю уже идейно служащій людямъ и любящій осуществленіе правды на землѣ, какимъ долженъ быть всякій писатель, но просто пишущій человѣкъ, обладающій небольшимъ воспріятіемъ, какъ можетъ онъ видѣть въ похотливыхъ и грязныхъ сношеніяхъ съ женщиной что-то красивое и достойное увлеченія? Мнѣ кажется, что нѣтъ ничего гаже и ничего безобразнѣе открытаго вида

женщины, когда она бываетъ въ томъ положенiи, въ какомъ бываютъ пацiентки у гинеколога въ креслѣ. И эту гадость расписывать?! Брр...

Все умѣнiе старинныхъ писателей, тоже подходящихъ къ этому «вопросу», въ томъ и заключалось, что они изъ всѣхъ силъ старались расцвѣтить моменты, удлинить переживанiя и все время держать читателя въ ожиданiи чего-то, и такъ и оставить его въ этомъ ожиданiи, никогда не доводя фабулы до откровеннаго описанiя «конца». Это была болѣе тонкая работа стараго дьявола. Онъ лучше зналъ свое дѣло и всегда держалъ женщину прикрытой, съ листкомъ стыдливости на томъ мѣстѣ, которое знать и описывать полагается только знатомамъ и гинекологамъ. А нашъ дьяволъ литературы, еще молодой дьяволенокъ, до того глупъ и неискусенъ въ своемъ дѣлѣ, что сразу помѣщаетъ женщину въ изслѣдуемой позѣ и наводитъ на нее рефлекторъ.

И получается нѣчто такое, послѣ чего три дня въ ротъ пищи не возьмешь. Тошнитъ!

Правда, этотъ родъ литературы у насъ еще мало расцвѣлъ, у насъ пока еще только засасываются тошнотворными романами французской работы, но чувствуется, что эта рвотная волна захлестнетъ и насъ. Завидуя успѣхамъ ввознаго товара, наши домашнiе работники тоже начнутъ зариться и пойдутъ въ обгонки. Ужасаюсь! Получится что-то невѣроятное. Настанетъ эпидемiя своего рода духовной морской болѣзни, и люди, какъ путники, переживающiе качку, все изрыгнутъ изъ себя, и жизнь превратится въ отвратительное мѣсиво блевотины. «И унизится мужъ, и падетъ человѣкъ».

Половая похоть тѣмъ и ужасна, что она въ со-

:удѣ души нашей, какъ ржавчина, выѣдаетъ отверстіе, и влага жизни неизбѣжно уходитъ. Посмотрите людей, наблюдайте жизнь, и вы увидите, что бываютъ многіе, достигшіе въ работѣ надъ собой высокихъ результатовъ и уже жившіе, и дѣлавшіе много для другихъ, но стоитъ имъ чуть-чуть ослабить надзоръ за собой и дать поселиться въ душѣ похотливымъ вожделѣніямъ и начать сближаться съ женщинами для утоленія похоти, какъ черезъ самое короткое время все, что было накоплено и собрано съ такимъ трудомъ и стараніями, таетъ и растеривается.

Такъ же и съ литературой. Ерничество, порнографія изрѣшетываютъ душу, и все, что было цѣннаго и высокаго, жизненнаго и дорогого, все это таетъ и растеривается. Боюсь дожить до такого времени, но все, что смогу, я все сдѣлаю, чтобъ уяснить себѣ и людямъ ужасъ этого.

Я ношусь съ планомъ написать новую вещь. Хочется заглянуть съ краешка обрыва въ ту тьму пропасти, куда летятъ люди, гоняясь за утѣхой пола. И не сифилитическіе бараки, не палаты помѣшанныхъ нимфомановъ я буду рисовать,—нѣтъ!—будетъ изображена обычная семья нашего «здороваго» круга, которая, сама того не замѣчая, сползла, какъ сползаетъ въ пучину подмытая гора, — въ прорву обезьяньяго дѣла.

И въ этой прорвѣ разыграется драма.

Если Богъ приведетъ, я выражу это выпукло и ярко, ибо мысль эта волнуетъ и тревожитъ меня и неотвязно требуетъ рожденія на свѣтъ.

Въ этомъ вопросѣ нельзя быть достаточно требовательнымъ. Надо доходить до предѣловъ и не смущаться крайностями, боясь, что проповѣдь цѣ-

ломудрія приведетъ къ полному воздержанію и суровому аскетизму. Наоборотъ, проповѣдь полнаго воздержанія приведетъ къ цѣломудрію въ бракѣ, а слѣдовательно, и къ счастью людей.

Какъ гребецъ, желающій переплыть быстро текущую рѣку, поворачиваетъ лодку и держитъ курсъ прямо вверхъ, зная, что потомъ теченіе ее снесетъ и ладья приплыветъ куда надо, — такъ и писатель, выступающій съ проповѣдью чистоты въ половомъ вопросѣ, долженъ ставить ладью свою прямо противъ теченія и бросить вызовъ всякому вожделѣнію. Такъ, какъ это сдѣлалъ Онъ. «А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ». Вотъ, какъ надо, и только такъ надо говорить и чувствовать. Тогда жизнь станетъ чистая, и мы переплывемъ бурную рѣку соблазновъ отъ берега похотливой развращенности къ берегу радостнаго цѣломудрія.

Есть у меня еще одинъ надуманный сюжетъ, тоже на тему объ ужасѣ паденія.

Она была кроткая, добрая и все время сама вѣрила, что любитъ мужа и никогда, никогда не измѣнитъ ему. Но вотъ знакомая старушка стала нашептывать ей, что въ сосѣднемъ имѣніи гоститъ красивый молодой человѣкъ и страстно желаетъ близости съ ней.

Заволновалась душа женщины.

Образъ незнакомаго и невиданнаго ею мужчины влекъ ее къ себѣ неизъяснимымъ трепетомъ новой радости, и, послѣ долгихъ колебаній и уговоровъ, она дала свое согласіе.

— Только—потребовала она — полная тайна! Я не должна даже видѣть его лица.

Въ полночь, когда въ саду было темно, а мужъ уѣхалъ на охоту, она быстро пробралась по темнымъ аллеямъ и въ глубинѣ сада, далеко отъ дома и отъ сторожевыхъ глазъ, съ замирающимъ отъ трепета сердцемъ подбѣжала къ бесѣдкѣ, гдѣ, какъ заранѣе было условлено, онъ ожидалъ ее.

Бесѣдка была обвита густымъ, разросшимся плющемъ, и мракъ ночи еще болѣе сгущался въ ней. Ничего не было видно. Она слышала только его судорожное дыханіе, и, когда крѣпкія, сильныя руки обняли ее и притянули къ себѣ, она замерла въ истомѣ страсти, и черезъ мгновенье онъ уже владѣлъ ею...

Тяжело дыша и поправляя на ходу помятое платье, она бѣжала съ распущенными волосами по тѣмъ же аллеямъ назадъ.

И вотъ, тутъ начинается драма.

— Я не видѣла его и никто насъ не видѣлъ. Но такъ-ли это?

И вдругъ, какъ это бываетъ съ людьми, дѣлающими что-то во снѣ и въ то же время во снѣ слѣдящими за собой, она ясно почувствовала, что ее кто-то видѣлъ.

Огромный, большой, сіяющій.

И видѣлъ ее такъ, какъ никто никогда не могъ ее видѣть и какъ не видѣла она никогда сама себя.

«Онъ, Онъ. И я могла отъ Него укрыться?!»

Подавленная, измученная, она признается во всемъ мужу, и тотъ ее выгоняетъ.

Она цѣлуетъ край его одежды и босая, съ обнаженной головой, уходитъ въ далекое странствованіе

и на пути попадаетъ въ ссыльную общину евангельскихъ христіанъ. Тѣ принимаютъ ее.

Л. Н. замолкъ. Слезы показались у него на глазахъ и спазмы подступили къ горлу. Это всегда съ нимъ бываетъ, когда его захватываетъ поэтическій образъ, волнуя и умиляя его.

— Да, да....—говоритъ онъ, оправившись немного.—Онъ свѣтъ нашъ, и никакая тьма Его не объемлетъ. И я вѣрю, что люди, усиліями духа, сознавая близость свою къ Богу, избавятся отъ лютѣйшей тьмы—половой похотливости.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

О СЕМЬѢ.

Когда пріѣхалъ въ Ясную Поляну извѣстный эмигрантъ и послѣдователь религіознаго позитивизмма Фрей (это было въ 85 г.), Л. Н. кончалъ расчистку березовой аллеи. Огромныя столѣтнія дуплистыя березы, видавшія еще шумную жизнь дѣда Л. Н., екатерининскаго генералъ-аншефа кн. Волконскаго, —лежали срѣзанныя у обочины аллеи, а мы со Л. Н. большой поперечной пилой распиливали ихъ на аршинные чураки и отвозили потомъ для колки на черный дворъ.

Къ работамъ былъ приглашенъ и Фрей, который сразу же поразилъ своей выдержанностью и удивительнымъ тактомъ въ пиленіи.

— Э, да вы, батенька, артистъ! — мило пошутилъ Л. Н., — вы играете пилой, какъ смычкомъ, и такъ легко съ вами работать.

— Мы не даромъ, — отвѣтилъ Фрей, — работали въ дремучихъ лѣсахъ Америки. Сводка лѣса была главнымъ занятіемъ нашей общины. Тамъ я научил-

ся. И знаете, въ чемъ главный секретъ легкой пилки? Только въ томъ, чтобы пилу тянуть къ себѣ. А когда другой ее тянетъ, то не нужно ему помогать. Отъ этого пила вертится, застрѣваетъ спинкой въ прорѣзѣ, тупо врѣзывается зубьями въ дерево и тяжелитъ ходъ.

— Прекрасно! — восхищался Л. Н., — это дивное наблюденіе... И вѣрно, вѣрно, — я это вижу теперь. Пила какъ по киселю ходитъ. Это мудрое правило слѣдовало-бы и къ семьѣ примѣнить. Все несчастье наше въ томъ, что, взявшись пилить вдвоемъ дерево жизни, мы почему-то думаемъ, что непремѣнно нужно «помогать», нужно вмѣшиваться въ дѣла, нужно слѣдить за душой, провѣрять работу, приставать съ поученіями, направлять, совѣтовать... Это мучаетъ, это тяготитъ, въ этомъ весь адъ семьи.
384 И дѣло жизни такъ же не спорится, какъ и при пилкѣ.

Мы застрѣваемъ въ прорѣзѣ, вцѣпляемся зубьями иногда другъ въ друга, — и радостная, милая и легкая работа семьи превращается въ каторгу. Между тѣмъ все просто. Не помогай, дай мнѣ жить по моему. Дай мнѣ тянуть пилу моего разума самому. Особенно это важно и нужно, когда въ душѣ происходитъ переломъ, когда человѣкъ тянетъ къ жизни духа и его влечетъ новая жизнь. Я сколько разъ говорю своей женѣ, умоляю ее: «Ну, забудь на время, что я твой обязанный. Дай устроиться по новому, увидишь, всѣмъ намъ будетъ хорошо».

Нѣтъ, и слышать не хочетъ. И держитъ пилу. И пилитъ—и душу, и жизнь. То же и съ дѣтьми. И ихъ влечетъ жизнь луговъ, лѣса, простота деревни и имъ говорятъ: «нѣтъ, мы устроимъ ваше будущее»,

И окружаютъ ихъ кордономъ учителей и гувернантокъ и не даютъ самимъ даже ложкой супъ изъ чашки набрать. Я хочу носить простую, грубую одежду, ибо не во фракѣ же и тонкихъ перчаткахъ рубить деревья и косить на лугу, а мнѣ сейчасъ помогаютъ тѣмъ, что шьютъ одежду изъ тонкаго матеріала и хлопочутъ о тонкомъ бѣльѣ. Я хочу вести задушевную бесѣду съ крестьянами и часто бываю у нихъ и радъ-радъ, когда они приходятъ ко мнѣ и запросто усаживаются кругомъ и мы начинаемъ читать евангеліе или другую полезную книгу. И только устанавливается та тихая, духовная радость высокой бесѣды, которая единитъ и сближаетъ душу, какъ тотчасъ, я слышу, уже мнѣ помогаютъ наемные парни изъ буфетныхъ мужиковъ, уже несутъ въ звенящихъ, шлифованныхъ стаканахъ крѣпкій чай съ баранками и угощаютъ «людей».

И отъ этой «помощи» сразу рвется нить сближенія, и я уже баринъ, а они мужики, и что-бы я ни говорилъ послѣ, ни я, ни они, мы уже не чувствуемъ присутствія правды. «О божественномъ говоришь, а чай съ баранками попиваешь!» — думаетъ каждый. «Объ отреченіи отъ міра читаешь, а рабовъ въ перчаткахъ держишь и отнятымъ у другихъ угощаешь насъ».

Эти мысли чувствуются во всемъ, въ полускрытой улыбкѣ, въ змѣящихся огонькахъ умныхъ глазъ, даже въ трескѣ откусываемаго съ искрой краюшка сахара...

Во всемъ слышится тиканье неугомонныхъ часовъ, выстукивающихъ одно: баринъ, баринъ, баринъ... И такъ это мучительно, такъ досадно! Такъ это отбрасываетъ тебя отъ надуманнаго и лелѣема-

го далеко, далеко... А все отъ маленькой помощи. Я и говорю: «Ради Бога, не помогай! Я ужъ самъ буду тянуть свойконецъ пилы».

Фрей улыбнулся.

— Нѣсколько неожиданно для меня ваше сравненіе. Но въ подтвержденіе его могу сказать, что и у насъ въ общинѣ, несмотря на институтъ общаго покаянія и усиленнаго вниманія къ душѣ каждаго, въ семейной жизни каждаго члена общины мы строго придерживались полной свободы и совершеннаго невмѣшательства въ дѣла другого супруга.

Эта свобода многимъ казалась изолированностью и даже раздавались голоса о кажущейся скрытности, поощряемой нами; но мы твердо стояли на своемъ, и видѣли, что семейное согласіе и семейная чистота отъ этого только крѣпли.

386 — Мнѣ приходитъ на мысль, — подхватилъ Л. Н., — и другое сравненіе. Конечно, откровенность хорошая вещь—и кому, какъ не супругамъ, быть вполнѣ откровенными, но и въ области есть свой здоровый предѣлъ. Такой же предѣлъ, какъ и въ слезливости. Безъ постояннаго отдѣленія слезъ глаза были бы сухи и роговица трескалась бы и морщилась, какъ слива на солнцѣ. Но если слезы льются ручьями и не хватаетъ платковъ, чтобы утереть ихъ, мы говоримъ тогда не объ увлаженіи глазъ, а о мучительной плаксивости. И чтобы этого не было, у насъ аппаратъ устроенъ такъ, что есть мудрый сжиматель и слезный мѣшечекъ всегда завязанъ, какъ кулечекъ съ мукой, и изъ него выдавливается только чуть-чуть слеза.

Еще рѣзче и еще мучительнѣе оно выступаетъ въ потливости. И тамъ въ каждомъ потовомъ мѣ-

шечкѣ есть свой сдерживатель. И онъ не даетъ поту литься напрасно.

Откровенность—то же потоотдѣленіе души. Такъ же оздоровляетъ ее, такъ же освѣжаетъ и такъ же въ тяжелыя минуты переживаемой духоты и болѣзненныхъ кризисовъ бываетъ спасительнымъ средствомъ.

Но точно такъ же оно должно быть въ рукахъ особаго сдерживателя. И въ семейной жизни хорошо было-бы поменьше потливости. Тогда будетъ больше любви и больше чистоты...

Л Н. ТОЛСТОЙ
О ДУЭЛИ.

Дѣло было такъ.

Въ Полтавѣ у А. А. Зиновьева, брата теперешняго константинопольскаго посла, былъ произведенъ обыскъ по подозрѣнію въ близости къ общинѣ толстовцевъ. Ничего «предосудительнаго» не было найдено, но всю частную переписку и XIII томъ сочиненій Толстого съ «Крейцеровой сонатой» забрали.

Это сильно обидѣло Зиновьева, а на семейномъ совѣтѣ, который вскорѣ послѣ этого состоялся въ Петербургѣ, и на которомъ присутствовали сестра и три брата Зиновьева, тогда еще губернаторы, — обыскъ этотъ былъ признанъ также и фамильной обидой.

А. А. вернувшись изъ Петербургъ отправился къ полк. М., производившему обыскъ, и послѣ короткаго объясненія, вызвалъ его на дуэль. М. былъ смущенъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — я спрошу у начальника. Только позвольте, изъ-за чего-же мы будемъ драться?

Но Зиновьевъ былъ неумолимъ.

Черезъ два дня получилась отъ министра Горемыкина телеграмма на имя губернатора: «Употребите всѣ мѣры, чтобы Зиновьевъ взялъ назадъ свой вызовъ». И мѣры были употреблены. М. возвратилъ XIII т. и переписку, и инцидентъ былъ исчерпанъ.

Когда объ этомъ «инцидентѣ» узналъ Левъ Николаевичъ, онъ, помню, заволновался:

— Ахъ, ахъ! Какая досада! Добрый, милый Алексѣй Алексѣичъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Что это за странный порывъ, внѣдрившійся въ наше сердце и старательно лелѣемый затхлыми традиціями гніющаго круга феодаловъ! Если дѣти ущипнутъ другъ друга и потомъ сцѣпятся, какъ пѣтушки, — это смѣшно, но понятно, натурально и производитъ впечатлѣніе такой же естественности, какъ естественно
 бываетъ, когда музыка играетъ танецъ, а чуткія молодыя ноги начнутъ выдѣлывать плясовыя фигуры. Тутъ есть связь. И можно употреблять усилія и старанія, чтобы отучить дѣтей отъ этихъ драчливыхъ рефлексовъ, но самъ по себѣ рефлексъ есть, и противъ него спорить нельзя.

Если парни въ дервнѣ, засучивъ рукава, идутъ на кулачки и тузятъ другъ друга въ бока и щеки, — это уже не смѣшно, не такъ натурально, но въ этомъ много наивности и желанія размять кости. И не будь при этомъ хоровода и гогочущей публики, — все это можно было бы принять за серьезный номеръ гимнастики.

Но когда два джентельмена, снявъ сюртуки и оставшись въ жилеткахъ и глаженныхъ манишкахъ, становятся въ заранѣе условленномъ разстояніи, изъ-за котораго долго торгуются, и, заложивъ одну руку

за спину, другой направляютъ въ противника стволъ пистолета, — это ужъ не только не натурально, не смѣшно и не наивно, но прямо гадко, отвратительно и насквозь пропитано пустой надуманностью и дѣланностью и глупой-глупой подражательностью чему-то боевому.

Здѣсь все гадко, — и самый поводъ, который въ большинствѣ случаевъ мелокъ, низокъ и ничтоженъ, ибо все вертится либо вокругъ половой похоти, либо вокругъ фееверочно вспыхивающей обидчивости и дутаго чванства; — и всѣ эти переговоры, уславливанія съ неизбѣжными при этомъ секундантами, которые безъ памяти, какъ сваты, хлопочутъ о чемъ-то, всегда дурно скрывая удовольствіе отъ предстоящаго, какъ дурно скрываютъ это же удовольствіе и сваты; гадка бутафорія, гадки тѣ врачи, которые ждутъ раненаго, гадки извозчики, которые привезли всю эту компанію, — все гадко, омерзительно и глупо. Но омерзительнѣе всего, конечно, состояніе души каждаго изъ дерущихся.

Съ момента обиды обыкновенно проходитъ уже большой срокъ, уже острота укола успѣваетъ притупиться и на противника уже обыкновенно смотришь безъ порыва той злости и желанія мстить, которымъ горѣло сердце въ началѣ. А драться надо, надо убивать. И гнусное, низкое и опасное для самого себя дѣло выростаетъ во всей своей жестокости предъ глазами уже заложившихъ руки за спину дуэлянтовъ.

Я по себѣ знаю, я помню, когда я вызвалъ на дуэль Тургенева, и, когда верховой съ вызовомъ только отъѣхалъ отъ дома и я заслышалъ топотъ копытъ его послушной лошадки, которая везетъ гроз-

ное требованіе смерти и дѣлаетъ это такъ же послушно, какъ той же послушной рысцой она скачетъ за баранками въ городъ; какъ только для меня ясно стало, что дѣло уже дѣлается, — я вдругъ почувствовалъ, что весь пылъ озлобленія изъ меня вылетѣлъ, какъ вылетатъ зарядъ изъ ружья, и остался только ѣдкій запахъ дымящагося пороха. Я въ душѣ уже тогда простилъ Тургеневу его грубое слово, которое меня такъ взволновало, и я уже видѣлъ его мягкіе глаза, съ ужасомъ читающіе рѣзкій вызовъ, предвѣщающій ему, быть можетъ, послѣдніе дни жизни. И воображаю, что было бы, если бы примиреніе не состоялось, и мнѣ все таки пришлось бы съ пистолетомъ въ рукахъ стоять противъ Тургенева и ждать отъ него выстрѣла или стрѣлять въ него. Какой ужасъ это былъ бы для меня! И этотъ ужасъ

испытываютъ, я увѣренъ, почти всѣ, ибо почти у всѣхъ все сводится либо къ тому же случайно сорвавшемуся слову, какое мнѣ сказалъ Тургеневъ, либо къ «гусаку», о которомъ разсказываетъ Гоголь. Этотъ «гусакъ» только бѣды дѣлаетъ!...

Я понимаю еще поединокъ древности, когда такіе поединки рѣшали судьбу народовъ, какъ это было въ случаѣ съ Давидомъ и Голіафомъ. Но и здѣсь больше прикрашеннаго романтизма, чѣмъ дѣйствительности, и люди больше умиляются картиной побѣды маленькаго Давида надъ огромнымъ Голіафомъ. А въ сущности, если хорошенько вчитаться въ текстъ этого мѣста, Давидъ вовсе не былъ такой маленькій и безсильный, какъ это намъ рисуетъ умиленное воображеніе. Саулъ говоритъ Давиду: «Не можешь ты идти противъ этого филистимлянина, ибо ты еще юноша, а онъ воинъ юности». Тогда Да-

видъ отвѣчаетъ: «Рабъ твой пасъ овецъ у отца своего, и когда бывало приходилъ левъ и уносилъ овцу изъ стада, то я гнался за нимъ и нападалъ на него и отнималъ изъ пасти его; а если онъ бросался на меня, то я бралъ его за космы и поражалъ его и умерщвлялъ его».

Вотъ какой былъ этотъ «безсильный Давидъ». Конечно, ему было не такъ страшно сразиться съ филистимляниномъ, если онъ одинъ ходилъ на льва. Такъ что, я говорю, умиленію тутъ не мѣсто. Здѣсь просто была борьба двухъ силачей, которая замѣнила борьбу и смертоносную свалку тысячъ людей. Если бы теперешніе народы тоже прибѣгали къ этому способу рѣшенія споровъ, то не было бы столько кровавыхъ столкновеній на сушѣ и морѣ, и войны были бы рѣдкостью. Въ особенности, если бы поединки эти происходили между главами враждую- 395
щихъ странъ. Пусть бы они другъ съ другомъ спохватились, остальные были бы живы. И, можетъ быть, тогда эти враждующія главы скорѣе увидѣли бы всю суетность, всю мелочность и ничтожество поводовъ къ столкновенію, такъ же, какъ это видятъ теперь всѣ дуэлянты.

Но удивительная вещь! И видятъ, и сознаютъ, и чувствуютъ люди, а дѣлаютъ и продолжаютъ хвалить и взращивать въ себѣ это утонченное варварство,— дуэль. Что-жъ это такое? Скотина, — вѣдь и та наладится, чтобы даромъ кормъ не сбивать; а человѣкъ, съ разумомъ въ душѣ и съ сознаніемъ близости къ вѣчному, не можетъ наладиться, чтобъ драгоцѣннѣйшее изъ сокровищъ своихъ — жизнь не бросить подъ ноги перваго встрѣчнаго, у котораго что-то сорвется съ плохо привязаннаго языка?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

0-15

~~Ц. 1.50.~~

